

ВЕСНІК

*Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна*

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ IV

ФІЛАЛОГІЯ

ЖУРНАЛІСТЫКА

ПЕДАГОГІКА

ПСІХАЛОГІЯ

№ 2
ЖНІВЕНЬ

БІБЛІЯТЭКА
БЕЛАРУСКАГА Дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна

Галоўная рэдакцыйная калегія часопіса:

М. Д. ЦІВО (*галоўны рэдактар*),
П. М. БАРАНОЎСКІ (*адказны сакратар*), В. С. ГРЫГОР'ЕУ,
Г. П. ДАВІДЗЮК, У. Р. ІВАШЫН, В. Р. РУДЗЬ (*нам. галоўнага рэдактара*), А. М. САРЖЭЎСКІ, А. Я. СУПРУН,
І. Р. ЦІШЧАНКА

Рэдакцыйная калегія серыі:

А. Я. СУПРУН (*адказны рэдактар*)
Р. В. БУЛАЦКІ, Р. І. ВАДЭЙКА, А. А. ВОЛК, І. К. ГЕРМА-
НОВІЧ (*адказны сакратар*), В. В. КАЗЛОВА, І. П. КАХНО,
Ф. І. КУЛЯШОЎ, М. Р. ЛАРЧАНКА, М. У. ПІСКУНОЎ,
В. П. РАГОЙША, Б. В. СТРАЛЬЦОЎ, П. І. ТКАЧОЎ,
М. Я. ЦІКОЦКІ, Л. М. ШАКУН (*нам. адказнага рэдактара*),
І. В. ШАБЛОУСКАЯ, П. П. ШУБА

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В. И. ЛЕНИНА

Серия IV, № 2, 1981

Издательство Белорусского государственного
университета им. В. И. Ленина

220048, Минск, пр. Машерова, 11. Дом книги.

Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.

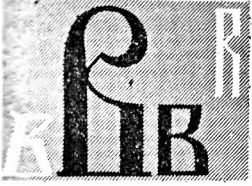
На русском и белорусском языках

Рэдактар А. А. Сычоў
Малодшы рэдактар Г. М. Добыш
Мастацкі рэдактар Л. Г. Мядзведзева
Тэхнічны рэдактар і карэктар Г. І. Хмарун

Здадзена ў набор 08.06.81. Падпісана да друку 17.08.81. АТ 20564. Фар-
мат 70×108^{1/16}. Друк высокі. Ум.-друк. арк. 7,0. Ул. выд. арк. 8,03. Ты-
раж 1000 экз. Заказ 308.

Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.
Выдавецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна,
220048, Минск, пр. Машэрава, 11. Дом кнігі.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП
Беларусі, 220041, Минск, Ленінскі пр., 79.

Літаратуразнаўства

Д. Д. ВОРАН

ТРАГІЧНАЕ ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ НАВЕЛЕ

Вядомы савецкі літаратуразнаўца Л. Якіменка назваў Вялікую Айчынную вайну журботнай і гераічнай. Мы добра ведаем, колькі яе удзельнікаў атрымала званне Героя Савецкага Саюза пасмяротна! Трагедыя ў тым і заключаецца, што жыццё нярэдка трэба абараняць, прымаючы смерць. Трагічнае дыктуе асаблівую форму сувязей характару і абставін, пры якой ствараюцца такія псіхалагічныя перадумовы, калі чалавек не можа «іграць або фальшывіць, ён увесь на відавоку, бачны яго кожны рух, стан душы, думкі. Трагічны пачатак яшчэ больш востра, чым іншыя эстэтычныя катэгорыі, дазваляе вырашыць, «што такое чалавек перад сакрушальнай сілай «бесчалавечных» абставін. На што ён здольны, калі магчымасці адстаць сваё жыццё вычарпаны ім да канца і прадухіліць смерць немагчыма»¹.

У беларускім ваенным апавяданні народная трагедыя разглядаецца праз трагедыю асобнага чалавека. Паглыбленне трагічнага ідзе і ў плане разгляду адлюстроўваемай з'явы з усіх бакоў, і ва ўстанаўленні сувязі паміж гэтымі з'явамі, і ў адзінаборстве розных уяўленняў аб жыцці і смерці, аб гонары і бясслаўі, высокім і нізкім, страху і адвазе, у павелічэнні эмацыянальнага патэнцыялу, інтэлектуальнага напаўнення таго, што адбываецца вакол. Словам, сённяшняй трагічнай тэме ўласцівы своеасаблівы ўнутраны псіхалагізм. У сучаснай беларускай «малой» прозе трагічнае асветлена і гераічным, і вялікай верай у магчымасці чалавека, і спачуваннем да яго гора і пакут. Гэта складаная шматаб'ёмная з'ява набыла такія розныя адценні, што, скажам, трагізм апавядання А. Жука «Асення халады» адрозніваецца ад трагізму ў яго ж «Вячэрнім сонцы», а ў апавяданні «Страх» А. Марціновіча і «Свае людзі» В. Быкава зусім іншая грань трагізму. Вядома, многае залежыць ад творчай індывідуальнасці пісьменніка, але трагічныя калізіі набываюць разнастайныя адценні, магчыма, нават не столькі ў сілу гэтай індывідуальнасці, колькі ў сілу шматграннасці і аб'ёмнасці з'явы.

Тры партызаны, што хаваліся ў вёсцы, здаліся ў палон, каб выратаваць жыхароў і перш за ўсё дзяцей (А. Адамовіч. Партызаны). Стары (Я. Брыль. Memento mori), жадаючы выручыць як мага больш аднавяскоўцаў, гіне сам. Беларуская сялянка, нягледзячы на строгую забарону, прытуліла савецкіх салдат і за гэта паплацілася жыццём. Бяззбройны камісар, паміраючы, «забівае» немцаў паведамленнем: «Мы вашага оберштурмбанфюрэра забілі! Мы станцыю Баркі спалілі!» Гераічная смерць камісара стала падтрымкай для другога байца, Валодзькіна, надала яму сілы, дапамагла падпарадкаваць сабе трагічныя абставіны і выйсці пераможцам (В. Быкаў. Трое). Хлопчык Алёша (І. Пташнікаў. Алёша) мог бы застацца жывым, каб не зрабіў «ракавога» кроку. Сваім дзіцячым розумам хлопчык адчуў неабходнасць тэрмінова паведаміць рускім салдатам аб раптоўным з'яўленні фашыстаў. Ніхто не патрабаваў ад Алёшы такога рашэння, больш таго, ніхто і не асудзіў бы яго, калі б ён, скажам, схваўся ў жыццё або ўцёк у вёску. Але ў гэтым маленькім чалавеку запалілася тая «гераічная ўспышка», аб існаванні якой ён нават і не падазраваў, тое свядомае самаахвяраванне, якое дазволіла ў свой час Ф. М. Дастаеўскаму вызначыць такі характар, як «адзнаку найвышэйшага развіцця асобы... вы-

шэйшай свабоды волі»². Асоба ў такім выпадку ўносіць агонь у чалавечае быццё, надаючы яму і ўсім справам чалавека высокую мудрасць і сэнс. Што кіруе, напрыклад, паводзінамі Кірылы Тураўца (У. Караткевіч. Кніганошы), які пастаянна падвяргаецца смяротнай небяспецы? Толькі прафесія, імкненне зарабіць сабе на жыццё? Вядома, не. Ён мог бы заняцца нечым іншым, але Кірыла не толькі не мяняе прафесію кніганошы, але абучае ёй і свайго сына, і дачку.

Л. М. Талстой пісаў пра абаронцаў Севастопаля, што «з-за крыжа, з-за назвы, з пагрозы не могуць прыняць людзі гэтыя жудасныя ўмовы: павінна быць іншая, высокая пабуджальная прычына»³. Такой прычынай для Кірылы з'яўляецца яго высакародная дзейнасць — пераносіць праз кардон забароненыя кнігі на беларускай мове. Вялікая мэта кніганошы, не здымаючы горычы, трагічныя пакут і перажыванніў (ён страціў ва семнаццацігадовага сына), узвышае чалавека, і смерць самога Кірылы з'яўляецца апраўданнем і выкупленнем страт. Не выпадкова яго імя сугучна імені гуманіста і асветніка, які жыў у старажытным Тураве, — Кірылы Тураўскага.

Душэўнае сумленне, патрыятычная сутнасць названых герояў — гэта і ёсць вышэйшае праўленне гуманізму, трыумф найвялікшай бескарыслівасці, дзе трагічнае, выступаючы як прыватны выпадак, з'яўляецца вышэйшым праўленнем гераічнага ў грамадскім сэнсе, калі герой закліканы «бессмертье своего народа своею смертию покупать» (К. Сіманаў). Гэта — узвышанае ў трагедыі. Але праблема суадносін гераічнага і трагічнага неадназначная і складаная, эстэтычнае багацце трагічнага аб'ёмна, таму ўяўляецца неабходным размежаванне некаторых паняццяў, напрыклад, такіх, як трагізм гераічнага здзяйснення і трагізм вайны.

У беларускім апавяданні трагедыя вайны гучыць пранікнёна, на самай высокай ноце. Жудасныя карціны народнай трагедыі ў палаючых свірнях, набітых людзьмі, у бязлітасным знішчэнні карнікамі і маленькага абозу мірных жыхароў (І. Пташнікаў. Тартак), і вялікіх сёл, і ў тым, калі ў вячэрнюю цішыню ўрываецца голас жанчыны, якая кліча сына, што загінуў на вайне: «Іванька, дамоў пара!» (А. Варановіч. Вячэрнія званы). Трагічны стан свету ў час вайны змяшчаецца і ў пейзажы. Вось ужо сапраўды «и капля вод полна трагедий...»

«Клумбы жоўта-белага дыму, які амаль ніколі не чарнеў, доўга віселі над заснежанымі палямі і прыціхлымі лясамі. І ўвесь час у паветры стаяў пах гарэлага чалавечага мяса» (І. Чыгрынаў. Плывун). На зямлю, што ўспухла ад крыві, на здэкі і злачынствы фашыстаў не можа глядзець нават сонца. Яно заплюшчыла вочы, закрыва вушы, каб не раніць сябе памяццю, «каб не несці на сваіх промнях іншым людзям і іншым народам страх і жах таго, што тут адбывалася».

Як відаць, у беларускім апавяданні складваецца разнастайная паэтыка трагічнага. У першую чаргу, гэта — трагедыя вайны. Трагізм жа гераічнага здзяйснення — гэта не проста смерць, а гібель людзей, якія змагаюцца за змяненне і перабудову жыцця.

Праблема трагічнага, захопліваючы сацыяльна-філасофскую сферу, звязваецца з разуменнем чалавека і яго ролі як суб'екта гісторыі. Які б ні быў жудасны лёс героя, калі ён не нясе ў сабе зараду барацьбы, напружання волі для маральнага або фізічнага паядынку, такая фігура не лічыцца ў сучаснай крытыцы трагічнай. Так, В. Бачароў у кнізе «Чалавек і вайна» адмаўляе ў трагічнасці не толькі характару Андрэя Гуськова (В. Распуцін. Жыві і помні), але і Насцёне ўсё па той жа прычыне — з-за адсутнасці актыўнай пазіцыі да падзей — барацьбы. Сцвярджаюць А. Бачарова аб актыўнай жыццёвай пазіцыі героя бясспрэчнае, хоць у даным выпадку мы, відаць, маем справу з іншымі адценнямі трагічнага. Смерць Насцёны — гэта не трагічнасць гераічнага здзяйснення, але і не простая смерць. Другі план падзей робіць сітуацыю трагічнай нават тады, калі б Насцёна і не наклала на сябе рукі.

Ёсць у беларускай навелістыцы апошняга часу такія апавяданні, сюжэтная аснова якіх мае незвычайную трагічную сітуацыю, калі бацькі выдаюць паліцэйскім сваіх дзяцей. Гэта «Страх» А. Марціновіча, «Свае людзі» В. Быкава. Гераіня апавядання В. Быкава, маці двух падлеткаў, ахоўваючы дзяцей ад вайны, звяртаецца да далёкага сваяка-паліцая, каб ён адгаварыў іх ад пярэдага рашэння ісці ў партызаны. Ці магла яна ўявіць, што гэты сваяк, «свой чалавек», арганізуе аблаву, абкружыць сяло і расстраляе яе дзяцей?

Імкненне зберагчы дзяцей ад вайны, зрабіць як лепш, апраўдана. Вы-

клікае спачуванне тое, што чалавечае сэрца да смяротых законаў вайны і яе крывавах праяўленняў не можа быць загадзя гатова, але любоў, не здольная ўзняцца да грамадскіх прасвятленняў, робіць ахвярамі і дзяцей, і самую маці.

Складанасць і шматграннасць жыцця, асабліва ваеннага перыяду, нараджала канфлікты, вырашэнне якіх патрабавала пастаяннага напружання і маральнага выбару. У складаную драматычную сітуацыю трапіла ў апавяданні А. Жука «Асеннія халады» маці двух дзяцей, адзін з якіх стаў паліцаем, а другі пайшоў у партызаны. Колькіх пакутлівых дзён і начэй каштавала гэта маці! Ёй прыходзілася пільнаваць, каб не наскочыў Андрэй з паліцаямі, калі па неабходнасці Пётр, другі сын, забягаў дамоў.

У дзеяннях Антосіхі выяўляецца вялікая мера адказнасці, прамата і сіла характару, правільная жыццёвая пазіцыя. Становячыся на бок сына-партызана, уступаючы тым самым у барацьбу з ворагамі і сынам-паліцаем, яна праяўляе мужнасць не толькі ў момант смерці і пахавання Пятра, але і праз дваццаць гадоў пасля вайны, калі, вярнуўшыся з турмы, Андрэй прапануе ёй дапамогу. Старая, зусім нядужая і цяпер адзінокая маці не даруе сыну-зрадніку, нават нараджэнне ўнука не прымірае яе з ім. У характары старой жанчыны падкрэслена сіла чалавека з народа, сіла матчынай любові і нянавісці.

Удзельнікі вайны, героі-ветэраны, якім часта прыходзіцца гутарыць з моладдзю, заўважылі, што цяпер маладых людзей цікавіць не столькі карціна ваенных дзеянняў, колькі тое, што адчуваў чалавек, чаму менавіта так ён зрабіў, што ў ім адбывалася⁴. Думаецца, такая цікавасць, імкненне пазнаваць унутраны стан чалавека на вайне ў нейкай меры адказвае на дыскусійнае і дагэтуль пытанне, як павінна адлюстроўвацца вайна ў сучаснай літаратуры. Раманы-эпапеі А. Чакоўскага, І. Стаднюка і інш. арганічна спалучылі ў сабе і «глабальнасць» і «лакальнасць» адлюстравання ваеннага жыцця. Што ж датычыць апавядання, то ў сілу асаблівасцей жанра такое спалучэнне немагчыма, але мастацкая канва апавядання таксама можа быць выкарыстана для больш паглыбленага даследавання характару, пранікнення ва ўнутраны свет героя. Вось, напрыклад, апавяданне В. Быкава «Адна ноч». Савецкі салдат Іван Валока і немец Фрыц Хагеман былі засыпаны выбухам пры бамбёжцы ў склепе паўразбуранага дома. Сітуацыя не са звычайных, але вельмі магчымых на вайне. Незвычайны і сюжэт апавядання, дзе не толькі асабліва тонка раскрываецца «дыялектыка душы» нашага салдата, але ўзаемадзеянне гераічнага, гуманістычнага і трагічнага звязана глыбокімі ўнутранымі сувязямі.

Цячэнне сюжэта пастаянна мяняецца, дасягаючы напружання, вострага драматызму і імкліvasці з безупынным змяненнем псіхалагічнага стану героя. Валока, выслабаны ўшчы ад завалу і знайшоўшы свой аўтамат, бачыць, як цяжка выбіраецца ранены немец (ён крывіўся ад болю, стагнаў, умольна глядзеў на байца), і пачуццё злосці ў яго знікала, «адступала некуды рашучасць забіць». Больш таго, Валока здзівіўся, навошта ён не ў лад са сваімі думкамі... адварнуў у бок вялізны плоскі кавалак сцяны».

Для нас відавочна, што Валока чалавек добры, чулы, ён мог пранікнуць спачуваннем да другога, прыйсці яму на дапамогу. Гэта дае магчымасць пераканацца, як у самых жорсткіх умовах праяўляюцца гуманныя якасці савецкага чалавека. Гераічнае тут уключае ў сябе і гарманічнае адзінства добра і прыгажосці. Апавяданне В. Быкава, сваёй сутнасцю накіраванае супраць вайны, выяўляе паводзіны, пачуцці двух чалавек, пастаўленых вайной у варожыя адносіны адзін да аднаго, таму ў дадзеным творы цікавыя такія жыццёвыя зрэз, які праяўляе «роўнасць» бакоў, назіраецца некаторая аднапланавасць у адлюстраванні. Гэта прыкметна ў многім: у самой аднолькавай сітуацыі, дзеяннях персанажаў (яны спачатку ў барацьбе душаць адзін аднаго, потым памагаюць адзін аднаму). Але не толькі ў гэтым. Валока заўважыў у немца «шырокі касы рубец каля вуха», след асколка, дакладна такі, які насіў і ён на левым баку. Аказалася, што і прафесія ў іх аднолькавая — абодва столяры. Усё гэта і чалавечае спачуванне (Фрыц даглядаў потым раненага, страціўшага прытомнасць Валоку) дазволіла варожаму пачуццю, што жыло ў іх, паступова знікнуць. Аднак гэтым супярэчнасць не здымалася, цяпер яна яшчэ востра ўзнікла перад Валокам, бо забіць Фрыца ён ужо не мог. Узяць яго ў палон? А калі наверх немцы, як быць тады?

Абодва персанажы яшчэ знаходзяцца ў стане сардэчнасці, узаемаразумення і дабраты, але агульная бяда мінула, уступаюць у сваю ўладу

іншыя законы, над якімі яны ўжо не ўладарны, — вайна. Іван Еалока выканаў свой абавязак салдата, але як яму было цяжка, «хацелася завьць ад крыўды, якая душыла яго». Гераічнае тут прыніжана горыччу трагічнага, фінал твора пакідае вострае пачуццё шкадавання, наводзіць на глыбокі роздум.

Такім чынам, беларускаму апавяданню ваеннай тэматыкі ўласціва трагедыйна-драматычная форма. Суадносіны паміж гераічным і трагічным разглядаюцца тут у дыялектычным адзінстве, што дае магчымасць выйсця да эпохі, дазваляючы тым самым расшырыць і ўзбагаціць уяўленне як аб катэгорыі трагічнага, глыбей раскрыць праўду вайны, стварыць шматпланавыя і шматгранныя характары.

¹ Літаратурное обозрение, 1973, № 7, с. 101.

² Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 10-ти томах. — М., 1966, т. 4, с. 107.

³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 4, с. 16.

⁴ Гл.: Молодой коммунист, 1980, № 5, с. 6.

Л. И. КОКОЛО

ПРОБЛЕМА ВНЕЗЕМНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В РУССКОЙ ФАНТАСТИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Первые книги русских писателей о полетах на другие планеты появляются в начале XX века, хотя тогда, как известно, не было ни космических кораблей, ни космонавтов. Устойчивый интерес к космической теме отчасти объяснялся достижениями воздухоплавания, полетами первых авиаторов. Развитие науки, под воздействием которой изменялось представление о мире, тоже оказывало влияние на появление такой литературы. Космос таил в себе неожиданное, непознанное. Первые русские писатели-фантасты нередко изображали счастливую жизнь преуспевающих во всем инопланетян, которая могла бы стать образцом для улучшения жизни на Земле. В сложной политической обстановке царской России начала века это было особенно актуально. Вопрос о жизни на других планетах, о контакте человечества Земли с инопланетными цивилизациями интересовал В. Я. Брюсова, стремившегося «братство воссоздать в разрозненных мирах»; «мечтателя из Калуги» К. Э. Циолковского; создателя «звездного языка» В. Хлебникова; ученого и революционера Н. Морозова; воздухоплателя М. Волохова (М. Первухина).

Если говорить о писателях, для которых популяризаторская функция фантастики была важнее всего, то в первую очередь следует назвать К. Э. Циолковского. Космос для него был «родным домом». Идеи освоения космического пространства получили развитие не только в научных трудах ученого, но и в его научно-фантастических произведениях, представляющих и сегодня большой познавательный интерес¹.

Местом действия романа Брюсова «Гора Звезды» (1895—1899)² избран не космос, а Земля, однако здесь, на Горе Звезды, живут фантастического облика потомки беглецов с Марса. Писатель повествует об их жизни, о существующем у них социальном неравенстве, о борьбе представителей высших классов (лэтеев) и рабов. В произведении слышны отзвуки земной современности, ощущается предчувствие автором надвигающейся революции. Иное освещение получила космическая тема в драме «Пирознт» (1915—1916)³. Главный герой — изобретатель, мечтающий о полете на другие планеты, строит космический корабль. К сожалению, его постигают неудачи, идея межпланетных сообщений терпит крах. Причина неудач изобретателя не только в бедности. Брюсов явно не одобряет преступных методов, избранных агрессивным настроенным изобретателем для достижения цели: «Ради чести Земли в звездном мире, ради торжества и первенства нашей планеты перед всеми другими, разве не вправе я подвергнуть опасности рядом со своей жизнью и жизнь других? Да, я перешагну через эти искупительные жертвы во имя науки, и совесть не упрекнет меня». В пьесе «Диктатор» (20-е годы)⁴ речь идет о колонизации Венеры. Человечеству, уничтожившему земные ресурсы, приходится осваивать другие планеты. К 100-летию со дня рождения В. Я. Брюсова опубликована его пьеса «Мир семи поколений»⁵, которую с полным правом можно отнести к произведениям-«предупреждениям». Комета Мир семи поколе-

ний, население которой находится на более низком уровне развития, чем люди, должна столкнуться на орбите с Землей. Какой выход из создавшейся ситуации? Где путь спасения от гибели? Женщину с кометы не волнует судьба Земли: «По-моему: это им, живущим там, выискивать способы, как спасти себя. Какое дело нам?» (5,205). Старик Меор считает, что надо сохранить жизнь и на комете, и на Земле. Сегодняшней Земле адресованы его слова: «...Окончились ли там кровавые войны? Наступило ли братство разных народов? Научились ли жители Земли понимать свое место среди других миров Солнечной системы?» (5,205). Ученый Риараур приходит к выводу, что спасти Землю можно уничтожением кометы. Оправдывает свой план он тем, что жители кометы несчастны, они тратят слишком много сил на борьбу с жестокими условиями жизни, а «для Земли есть все основания стать владыкой Солнечной системы» (5,208).

Тема столкновения Земли с кометой имела в начале XX века много вариаций. В «Борьбе миров» Н. Холодного⁶ заметно влияние Г. Уэллса. Произведение сочетает в себе элементы «предупреждения» и политико-социального романа. Автор подробно говорит о том, как встретили люди Земли известие о предстоящем столкновении с кометой. Спасти можно, по мнению Н. Холодного, совершив полет на другую планету. С этой целью вводится эпизод, повествующий о полете на Марс. В романе многое связано с земной современностью. Н. Холодный стремился показать надвигающуюся социальную катастрофу. Приближение кометы ассоциируется с приближением невиданных перемен.

От земного, от современности шел П. Инфантьев, изображая жизнь марсиан. В его повести «На другой планете» (1901)⁷ подробно описано общественное устройство и культура жителей Марса, более совершенные, чем у землян. Эту планету, по мнению доктора Роша, главного героя повести, можно посетить, используя прием внушения. Описанный П. Инфантьевым момент подмены «Я» героя сущностью марсианина очень напоминает спиритический сеанс, а философская основа некоторых размышлений о возможностях человека идеалистична. Однако есть в этом произведении и размышления, перекликающиеся с современными: «...все эти бесконечно удаленные от нас неисчислимые небесные тела...населены такими же разумными и мыслящими существами..., даже, может быть, гораздо более нас развитыми и умными, которые в то же время интересуются нами и стараются вступить с нами в сношения для взаимного обмена мыслей...» (7, 23).

Какой будет встреча землян с представителями других цивилизаций, что даст этот контакт человечеству Земли и «братьям по разуму» — на эти вопросы пытается ответить в фантастической повести «Путешествие на Марс» (1901)⁸ Л. Б. Афанасьев. Марсиане, изображенные в виде длинноволосых карликов, обвиняют землян: «Ваши люди, несмотря на всю вашу пресловутую цивилизацию, отличаются самую зверскую кровожадность...» (8, 484). Автора интересуют проблемы гуманизма и прогресса. Марсиане отстали от жителей Земли в техническом развитии, но они добрее землян. Один из карликов проповедует идеи гуманизма: «Гуманный человек не может чувствовать себя счастливым, видя горе вокруг» (8, 487). С приходом землян в труды марсиан стали широко применяться машины, разнообразная техника. Однако одновременно «стали быстро исчезать беззаботность и душевное спокойствие карликов» (8, 526). Использование жанра фантастической повести позволило Л. Б. Афанасьеву, изображая жизнь марсиан, смело вести речь о земных проблемах: социальном неравенстве, эмансипации женщин, о вторжении техники в жизнь человека.

Один из героев романа Б. Красногорского «По волнам эфира» (1913)⁹ излагает историю мировой фантастики, стремившейся к знакомству с иными мирами. Автор использует этот прием для убеждения читателя в правдоподобии изображаемого. Отдавая предпочтение популяризаторской функции фантастики, Б. Красногорский часто предлагает читателю научные сведения. Его герои говорят о сущности света, о проблемах использования световой энергии, о теории Максвелла, об опытах профессора Лебедева П. П. В сюжете романа есть и детективная линия: за создателем корабля и организатором полета Имеретинским следят, кто-то уносит его чертежи. Но полет состоялся. Роман «Острова эфирного океана» (1914)¹⁰, написанный Б. Красногорским в соавторстве с Д. Святским, продолжает рассказ о путешествии группы Имеретинского. Те же приемы встречаем в этом произведении: диалог, обращение к читателю, детективное начало. Б. Красногорский и Д. Святский не отходят от схемы, по которой чаще

всего строилось фантастическое произведение о внеземных цивилизациях (подготовка к полету, полет, прибытие на другую планету и встреча с «братьями по разуму», возвращение на землю).

Из произведений воздухоплователя М. Волохова (М. Первухина) заслуживает внимания рассказ «Икс—сила» (1910)¹¹, повествующий о конфликте ученого с реакционной действительностью. Великое изобретение Раймонди—азромобиль—уничтожено по приказу руководства церкви, которое считало стремление человека подняться в небо преступным. «Бог не дал человеку крыльев. Значит, бог не хотел, чтобы человек поднимался туда, где летают святые ангелы...» (11, 31). Невежество, дикий фанатизм временно одержали победу над наукой. Но автор настроен оптимистически, он верит в торжество разума и прогресса.

Отдал дань космической теме и Н. Морозов (ученый, революционер, поэт), автор «Звездных песен» (1910). Звезды для Н. Морозова олицетворяли красоту, совершенство, свободу. Во время заточения в Шлиссельбургской крепости Н. Морозов написал научно-фантастический рассказ «Лунные кратеры и цирки» (впервые опубликован в 1963 году журналом «Техника—молодежи», № 7—8). В рассказе действуют герои, прототипами которых послужили друзья Н. Морозова по заключению (Вера Фигнер, Людмила Волкенштейн и др.). Автор высказывает гипотезу о происхождении лунных цирков, позже подтвержденную наукой. Но мечты узника не сводились к размышлениям о Луне. Борьба за свободу, за улучшение жизни на Земле—первоочередная задача, которую ставил Морозов перед собой и своими товарищами. Актуальны его слова: «... Миллионы мыслящих существ ласково смотрят на нас и нашу Землю. И мне казалось, что они желали нам и всем нашим братьям по человечеству скоро и счастливо пройти сквозь окружающий нас мрак к новой, высшей жизни на Земле, к чудному чувству свободы, любви и братства и к сознанию единства между собой и с бесконечностью живых существ Вселенной...»

Итак, космическая тема русскими писателями-фантастами начала XX века не решалась однозначно. Во многих произведениях проводятся параллели земной и космической жизни. Обращаясь к изображению иных миров, писатели стремились заострить земные проблемы. Ряд произведений, посвященных межпланетным полетам, можно отнести к разряду «предупреждений». Созданные до начала освоения космического пространства, многие из них были смелыми для своего времени. Они готовили человечество к встрече с новым и неожиданным.

¹ Циолковский К. Э. Путь к звездам: Сборник научно-фантастических произведений.— М., 1960.

² Брюсов В. Гора Звезды.— В кн.: Фантастика 73—74.— М., 1975.

³ Брюсов В. Пирэнт.— ГБЛ, ф. 386, 29, 1—8.

⁴ Брюсов В. Диктатор.— ГБЛ, ф. 386, 125, 40.

⁵ Звезда, 1973, № 12. (В скобках указывается номер ссылки и страница издания.)

⁶ Холодный Н. Борьба миров: Астрономический, физический и фантастический роман.— СПб., 1900.

⁷ Инфантьев П. На другой планете: Повесть из жизни обитателей Марса.— Новгород, 1901.

⁸ Афанасьев Л. Б. Путешествие на Марс: Фантастическая повесть.— В кн.: Ежемес. лит. прилож. к журн. «Нива».— СПб., 1901, январь—апрель.

⁹ Красногорский Б. По волнам эфира: Астрономический роман.— СПб., 1913.

¹⁰ Красногорский Б., Святский Д. Острова эфирного океана: Астрономический роман.— СПб., 1914.

¹¹ Вокруг света, 1910, № 2.

Г. В. СИНИЛО

ЛИРИКА БЕХЕРА ПЕРИОДА ИЗГНАНИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Годы пребывания в Советском Союзе после прихода к власти в Германии фашистов стали для Бехера поворотным пунктом в его отношении к классическому наследию. Это подтверждает и он сам: «Не случайно я открыл для себя здесь, в Советском Союзе, многих писателей классической литературы. В то время как за границей классики чаще всего превращены в музейные экспонаты или объекты эксплуатации для вся-

ческих эпигонов, в Советском Союзе классическая литература празднует свое воскресение во всей своей непосредственности и живости»¹.

То, чем веками славилась его Германия, то, что уничтожалось или фальсифицировалось фашистами, особой болью отозвалось в сердце Бехера. Классика предстала перед ним как мощная опора человеческого духа в горькие и страшные годы невиданного доселе унижения этого духа, пренебрежения достоинством и гордостью не только отдельных людей, но и целых народов. Великая гуманистическая традиция, связующая воедино все лучшие достижения немецкой классической литературы, — вот что приковывает к себе пристальное внимание поэта. Как отмечает советский литературовед И. М. Фрадкин, «Бехер черпает творческие импульсы у многих и притом весьма разных немецких поэтов. Он сам часто называет имена Грифиуса, Гёте, Гёльдерлина, Гейне, Мёрике, Келлера, Рильке... С каждым из них Бехера сближает какая-то общая боль и забота, сходство судеб и настроений. Лишь при наличии таких моментов идейно-тематического соприкосновения возникает эстетическая связь, интерес к художественной форме поэта-классика»². Подлинное, углубленное открытие классического наследия состоялось для Бехера в годы эмиграции, когда вопрос стоял о том, быть или не быть немецкой культуре. Спасти от забвения и искажения великие творения культуры как одно из звеньев, связующих воедино лучшие силы нации, — вот что волнует поэта. Именно в те годы, когда развернулась «вторая часть немецкой трагедии», истоки которой показаны в романе «Прощание», он осознает узость ориентации пролетарских писателей лишь на пролетариат, заново осмысляет для себя понятия «родина», «нация», становится подлинно национальным поэтом. Во многом этому способствовала новая действительность, которую Бехер увидел в СССР. Путем из Германии в Советский Союз и обратно назвал сам поэт путь своей духовной и творческой эволюции: «Далеко от Германии и в то же время так близко к ней, как никогда прежде, я впервые по-настоящему открыл для себя здесь, в Советском Союзе, великую немецкую гуманистическую традицию во всех областях и поставил ее в центр своей поэзии»³. Пытаясь осмыслить настоящее, он обращает свой взор к прошлому. В Москве поэт создает значительную часть своей «Книги образов», ваяет в стихах памятники Данте, Микеланджело, Леонардо да Винчи, Грюневальду, Сервантесу, Рименшайдеру, Баху, Рембрандту, Шекспиру, Гёльдерлину, Гёте, Лютеру. Великая немецкая поэзия от истоков — вся перед ним. Трудная и мрачная эпоха, которую переживала его родина, напоминает ему не менее мрачную эпоху Тридцатилетней войны, эпоху разобщения, ужаса и позора. Не случаен поэтому огромный интерес Бехера к поэзии немецкого барокко. Великолепный переводчик этой поэзии Л. Гинзбург писал: «В годы, когда в пожаре войны и на кострах инквизиции горели люди и книги, немецкая поэзия напоминала о бессмертии человеческого гения и во весь голос, с присущим ей эмоциональным напором и неистовством, смогла по-своему заклеить все то, что грозит человеку, унижает его достоинство и принижает его дух. С полным сознанием своей миссии она внедряла гражданское чувство ответственности за судьбы родины»⁴. Именно этим объясняется пристальное внимание Бехера к крупнейшему поэту немецкого барокко Андреасу Грифиусу. В 1937 году он пишет свой двойной сонет «Слезы отечества. Год 1937», перекликающийся с сонетом Грифиуса «Слезы отечества. Год 1636»

Грифиус:

Мы всё еще в беде, нам горше, чем доселе.
Бесчинства пришлых орд, взъяренная картечь,
Ревущая труба, от крови жирный меч
Похитили наш труд, вконец нас одолели.
В руинах города, соборы опустели.
В горящих деревнях звучит чужая речь.
Как пересилить зло? Как женщин оберечь?
Огонь, чума и смерть... И сердце стынет в теле.
О скорбный край, где кровь потоками течет!
Мы восемнадцать лет ведем сей страшный счет,

Забиты трупами отравленные реки.
Но что позор и смерть, что голод и беда,
Пожары, грабежи и недород, когда
Сокровища души разграблены навеки?!

(Перевод Л. Гинзбурга)

Бехер начинает свой сонет с того, что не досказал его предшественник: с «сокровищ души», «разграбленных навеки». Грифиус идет от изображения страданий физических к страданиям нравственным, которые остаются как бы в подтексте стихотворения. Бехер предпринимает обратный путь — от страданий духа к страданиям физическим (в первом сонете):

Как светлый разум твой могла затмить напасть?
Попрали честь твою они, страну правя,
И в бездну, в сотни раз позорней и кровавей
Всех войн проигранных заставили упасть.
Твоя душа во тьме, ты совесть потеряла.
Лжи и коварства яд во всех твоих словах.

(Перевод В. Бугаевского)

Нравственные страдания становятся для поэта сильнейшим источником физической боли. «Твоя душа во тьме, ты совесть потеряла...» Вот самое мучительное для подлинного патриота.

Во втором сонете Бехер раскрывает читателю «сокровища души» немецкого народа, его совесть, воплощенную в краске, звуке, слове, в образах родной природы. Он называет самые дорогие для него имена: Бах, Грюневальд, Гёльдерлин, и с болью говорит о том, что они поруганы, осквернены в фашистской Германии. Сонет заканчивается призывной оптимистической нотой:

Тогда умолкни, плач! На помощь призываем
Священный гнев. Пусть он свершит свой суд! А там
Цвет, слово, музыка пусть торжествуют вновь!

(Перевод В. Бугаевского)

В сонетах Грифиуса и Бехера очень много общего с точки зрения выразительных средств. Не говоря уже об одном и том же размере (шести-стопный ямб), здесь та же возвышенность интонации, суровая простота и краткость определений, сжатость фразы:

Dein Herz ist eingeschrumpft. Dein Denken ist missraten.

(Бехер)

(Дословно: «Твое сердце увяло. Твоя мысль бесплодна»).

Die Kirchen sind verheert, die Starken umgehaun...

(Грифиус)

Особенно выразительна перечислительная интонация, помогающая как бы наложить ряд точных мазков, завершающих картину горя и страданий:

Der frechen Völker Schar, die rasende Posaun,
Das vom Blut feiste Schwert, die donnernde Kartaun...

(Грифиус)

(Бесчинства пришлых орд, взъяренная картечь,
Ревущая труба, от крови жирный меч...)

(Перевод Л. Гинзбурга)

...Feur, Pest, Mord und Tod...

(Дословно: ...огонь, чума, убийство и смерть).

O Farbe, Klang und Wort: geschändet und verraten!

(Бехер)

(О, слово, краска, звук — добыча зла и страха!)

(Перевод Г. Раггауза)

К традициям Грифиуса и других поэтов Тридцатилетней войны Бехер обращается и в первых послевоенных сонетах. Некоторые критики упрекали поэта в неправомерности повторения в новых условиях мотивов скорби, обвиняли его в пессимизме. Но необходимо понять душевное

состояние, потрясение поэта, когда, вернувшись из эмиграции, он увидел Германию, о которой долгие годы грезил, в руинах и разрушениях, оставленных войной. Бехер воочию убедился, как велика была трагедия народа, обманутого фашистами, как глубоко проник разрушительный яд фашизма в души многих людей, как непросто будет вернуть миру светлое и чистое имя Германии. Однако его суровые сонеты пронизаны верой в будущее, светом надежды:

Жилища наши сожжены дотла.
Дороги наши бомбами разрыты.
Как нам наука эта тяжела!
Но если нам, во искупление зла,
Пророческие истины открыты,
Вовеки немцам слава и хвала!

(«Мы, немцы...» Перевод В. Микушевича)

Возрождая жанр сонета, наполняя старую и очень выразительную форму новым содержанием, Бехер опирается на богатейшую традицию немецкого сонета — на творчество Опица, Флеминга, Грифиуса, Гёте, Геббеля, Рильке. В тех стихах Бехера, где он воссоздает родные ландшафты, чувствуется влияние Гёте («Тюбинген, или Гармония», «Иена, или Парящий город», Неккар у Нюртингена», «Маульброн», «Синеет вечер...», «Песня о реках»). Эти стихи поражают ясностью, прозрачностью формы, типично гетевской пластичностью, предметностью в обрисовке мельчайших деталей, неуловимых переходов от света к тени.

В то же время во всех этих стихотворениях неуловимо присутствует тень другого поэта, очень родственного Бехеру, Гёльдерлина. Тюбинген, Нюртинген, Маульброн — места, неразрывно связанные с именем Гёльдерлина. Свободное, раскованное дыхание его поэзии ощущается в стихотворении «Люди, достойные зависти».

O wie musst' ich beneiden, als ich ein Kind war, der Menschen
Längst schon entschwundes Geschlecht, denn von Heroen belebt
Schienen die einstigen Zeiten.

...O Geburtszeit der Helden! Wie könnte ich dich nicht begrüßen,
Zeit neuen Menschengeschicks. Glücklich, wer teilhat an dir!

О, как завидовал я, когда был ребенком, людям
Давно исчезнувших поколений, когда Героями воскрешенными
Казались прошлые времена.

...О время, Героев родившее! Могу ли тебя не приветствовать,
Время новой судьбы человека! Счастлив, кто твоим соучастником был!

(Дословный перевод)

Здесь тот же излюбленный Гёльдерлином античный гекзаметр в сочетании с пентаметром (элегический дистих), та же тоска по великому времени Героев, та же мечта о новом счастливом человечестве. Тем же размером написано стихотворение «Потерянный друг, или высокая песнь», в котором содержится прямая реминисценция из гёльдерлиновского «Возвращения». Гёльдерлиновской строфой, представляющей собой обработку знаменитой алкеевой строфы, написано стихотворение Бехера «Родина». (См. одноименное стихотворение Гёльдерлина.) Поэзия Гёльдерлина, которую Бехер назвал «чудом немецкой речи», была для него своеобразным символом Германии. Именно поэтому он обращался к Гёльдерлину, когда писал о самом заветном — о родине. Влиянием Гёльдерлина отмечена поэма «Деревянный домик», ему посвящено большое стихотворение «Преемственность», в котором Бехер прямо называет себя последователем великого немецкого поэта. В сборник «Возрождение» вошел цикл гимнов, навеянных пламенными «Тюбингенскими гимнами» Гёльдерлина («Гимн имени», «Гимн кораблю», «Гимн городу», «Гимн грядущему», «Гимн красоте»). Как отмечается в «Истории немецкой литературы», гимническое начало, пронизывающее сборники Бехера «Искатель счастья и семь тягот» и «Возрождение», усиливается в те месяцы, когда все дальше отодвигалась надежда поэта на скорое возвращение на родину⁵.

Бехеру-изгнаннику были близки чувства и мысли Генриха Гейне, его любовь-ненависть к Германии, его тоска по ней даже во сне. Гейневский мотив «Ich hatte einst ein schönes Vaterland.// Der Eichenbaum// Wuchs dort so hoch, die Veilchen nickten sanft.// Es war ein Traum». (Когда-то была у меня прекрасная родина.// Дуб// Рос там так высоко, фиалки кивали нежно.// Это был сон.— Дословный перевод) проходит через многие стихотворения Бехера: «Früher Traum», «Ferne der Heimat», «Mutter», «Die Heimkehr» (сб. «Возрождение»). В гейневский дольник облечены стихотворения «Kinder-Irrfahrt», «Wiedergeburt», «In meiner Mutter Garten», «Hoher Himmel über dem Schlachtfeld», «Traum von Rätedeutschland», «Der Mann, der alles glaubte».

Вот начало стихотворения «In meiner Mutter Garten» («В саду моей матери»):

Ich musste lange schweigen
Und still, ganz stille sein.
Ich musste weithin wandern
In einem Dämmerchein.

Я должен был долго молчать
И тихим, совсем тихим быть.
Я должен был далеко странствовать
В сумеречном свете.

(Дословный перевод)

Здесь — типично гейневский пульсирующий дольник, то же ритмическое дыхание, та же интонация. Сравним:

Am leuchtendem Sommermorgen
Geh ich im Garten herum.
Es flüstern und sprechen die Blumen,
Ich aber, ich wandle stumm.

Сверкающим летним утром
Брожу один в саду.
Цветы говорят и шепчут,
А я в молчании иду.

(Г. Гейне. «Лирическое интермеццо», 45.
Перевод В. Рязумовского)

Бехеру была близка и политическая сатира Гейне, его блестящий, остроумно-иронический язык, бичующий смех. Так, после прихода фашистов к власти, он пишет поэму «Германия», сознательно опираясь на традиции гейневской «Германии. Зимней сказки», развивая жанр путевого очерка. Характерно, что поэма Бехера написана тем же размером и той же строфой, что и поэма Гейне.

По широте взгляда, глубине образованности, восприимчивости поэтической природы Бехеру не было равных в современной немецкой поэзии. Его волновало творчество гениев Возрождения, он размышлял о горькой судьбе Данте, находя в его облике много созвучного своей душе. Терцина, октава, сонет, гимн, ода, баллада — в этих классических жанрах он выступил подлинным новатором. Умение соединять традицию и новаторство, традиционность и революционность больше всего восхищало в Бехере Т. Манна. Отношение Бехера к классическому наследию стало примером для всей последующей литературы ГДР. Именно поэтому здесь можно говорить о своеобразной «традиции классической традиции», восходящей от Бехера к молодым авторам. Он стал посредником, связующим звеном между классикой и современностью.

¹ Бехер И. Р. Любовь моя, поэзия... / О литературе и искусстве.— М., 1965, с. 487.

² Бехер И. Р. Избранные сочинения.— М., 1961, с. 13.

³ Becher Johannes R. Sterne unendliches Glühen. Bd. 1—11.— Berlin, 1968, B. 2, S. 18.

⁴ Немецкая поэзия XVII века в переводах Льва Гинзбурга.— М., 1976, с. 9.

⁵ См.: Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart.— Berlin, 1973, B. 10, 1917 bis 1945, S. 556.

НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОВЕСТИ В. ДОЛГОГО «ПОРОГ»

Лирико-философская повесть В. Долгого «Порог» посвящена героине «Народной воли» Софье Перовской. Время в этом произведении воссоздается по законам «исповедальной» прозы: в преломлении действий, поступков, через сознание автора, через внутренний мир героини. Лирическое начало господствует в авторских отступлениях, создает эмоциональную атмосферу, наполняет собою характеры героев, монологи и воспоминания Перовской. Автор стремится постичь истоки чувств Перовской, выявить те скрытые пружины, которые движут ее поступками, формируют характер, структуру сознания. В. Долгий использует синтез форм повествования: поток сознания героини (выражается чаще всего во внутренних монологах, воспоминаниях, размышлениях) соединяется с напряженным и драматичным внешним действием. Такая форма повествования позволяет обстоятельно проанализировать путь, пройденный С. Перовской до того, как она сделала свой выбор, выстрадала идеи революции и перешагнула порог, отделявший мирных пропагандистов «деревенщиков» от террористов «револьверщиков». Долог и мучителен был путь к террору. «Соня все думала, взвешивала. Одно из двух: либо остаться ей в стороне и тем самым обречь себя на полное бездействие — ведь у «деревенщиков» не было пока ни малейших зацепок в деревне, — либо примкнуть к народо-вольцам, но примкнуть на время, для участия лишь в одном покушении, не связывая себя обязательствами на дальнейшее...»¹ Ночные размышления Софьи вылились в действия, — наутро она попросила сделать ее хозяйкой конспиративной квартиры в доме, где готовился подкуп к железной дороге для взрыва царского поезда.

Автор рассматривает свою героиню как личность, остро сознающую общественный долг. И прежде, чем исполнить его, она должна была решить, с кем — с теми или с этими. «Да, — сказала она себе, — да: в конечном счете все зависит от того, сумеешь ли ты когда-нибудь одолеть этот порог, одолеешь ли его...» (33). Первый порог Софья Перовская уже переступила, когда ушла из родительского дома. В тот момент тоже нужно было решать для себя главное, решать и решаться... Но тогда она действовала импульсивно, подчиняясь только чувству. Отец смертельно обидел ее (оскорбил подругу по кружку), и Соня не смогла вынести этого. Сказался ее твердый характер, умение поступить по-своему, а ведь этот порог был не легче второго, хотя бы потому, что был он первым. Второй порог — выбор террористического способа борьбы — требовал суровой самостоятельности, жертвы еще большей. Ставкой была сама жизнь. Народо-вольцы, готовившие покушение на самодержца, ради освобождения народа от тирании сознательно шли на гибель. Это были, по словам К. Маркса, «дельные люди», принявшие на себя обязанность следовать своеобразной философии действия, философии, хотя и не вполне основательной в теоретическом отношении, но практически уместной в особых, неповторимых обстоятельствах, сложившихся в России, философии, которая давала теоретическую санкцию революционному порыву народничества².

В трудных спорах с собой Софья Перовская приходит к выводу, что на смертоубийство народо-вольцев толкает «сама кошмарная действительность» (45). Почему же, несмотря на доводы разума, она никак не может примириться с необходимостью террора? Потому ли, что террор — это кровь? Ведь Перовская воспитана в духе чайковцев, которым В. Долгий противопоставляет философию Сергея Нечаева: «Нравственно все, что споспешествует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему» (48), т. е. для великой цели все средства хороши. Софья считает, что революционеры не должны, не вправе стоять выше законов нравственности и гуманности, наоборот, именно они всегда и во всем должны быть образцом человечности. В противовес нечаевщине кружок чайковцев был основан на полном доверии, на равенстве всех членов и прежде всего на высоком уровне нравственного развития каждого. И эта нравственная закваска оказалась в душе Перовской тем остовом, который не смогли сломить выпавшие на ее долю тяжелые испытания.

В повести прослеживается эволюция образа главной героини. Софья вспоминает, в какой же момент появилось в лексиконе народо-вольцев слово «казнь», вытеснив собой такие слова, как «убийство», «пролитие крови»,

«месть». И понимает, что это была не просто случайная замена одних понятий другими, сдвиг коснулся самой сути, произошла смена мировоззрения. Если вначале казнь включала в себя только месть (царским прислужникам, шпионам), месть как самозащиту, то скоро, однако, казнь превратилась в действенное средство агитации, в реальный способ воздействия на правительство, способ принудить его к уступкам. Ну а от этого — особенно после нескольких удачных актов террора — не так уж далеко было до мысли о казни того, по чьему сомодержавному повелению и свершаются все бесчинства и беззакония в стране, — о казни самого царя. По мере того, как Софья продвигалась вперед в своих размышлениях, она все отчетливее начинала понимать, что хотя главные решения были приняты на съездах в Воронеже и в Лесном, решающим же для движения следовало признать 1878 год, когда созрело решение многих народовольцев признать террор политическим способом борьбы. И она, Соня, более, чем кто-либо, переболела этим. Потому что «быть марионеткой в чьих-то руках, когда уже не ответствен за свои поступки, или идти вслепую, цепаясь за руку поводыря, — жалкий, недостойный человека удел» (29). Надо точно знать, куда идешь, во имя чего. Только тогда, осознанно выбрав себе дорогу, ты не устроишься препятствий, неизбежных в пути, не свернешь в сторону и сумеешь дойти до конца, до любого конца... Повествование о Перовской становится, в сущности, рассказом о «Народной воле», охватывая все существенные акции партии: убийство Кропоткина, покушение Соловьева, съезд в Липецке, Александровск, московский подкоп, взрыв в Зимнем, деятельность типографии и вооруженное сопротивление при ее захвате, царевубийство в марте 1881 года и другие драматические и трагические эпизоды.

В образе Перовской художник подчеркнул социальную активность, внутреннюю убежденность, умение при любых обстоятельствах, даже под страхом казни, не отступать от принятого решения. Народовольцев на судебном процессе обвиняли в безнравственности и жестокости. И вот последнее слово — Софье Львовне: «Много, очень много обвинений сыпалось на нас со стороны господина прокурора. Относительно фактической стороны обвинений я не буду ничего говорить, — я все их подтвердила на дознании. Но относительно обвинения меня и других в безнравственности, жестокости и пренебрежении к общественному мнению, относительно всех этих обвинений я позволю себе возражать и сошлюсь на то, что тот, кто знает нашу жизнь и условия, при которых нам приходится действовать, не бросит в нас ни обвинения в безнравственности, ни обвинения в жестокости» (433).

Герои Долгого убеждены в том, что их движение не может быть остановлено никакими репрессивными мерами: ведь за ними сила нравственная, сила исторического прогресса, сила идей. А идеи, по словам революционерки С. Бардиной, на штыки не улавливаются.

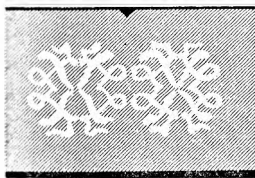
Вместо шестнадцатой главы повести дано стихотворение в прозе И. Тургенева «Порог», которое было впервые напечатано летучей типографией «Народной воли» 25 сентября 1883 года. Оно является своеобразным эпилогом, синтезом всего повествования, выражает социально-общественные представления о человеке-идеале. Так же, как и девушка Тургенева, С. Перовская великое поворотное решение выбрала сама и переступила порог. За ней тоже упала завеса, скрывшая навсегда мир жизни. Но чувство достоинства, мужественное принятие жизни, внутренняя дисциплина пленяют нас в этом образе. Думается, писатель верно угадал мысли революционерки перед казнью: «Никогда, ни на одну минуту мы не обольщались относительно того, что ждет нас. К худшему готовили мы себя, к самому худшему... Мы затеяли огромное, великое дело. СВЯТОЕ. Быть может не одному поколению придется лечь на нем. Но сделать его надо. И все не напрасно, все-все. Даже и смерть наша» (434).

Да, жертвы революционных народников были не напрасны. Они способствовали воспитанию русского народа. Раскрывая ошибочность тактики политического заговора и индивидуального террора, В. И. Ленин высоко оценил бесстрашие и самопожертвование этих мужественных людей. Но борьба одиночек не могла вызвать бурю, «буря — это движение масс»³. И все же грозные раскаты семидесятых годов были предвестниками великой революционной бури октября 1917 года.

¹ Долгий В. Порог — М., 1974, с. 29—30. В дальнейшем страницы цитат из этого издания даются в тексте статьи, в скобках.

² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 380.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

Мовазнаўства

Е. И. ЯНОВИЧ

ОТЫМЕННЫЕ НАРЕЧИЯ И ПРЕДЛОГИ В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ

Круг вопросов, связанных с предложным функционированием наречий, достаточно разнообразен. Остановимся лишь на некоторых, наиболее близких к интересующей нас теме возникновения и истории развития наречий и наречных типов. Прежде всего это вопрос о причине употребления наречий в функции предлогов. Говоря о наречиях отыменного происхождения, причину этого следует усматривать в способах выражения дополнений в тех случаях, когда они подвергаются синтаксическому преобразованию под воздействием целого комплекса лексико-грамматических и семантических факторов. Если такие дополнения имеют свои дополнения, то первые с утратой субстантивности превращаются в формальные слова, выражающие отношение признака к субстанции¹. Этот момент закрепления релятивности в значениях таких слов и означает становление их как наречий с управляемым именем. Возможен и другой путь возникновения таких сочетаний, когда «между названием признака (глаголом и прилагательным) и названием субстанции (выраженным косвенным падежом существительного) является название отношений (наречие)»², которое представляет особую, уже сложившуюся грамматическую единицу.

Необходимо учитывать указанное различие путей формирования сочетаний предложных наречий с именами при решении вопроса о том, каково отношение первых к категории наречия и предлога и каким образом происходит превращение их в предлоги. Долгое время в лингвистической литературе было авторитетным мнение, что образование предлогов на базе сочетаний полнозначных слов возможно только посредством онаречивания последних, только лишь через этап наречия³. В последнее время находит подтверждение и развитие другая точка зрения, которая исключает обязательность наречного этапа в появлении предлогов на базе падежных или предложно-падежных форм имени⁴.

В основе перехода как имен, так и наречий в предлоги лежит изменение категориального состояния слова. Естественно, между именем и предлогом лежит более глубокое различие, чем между наречием и предлогом, в силу того, что и наречия, и предлоги предназначены не для обозначения понятий о субъекте, объекте или действии, а для выражения отношений между ними, в различной степени формализованных. Но приобретение словом, будь то имя или наречие, грамматических свойств предлога должно проходить в одном направлении, а именно — в направлении полной утраты предметности значения слова.

Поэтому для решения вопроса о грамматической природе слов, выступающих как предложные наречия, следует учитывать, какими свойствами, лексическими и грамматическими, сближающими их с наречиями или с предлогами, они обладают. Наиболее существенными в этом отношении, по мнению многих исследователей, являются такие показатели, как способность или неспособность предложных наречий соче-

таться с падежными формами существительных, а также семантическая соотносительность или несоотносительность наречия и предлога, которая может проявляться и как семантический отрыв предлога от наречия. Наряду с этим представляется целесообразным для решения вопроса о становлении предлогов на базе предложных наречий учитывать и такой фактор, как наличие или отсутствие семантической соотносительности не только предлога и наречия, но также предлога и соответствующей падежной формы имени. Это может свидетельствовать о предложной функции последней, развивающейся независимо от ее наречного употребления.

Как уже отмечалось, семантика имени в значительной мере способна предопределить те категориально-грамматические преобразования, которым подвергается та или иная словоформа в условиях необычного для нее смыслового или синтаксического контекста.

Зависимость между семантикой имени и способностью его словоформ подвергаться процессам как адвербиализации, так и прономинализации, весьма ярко проявляется в кругу производных наречий и предлогов, мотивированных основами *вѣрхъ*-, *передъ*-, *задъ*-, *середъ*- и под. Данные письменных памятников русского языка разных исторических эпох, которые послужили материалом настоящей работы, свидетельствуют, что такие образования, как *верху*, *среде*, *впредь*, *созади* в течение длительного исторического периода развития русского языка выступали одновременно в качестве наречий и предлогов, управлявших, как правило, родительным или дательным падежом. Каким же образом формировалась их бифункциональность, та отличительная грамматическая черта, которая присуща образованиям типа *верху*, *впредь* и др. уже в древнейшие исторические эпохи?

Прежде всего, следует отметить, что широкое совмещение наречных и предложных функций характерно для производных лексических единиц, мотивированных именами одной лексико-тематической группы. Своеобразие слов этой группы составляет наличие в их семантическом объеме таких компонентов, как понятие «часть предмета, определяемая по признаку расположения по отношению к другому предмету» и более общее понятие «сфера пространства, определяемая по отношению к ней соответствующих частей предметов». Но в обоих случаях в значениях слов этой группы представлено понятие части целого. Именно эта специфика лексического значения слов *вѣрхъ*, *передъ* и др. предопределяла их способность сочетаться с формой родительного падежа зависимого имени. Предложная функция лексем, обозначающих часть по отношению к целому, могла развиваться на базе таких сочетаний как результат выветривания конкретно-предметного значения и связанного с ним углубления обобщенно-релятивного значения. Сказанное позволяет предполагать, что в данном случае становление предлогов на базе падежных и предложно-падежных форм слова происходило не по «цепочке»: имя — наречие — предлог, а в результате параллельного становления наречия и предлога на базе именных форм, в связи с различными синтаксическими позициями последних: в сочетании с зависимым именем или вне таких сочетаний.

О том, как протекал процесс формирования предлогов, материально тождественных некоторым наречиям отыменного происхождения, можно судить, принимая во внимание ряд особенностей, характеризующих употребление так называемых предложных наречий в языке исторических памятников. Определенную специфику в их употреблении составляет, в частности, сохранение в ряде случаев в семантике предложных наречий тесной связи с предметным значением мотивирующего имени, в то время как адвербиализация соответствующих именных форм должна была означать устранение понятия предметности, субстантивности. Эта особенность широко представлена в значениях предложных наречий, мотивированных основой *вѣрхъ*: *верхъ*, *верху*, *вверху*, *наверху*. Наряду с выражением пространственно-релятивных значений «на» и «над» эти наречия

в предложной позиции могли также иметь локальное значение «в верхней части чего-либо», например: сътворити имаши колесницуу малоу и положить *верхъ ея* ковчегъ высоце⁶, и възревъ блжнныи *врхоу вратъ* домоу велика написану иконоу мтре бия⁷; но яко же рече господь не можетъ град укрытись *вверху горы* стоя⁸; и постыникомъ жилища *на врхоу горъ* осщахоуся⁹. Сочетаниям типа *врхоу вратъ, на врхоу горъ* присуще обстоятельственное значение, которое заключается в определении положения предмета не относительно какой-либо сферы пространства, а относительно другого предмета. Это придает обстоятельному значению таких словосочетаний предметный характер, что в определенной мере противоречит рассмотрению их как сочетаний наречия с зависимым существительным. В то же время вряд ли будет правильно определить образования *верхъ, врхоу, вверху, наверху* в таких позициях как словоформы имени: с этим не согласуются признаки их формализации, которые можно усмотреть, в частности, в вариантности предлогов *в* и *на*. В других, аналогичных, случаях употребления рассматриваемых образований с предметно-обстоятельным значением признаком формализации является «непарадигматичность» их морфемного состава, например, употребление образования *наверхъ* для определения местоположения: *на верхъ того терема* стоять Христовъ, сделанъ сребромъ яко въ мужа более¹⁰; или употребление образования *отверхъ* для выражения обстоятельства направления: А рубеж сыну, князю Ивану... *от верхъ озера* к Максимкову дворищу¹¹.

Падежные и предложно-падежные формы слова *верхъ* в составе указанных сочетаний с зависимыми существительными не могут быть определены как адвербиализованные и в то же время не являются существительными в свободном употреблении. По нашему мнению, в этих случаях мы имеем дело с особым этапом становления именных словоформ в качестве предлогов, которые оказались материально тождественными наречиям, сложившимся на базе тех же словоформ, но в иных синтаксических условиях, вне сочетаний с зависимыми существительными.

Тот же этап в развитии именных словоформ *съзади, напреди, спреди* как предлогов отмечен в следующих случаях их употребления в предложной позиции, но с предметным оттенком обстоятельного значения «в задней части чего-л.», «в передней части чего-л.»: Соломонъ створи слоновь престоль... имоушь степении б и образъ телечъ *съзади его* (Хр. Ам., 92 г); двери же ей двоя оукрашены... *напреди ихъ* же бе изделанъ Спсъ¹²; две пелены, *спреди престола* золотная¹³. Семантическая общность мотивирующих основ этих слов *зад-, перед-* и мотивирующей основы *врх-*, образования от которой были рассмотрены выше, предопределили единство тех способов, которыми протекали процессы прономинализации и адвербиализации соответствующих форм.

К рассматриваемой лексико-тематической группе мотивирующих слов относится и слово *середа (среда)*, которое наряду с указанными выше значениями «часть предмета» и «сфера пространства» обладало также значением «среда, общество». В соответствии с семантической структурой этого слова его падежные и предложно-падежные формы переживали процессы как адвербиализации, так и прономинализации. В ходе последнего и отмечены такие случаи употребления их в предложной позиции, которые были уже определены как особый этап на пути преобразования именных форм в предлоги. Специфика обстоятельно-релятивного значения этих форм проявляется в сочетаемости форм слова *середа (среда)* со словами, обозначающими лиц или живых существ, для выражения значения «в окружении, среди», например: бжше етеръ чьрьньць *среде епствъ*¹⁴; живяше *посреди рода* своего (МЛС, 1240, л. 165); яко голубица *посреде крагуев* ныряеть и так и сяк¹⁵.

В сочетаниях, подобных приведенным, предложная функция слов,

восходящих к формам слова *середа* (*среда*), не могла быть основана на их синтаксической способности управлять зависимым именем в родительном падеже в соответствии с понятием выделения части из целого. Только с учетом значения «среда, общество» у слова *середа* (*среда*) можно объяснить употребление его в составе таких сочетаний, на основе которых сложилась одна из грамматических функций предлогов, мотивированных основой *серед-* (*сред-*).

Характерно, что предлоги, восходящие, так же как и наречия, к падежным и предложно-падежным формам имен рассматриваемой лексико-тематической группы, унаследовали от них способность управлять только родительным или дательным падежами в значении выделения или определения (в соответствии с именной семантикой, включающей понятие части, выделяемой по отношению к целому).

Следует обратить внимание и на то, что синонимичное наречиям с основой *вѣрх-* наречие *горе*, мотивированное словом с иным семантическим содержанием, неизвестно в предложной позиции. Это и понятно: слово *гора* не обладало способностью управлять зависимым существительным, поэтому словоформа *горе* могла подвергнуться процессу адвербиализации, но не прономинализации.

Показательно также, что отыменное образование *межи* (*между*, *промежи* и др.) в языке исторических памятников было известно только в предложной позиции, но как наречие не употреблялось. Различие в судьбе этого образования и синонимичных образований от основы *серед-* (*сред-*), широко известных как в качестве предлогов, так и в качестве наречий, оказывается также связанным с различием в семантике слов *межа* и *середа*. Первое обладало значениями «предел», «граница», которые обуславливали возможность сочетания с зависимыми существительными в родительном падеже с дальнейшей формализацией этого типа отношений. Вместе с тем отсутствие в семантике слова *межа* такого компонента, как отвлеченное понятие определенной сферы пространства (в отличие от слова *середа*), и послужило, по-видимому, причиной того, что процесс адвербиализации не затронул ни одной формы слова *межа*. В то же время формы слова *середа* широко участвовали как в процессе прономинализации (на базе сочетаний с зависимыми или поясняющими существительными), так и адвербиализации (вне таких сочетаний).

Итак, не всегда употребление наречий в предложной функции становится возможным лишь в силу формализации наречия. В случае формирования предлогов, восходящих к именам, категориальное преобразование имени в предлог могло происходить, исключая этап наречий.

¹ См.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике.— М., 1958, т. I—II, с. 127.

² Шахматов А. А. Синтаксис русского языка.— Л., 1941, с. 310.

³ См.: Потебня А. А. Указ. соч., с. 128; Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики.— М.— Л., 1935, с. 197; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении.— М., 1934, с. 133; Шахматов А. А. Указ. соч., с. 357.

⁴ См.: Виноградов В. В. Русский язык.— М., 1947, с. 380; Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги.— М., 1967, с. 49.

⁵ Там же, с. 395; с. 16—17.

⁶ Палея историческая. / Изд. А. Попов.— Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1881, январь—март, кн. I, с. 91.

⁷ Житие Нифонта по сп. 1219 г.: Матеріяли історії візантійсько-слов'янської літератури та мови. / Изд. А. В. Ристенко.— Одеса, 1928, с. 274.

⁸ Полное собрание русских летописей.— М.— Л., 1949, т. 25, с. 82.

⁹ Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе.— Петроград, 1920, т. 1, л. 51 б.

¹⁰ Житие и хоженье Даниила русьския земли игумена: Православный Палестинский сборник.— СПб, 1885, т. 1, вып. 3; т. 3, вып. 9, с. 18.

¹¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.— М.— Л., 1950, с. 46.

¹² Полное собрание русских летописей.— М., 1962, т. 2, л. 281.

¹³ Псковские летописи.— М., 1955, вып. II, л. 232.

¹⁴ Успенский сборник XII—XIII вв.— М., 1971, л. 152 в.

¹⁵ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и др. сочинения.— М., 1960, с. 238.

ВЫТВОРНЫЯ АСАБОВЫЯ НАЗОЎНІКІ У «ДОПІСАХ» Ф. КМІТЫ-ЧАРНАБЫЛЬСКАГА

Беларускае гістарычнае словаўтварэнне распрацавана яшчэ далёка недастаткова, хоць вывучэннем яго займаліся многія даследчыкі. Разглядалася пераважна ўтварэнне пэўных лексіка-семантычных груп або словаўтваральная здольнасць асобных дэрывацыйных сродкаў з выкарыстаннем шырокага кола разнастайных пісьмовых крыніц, але без дыферэнцыраванага падыходу да іх, у выніку чаго не ўсе аспекты дяхранічнай беларускай дэрываталогіі знайшлі дастаткова поўнае асвятленне. Для далейшага паглыбленага даследавання яе важным з'яўляецца, у прыватнасці, аналіз словаўтваральных спосабаў, сродкаў і асаблівасцей функцыяніравання вытворных на матэрыяле, абмежаваным тым ці іншым пісьмовым помнікам.

З гэтай мэтай намі прааналізаваны параўнальна невялікі помнік беларускай пісьменнасці другой палавіны XVI стагоддзя — так званыя допісы аршанскага старасты Філона Сямёнавіча Кміты-Чарнабыльскага, якія ўяўляюць сабой сакрэтныя службовыя данясенні аб пагранічным жыцці Вялікага княства Літоўскага і Маскоўскай дзяржавы (захавалася 33 такіх данясенні) ¹.

Помнік вельмі ярска свядчыць аб той вялікай ролі вытворнай (матываванай) лексікі, якую яна выконвала ў агульнай сістэме выяўленых лексічных сродкаў старабеларускай мовы. Так, у помніку ўжыта амаль 120 асабовых назоўнікаў (не лічачы ўласных назваў), і толькі каля 40 з іх з'яўляюцца невытворнымі (нематываванымі) з пункту гледжання словаўтваральных адносін той пары (**баба, брат, жена, король, пан, сын, цар** і інш.).

Вытворныя асабовыя назоўнікі вызначаюцца ў допісах даволі разнастайнай — для гэтай групы слоў — семантыкай. Яны абазначаюць асоб (пераважна мужчынскага полу) паводле роднасці і сваяцтва, прыналежнасці да розных этнічных катэгорый, удзелу ў ваенных аперацыях, прафесіянальнага прызнаку, роду часовай або пастаяннай дзейнасці і г. д. Аднак спосабы ўтварэння гэтых слоў не вызначаюцца асаблівай разнастайнасцю.

Параўнальна невялікая група іх (8 слоў) утварылася шляхам субстантывацыі прыметнікаў і дзеепрыметнікаў (у сваю чаргу, як правіла, вытворных). Сярод субстантыватаў — тэрміналагічныя найменні адміністрацыйна-кіруючых і ваенных асоб: **возный**: возных на справы... выслаць не можем (83); **езный**: езных... провожати (91); **осужоный**: вжо на осужоных одержал (81); **пеший**: так езных, як и пеших, провожати (91); **путный** (у словазлучэнні **слуга путный**): подданных государских слуг путных (80); **скарбный**: скарбным государским розказалши (56). Сюды ж можна ўключыць таксама слова **подданный**: подданы его милости пана (41), якое абазначала залежную асобу. Ужываюцца пералічаныя словы, як і трэба чакаць, у форме мужчынскага роду. Сустрэлася толькі адно слова такога тыпу ў форме жаночага роду — **королевая** 'жонка караля': и королевая ея милость (93).

Найбольш шматлікімі з асабовых назоўнікаў з'яўляюцца афіксальныя ўтварэнні розных тыпаў. Адзначаецца група бяссуфіксных асабовых назоўнікаў, матываваных прэфіксальнымі дзеясловамі (гістарычна гэта ўтварэнні з суфіксам — **ъ**): **посол**: был у великого князя посол (54); **пристав**: приставов на границу выслано (79); **пророк**: у великого пророка есть писано (89); **сусед**: и ближший сусед совсем больш ведает (87). Усё ж бяссуфіксныя вытворныя складаюць нязначную колькасць у параўнанні з суфіксальнымі. Некаторыя суфіксы выяўляюцца ў адзінкавых вытворных, пры дапамозе іншых утвараюцца цэлыя рады слоў. Сярод апошніх вылучаецца некалькі ўтварэнняў з суфіксам **-(н) ик**. Гэты фармант, як вядома, характарызуецца шырокімі словаўтваральнымі сувязямі. Шырыня яго словаўтваральных сувязей нават у межах адной

катэгорыі — асабовых назоўнікаў выклікае пэўную цяжкасць ва ўстанаўленні матывацыі вытворных, бо суфікс **-(н)ик** валодае здольнасцю далучацца да розных тыпаў асноў — дзеяслоўных, прыметнікавых, назоўнікавых. Некаторыя вытворныя ўспрымаюцца наогул як выпадкі з двайной (і больш) суадноснасцю. Параўн., напрыклад, **полонник**: прывели з собою полонника (56); **служебник**: служебника вашей... вельможности (51); **стольник**: вся справа... мене от пана стольника дошла (48). Адназначны адказ на пытанне, што паслужыла непасрэднай базай пры іх утварэнні — назоўнікі **полон, служба, стол** або прыметнікі **полонный, служебный, стольный** — даць цяжка. На наш погляд, унутраныя дэрывацыйныя адносіны і, адпаведна, семантыка вытворных **полонник, служебник** больш цесна звязаны з прыметнікамі, а **стольник** — з назоўнікамі.

Няма таксама адзінай думкі наконт утваральнай асновы назоўніка **урадник (вradник)**: панове... пограничных урадников, потребовали (68); расказане... панскую вradнику (77). Адны схільны лічыць яе дзеяслоўнай², другія — назоўнікавай³. Мы прытрымліваемся думкі апошніх і лічым, што слова **урадник (вradник)**, відаць, утварылася як тэрміналагічнае службовае найменне 'прадстаўнік дзяржаўнай установы' і непасрэдна суадносілася з назоўнікамі **урад (вrad)** 'пасада ва ўрадавай установе; упраўленне, урадавае месца; распараджэнне, парадак'⁴. Прычым, па свайму паходжанню лексема **урадник (вradник)** звязана ў першую чаргу з тымі словаўтваральнымі працэсамі, якія адбываліся ў межах заходне-рускага моўнага арэалу, бо першая фіксацыя яго ў рускай мове датуецца XVIII стагоддзем⁵. Больш таго, слова **урадник** часам разглядаецца ў рускай мове як запазычанае з польскай⁶. Такія ж вытворныя, як **проводник**: маючы отсюль з собою проводника (84); **посланник**: от воеводы посланники его приежджают (50); **полоненник** — сінонім да **полонник**: с тым полоненником (57), маюць даволі выразную дэрывацыйную структуру: яны ўтвораны ад асноў розных дзеяслоўных форм (спрагальных і іменных).

У помніку сустракаецца група асабовых назоўнікаў з суфіксам **-ец**. Слова з гэтым суфіксам складалі, паводле сведчання П. В. Вярхова, значную колькасць у старабеларускай мове⁷. Утвораны яны на базе розных часцін мовы. Адрэзаныя матывацыі выяўляецца ў такіх вытворных: **купец**: от... купцов вси товары московские розказал отбирать (42); **гонец**: до каждого такового гонца (64); **стрелец**: людей, стрельцов... прислал бы (53). Аднак адносна матывацыі вытворнага **купец** існуюць розныя меркаванні. Так, І. П. Андрэева сцвярджае, што «структурна ўтваральная аснова **купить** не з'яўляецца матывуючай, вытворнае слова мае зусім супрацьлеглае значэнне, чым утваральнае»⁸. З такім меркаваннем можна пагадзіцца, калі разглядаць слова **купец** у яго сучасным значэнні: 'уладальнік гандлёвага прадпрыемства, які займаецца прыватным гандлем; асоба купецкага саслоўя' і не браць пад увагу ўстарэлае значэнне 'пакупнік'⁹. Як сведчаць факты, першапачатковае значэнне таксама было шырэйшым: 'усе, хто ўдзельнічае ў акце куплі-продажу'. І. І. Сразнеўскі, напрыклад, адзначае ў сваім слоўніку гэтаксама слова са значэннем 'той, хто набывае, купляе; хто гандлюе, займаецца гандлем'. Яно вядома слову **купць** з XI стагоддзя і непасрэдна звязана з дзеясловам **купити**.

Дзеепрыметнікавымі асновамі матывуюцца назоўнікі: **жылец**: жильцов своих прислал (56); **помазанец**: помазанцу божему... уехати (85); **посланец**: посланец князя великого (91); назоўнікавай — **нагайцы**: нагайцы и иные орды (41); прыметнікавай — **немцы**: готовым быть противко немцов (94). Як сінонім суфікса **-ец** у старабеларускай мове ўжываўся суфікс **-ц(а)**. Апошні сустраэўся толькі ў слове **поборца**: просили... Федора Воропая, поборцы тутошнего (83).

Пэўную групу ў допісах складаюць словы з суфіксам **-ар**: адназоўнікавыя — **господар**: господар твой, просит мне о дань (55); **государ**¹⁰: иж... государ отпустил владыку Молдавское земли (75); **пушкар**: в недостатку стрельбы, пороху и пушкарров (82); адрэзаныя — **писар**: писа-

ру вашей панской милости (43). Адзначаны таксама ўтварэнні з суфіксам **-тель**, матываваныя дзеясловамі: **збавитель**: класть прикладом нашего збавителя (74); **обыватель**: писаном до обывателей повету тутошнего (103); **сотворитель (створитель)**: мне бог сотворитель отпустил (70); богу створителю моему (67).

Дзеяслоўная матывацыя выяўляецца і ва ўтварэннях з суфіксамі **-щик (-щиц) / -чик (-чык)**: **переметчык**: з войска татарского переметчыки прибегли (77-78); **приставщик**: людей от границ приставщики выговяют (49). Вытворныя гэтай групы могуць матывавацца назоўнікамі: **ангилейщиц**: За ... коруну плачно ангилейщицом соболями (59); **купчик**: некоторые купчики до Орши пришли (52).

У радзе асабовых назоўнікаў выдзяляецца суфікс **-ок**. Гэта вытворныя ад асноў дзеяслова **-вырасток**: тот выросток мой (48); назоўніка — **маршалок**: канцлером, маршалком, воеводом (68); прыназоўніка — **продок**: по смерти продков государских (67). Два словы з суфіксам **-анин** утвораны ад іменных асноў: **дваранин**: дваранин его, дает справу (61); **мещанин**: служебник мещанина виленского (53). Адзінаковымі прыкладамі прадстаўлены ў допісах суфіксы **-ень, -ык, -(ев)ич, -ин, -итин, -ор**: **врязень**: полторы тысячи одогнали и врязней достали (77); **владыка**: отпустил владыку Молдавское земли (75); **царевич**: межи которыми три царевичи (64); **литвин**: вже заюшылся за литвина (75); **москвитин**: до того москвитина ехать (70); **сенатор** около своих... сенаторов (87). Першыя два з прыведзеных вышэй вытворных — аддзеяслоўныя, астатнія — адназоўнікавыя.

Вытворныя асабовыя назоўнікі жаночага роду ў помніку зусім нешматлікія (адзначана толькі 7 лексічных адзінак). Гэта пераважна назвы жонак або дочак паводле прафесіі, роду дзейнасці, сацыяльнага становішча мужа або бацькі, утвораныя ад асноў асабовых назоўнікаў мужчынскага (часам і жаночага) роду пры дапамозе суфіксаў **-н(а)**: **панна**: милостивое панны (89); **-(ев) н(а)**: **королевна**: в речи королевны ее милости (89); **-ин(я)**: **государиня**: к...государини моее (74); **-к(а)**: **матка**: матка государя нашего (93); **-ухн(а)**: **матухна**: будет з матухною своею служити (90). Сустрэўся назоўнік **пани**, у якім флексія **-и** выконвае словаформаўтваральную функцыю: милостивая пани (74). Адзначым дэмінутыўныя ўтварэнні з фармантамі **-к(а)**: **детка**: вечне з ...детками заслужовать буду (48); **-очак**: **сыночак**: сыночка моего милого (89); **-ечк(а)**: **жонечка**: вечне з жонечкаю... заслужовать буду (48). Зусім нямнога сярод вылучанай лексікі прэфіксальных дэрыватаў: **неприятель**: от того неприятеля ...сподиваем (42); **подстаростий**: А ведь жем до подстаростего (77). Прэфіксальна-суфіксальны спосаб словаўтварэння выяўляецца толькі ў адзіным прыкладзе: **наместник**: а в небытности его до... наместника писал (77).

Акрамя таго, некалькі асабовых назоўнікаў утворана шляхам асноўзаскладання. У якасці апорнай асновы такіх слоў могуць выступаць як суфіксальныя, так і бясуфіксныя кампаненты: **законодавец**: Постави законодавца над нами (88); **чужоземец**: того... чужоземцу трудно ведать (77); **воевода**: маю до воеводы смоленского писать (50); **добродей**: мій милостивый пан а добродей (78). Складаным можна лічыць таксама слова **малжонка**: з ею... панею малжонкаю и з милым потомством (49).

З разгледжанага вынікае, што асноўную словаўтваральную нагрузку ў групе вытворных асабовых назоўнікаў помніка выконваюць суфіксы. Яны не вызначаюцца асаблівай разнастайнасцю і складаюць прыкладна п'ятую частку ад усіх суфіксаў, здольных утвараць асабовую лексіку ў беларускай мове. Але нават і гэтая частка суфіксаў у нейкай меры характарызуе спецыфіку словаўтваральнай сістэмы беларускіх асабовых назоўнікаў: магчымасць адных суфіксаў спалучацца з шырокім колам дэрывацыйных асноў, другіх — толькі з пэўнымі асновамі, неаднолькавы семантычны аб'ём суфіксаў, ярка выражаную стылістычную маркіроўку некаторых у разгледжаных вытворных (напрыклад, суфіксаў

аб'ектыўнай адзінкі ечк(а): жонечка; -к(а): детка; -очак: сыночак; -ухн(а): матухна; кніжных суфіксаў -анин: дваранин, мещанин; -тель: збавитель, сотворитель; -ык(а): владыка, а таксама такіх кампанентаў складаных лексічных адзінак, як -давец: законодавец; -вод(а): воевода; -дей; добродей; -земец; чужоземец, характэрных для кніжнай лексікі і г. д. Суфіксацыя і іншыя словаўтваральныя сродкі помнікнай традыцыйнага, агульнаславянскага або агульнаўсходнеславянскага паходжання, за выключэннем запазычанага суфікса -ор: сенатор. Амаль усе яны захавалі свае словаўтваральныя сувязі да нашага часу. Не пашырыліся ў беларускай мове толькі спецыфічныя формы суфіксаў -щиц: ангилейщиц; ечк(а): жонечка, якія ў помніку ўжываюцца не без уплыву польскай мовы, а таксама суфікс -итин: москвитин. Самі ж вытворныя ў пераважнай большасці ўжываюцца зараз як гістарызмы або архаізмы.

¹ Гл.: Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці.— Мінск, 1975, с. 16—25. У артыкуле прыклады з помніка прыводзяцца па гэтаму выданню. Лічба ў дужках пасля прыклада абазначае старонку выдання.

² Гл.: Воронцова В. Л. Об одном случае конкуренции словообразовательных моделей (суффиксы -ник, -щик, -тель в обозначении лица в древнерусском языке).— У кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков.— М., 1971, с. 89; Косовский Б. И. К вопросу о типах суффиксального словообразования существительных в языке белорусской народности.— Уч. зап. БГУ им. В. И. Ленина, вып. 27. Серия филологическая.— Мінск, 1956, с. 239.

³ Гл.: Суффиксальное словообразование существительных в восточно-славянских языках XV—XVII вв.— М., 1974, с. 71.

⁴ Гл.: Носович И. И. Словарь белорусского наречия.— СПб., 1870, с. 665.

⁵ Гл.: Словарь современного русского литературного языка.— М.— Л., 1964, с. 850.

⁶ Гл.: Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка.— М., 1961, с. 467.

⁷ Гл.: Вярхоў П. В. З суфіксальнага словаўтварэння асабовых назоўнікаў у мове беларускай народнасці XIV—XVIII стст.— Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук, 1965, № 4, с. 113.

⁸ Андреева И. П. Сочетаемость суффикса -ун- с производящими основами в словообразовательном типе (глагол+формант -ун).— У кн.: Проблемы русского языкознания.— М., 1970, с. 157—158.

⁹ Гл.: Тлумачальны слоўнік беларускай мовы.— Мінск, 1978, т. 2, с. 757.

¹⁰ Хоць словаўтваральная структура слова государ цяжка вызначаецца, яго звычайна разглядаюць як адыменнае ўтварэнне на -ар. Гл., напрыклад: Вярхоў П. В. Назоўнікі на -ар (-яр) у беларускай мове.— Мінск, 1970, с. 16.

Н. В. МЕЧКОВСКАЯ

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГРАММАТИКАХ XVI—XVII ВЕКОВ

1. Классифицирующий характер ранних восточнославянских грамматик. Восточнославянские грамматики XVI—XVII веков представляли собой дедуктивные классификации лингвистических категорий и соответствующего языкового материала. Классифицирующие схемы определяли не только композицию грамматик (членение на определенные разделы и подразделы, порядок расположения разделов, способы подачи языкового материала), но и стилистические особенности самого изложения (устойчивые формулы классифицирующих высказываний, перечни терминов, слов и форм языка-объекта, элементы табличной записи).

Композиционный канон ранней восточнославянской грамматики можно представить следующим образом. После традиционных определений грамматики как «известного вежства» (Л. Зизаний) или «художества» («Адельфотис», М. Смотрицкий), которое учит «благо глаголати и писати», перечислялись четыре основных раздела грамматики: «Колико естъ частии грамматики; Четыри, орфография, просодия, и этимология, и синтаксисъ»¹. В грамматике М. Смотрицкого, наиболее подробной в характеристиках и полной по охвату языкового материала, далее приводятся определения ее четырех частей. Затем обычно следуют классификации категорий, составляющих каждый раздел грамматики. Трактат «Осьмь

чести слова» (а также восходящие к нему грамматические статьи) и «Донат» Дм. Герасимова содержат только «этимологические» (т. е. морфологические, в современной терминологии) классификации. Рассмотрим далее те направления, по которым велась морфологическая классификация — этот наиболее разработанный раздел ранних восточнославянских грамматик. В дефинициях «этимологии» (или в других высказываниях, открывающих морфологию) обычно содержалось указание на *части слова* (*виды слова, части вещания*, т. е. части речи — Н. М.), которые этимология *«учитъ разделяти и въсвоемъ их чину благолепно полагати»* (Зизаний, л. 10). Затем следует перечень восьми частей речи. При этом порядок перечисления мог слегка варьироваться; некоторые расхождения наблюдаются также в составе частей речи. Однако, при возможности вариантов в составе и последовательности списка восьми частей речи, само их количество было строго канонично: восемь и только восемь. Учение о восьми частях речи понималось как основное и главное в грамматике. *«Суть же убо слова честию осьмь елика глаголемъ и пишемъ въне сихъ ничтоже есть»*, — говорится в трактате «Осьмь честию слова» (Ягич, с. 329). Предпринимались попытки найти обрядовые закрепления или соответствия «осьми частем слова». В одной статье о графике, приписываемой Максиму Греку, после перечня «осми словесныхъ частей» говорится: *«Сего ради божественныи Иоаннъ Дамаскинъ осмогласнымъ пениемъ духовнымъ церковь христову украси, понеже осмь частей словесаго любомудриа»* («Просто писанныя буквы...», Ягич, с. 607).

После перечня восьми частей речи в ряде грамматик («Адельфотис», грамматика Зизания, Смотрицкого) проводилось первое «разделение» частей речи: на «склоняемые» и «несклоняемые» (т. е. изменяемые и неизменяемые). Далее следовали классификации грамматических категорий и форм в рамках отдельных частей речи. В порядке иллюстрации рассмотрим классификационную схему глагола в грамматике М. Смотрицкого. После дефиниции глагола следовало стандартное классифицирующее высказывание, которым начиналось первое «разделение» (*«Глаголь есть четверогубъ»*) и перечень четырех классов глаголов: *личный, безличный, стропотный, лишаемый*. Ср. аналогичные зачины классификаций: *«Нарицательное имя есть трегубо»* (Смотрицкий, л. 21); *«Первым разделениемъ прилагательное есть девятгубо»* (там же, л. 21); или в катехизисной форме у Л. Зизания: *«Коликогубо есть имя»* (л. 12). Далее у Смотрицкого следуют определения «личного» и «безличного» глаголов, затем — дихотомическое подразделение «безличного» глагола (*«сей сугубъ есть: овъ действительнаго и знаменованя и спряжения... овъ стропотнаго»*) и дефиниции «стропотного» и «лишаемого» глаголов. «Личный» глагол как наиболее обширный и важный разряд классифицировался далее по двум независимым друг от друга основаниям: *«Личный глаголь первымъ разделениемъ трегубъ есть: существительный, звателный, и прилагательный»* (л. 117 б). *«Вторымъ разделениемъ глаголь сугубъ есть. Преходителный и Самостоятелный»* (л. 118). При этом каждый из установленных разрядов получает свое определение.

Дальнейшая систематизация глагольных категорий в грамматике Смотрицкого принимает следующий вид: *«О последующихъ Глаголу. Последуютъ глаголу девять. Залогъ, начертание, видъ, число, лице, наклонение, время, родъ, и спряжение»* (л. 118). «Последующие» глагола — это или его отдельные грамматические категории, или группировки глаголов в зависимости от степени морфемной сложности и отчасти семантики («начертание», «видъ»), или словоизменительные классы глаголов («спряжение»). [Термин *последующие* (вариант *пристоящие*, у Ю. Крижанича — *примети бесиднихъ раздилов*) — калька греч. *παρορτηνα*, лат. *accidentia*. В «Физике» и «Метафизике» Аристотеля, а затем в средневековой схоластике соответствующий термин обозначал случайные, несущественные, преходящие свойства вещи, противопологаемые ее неизменной сущности — субстанции]. Затем систематизация глагольных категорий и форм происходит путем классификационного разделения «пос-

ледующих». После перечня «последующих» дана рубрика «О Залозе». Затем после дефиниции залога новое подразделение: «Залози глагола суть пять: действительный, страдателный, средний, отложительный, и общий» (л. 118 б). Далее даются определения и экземплификации залогов и указываются эмпирические критерии их разграничения. Затем — очередная рубрика: «О начертании. Начертание глагола есть трегубо. Простое: яко емлю. Сложное: яко приемлю. Пресложное: яко восприемлю» (л. 119). Как видно, в данном случае определения отсутствуют; о характере языкового материала, объединяемого в рубрики, говорят выразительные, хотя и единичные примеры; закрепляется классификация в терминах. Подобным образом ведется классифицирующий обзор всех «последующих» глагола (см. схему классификации). Каждый разряд внутри «последующих» содержит определенные парадигматические перечни форм (ср.: *Изъявительное... бию, чту, стою; Повелительное... бий, чти, стой...* — л. 120 б); сводная морфологическая парадигматика глагола дается в обозрении спряжений. Свой набор «последующих» имеется у каждой части речи, в том числе у служебных слов. Ср.: «*Последуютъ Соузови три. Начертание. Знаменованіе. Чинъ*» (Смотрицкий, л. 192 б).

Таким образом, «последующие», объединяя в своих исходных перечнях различные, при этом далеко не однородные аспекты отдельных частей речи, определяли основные направления грамматической систематизации категорий и форм. Понятие «последующих» и систематизация языкового материала по направлениям, заданным «последующими», были характерны для всех восточнославянских грамматик XVI—XVII веков.

2. Исторические предпосылки классификационной направленности восточнославянских грамматик XVI—XVII веков. Классификационный подход к языку в ранних восточнославянских грамматиках имеет глубокие исторические корни, связанные как с общенаучными, так и лингвистическими традициями своего времени. Во-первых, это некоторые специфические для средневековой культуры познавательные установки; во-вторых, — своеобразие европейского (восходящего к античности) языкознания, частью которого была восточнославянская грамматическая традиция.

В средневековой науке значительно усилилось рациональное, абстрактно-логическое и умозрительное начало, воспринятое ею из античного наследия. Характерна в этом отношении сама избирательность средневековой учености по отношению к античности. В средние века наиболее почитаемыми древними авторами были Платон и Аристотель, далеко отошедшие от гармонии рационального и чувственного, а также от стихийной диалектики, которые были присущи философии аттической классики. В платоновском учении об идеях мир рисовался как отвлеченная логическая система формообразующих принципов². Аристотель, основоположник формальной логики и создатель силлогистики, разработал стройную философскую картину мира как системы «форм» превращения «начал» бытия. По своей логике и композиции трактаты Аристотеля обычно носят дистинктивно-классификационный характер. Каждая категория понимается как строго определенный разряд в классификационной иерархии; категория получает дефиницию и подвергается дальнейшему делению. В аристотелевских построениях классифицируется буквально все. Например, в «Риторике», стремясь систематизировать «предметы» и «посылки» разных видов речей, он методически определяет и разбивает на составляющие такие, по понятиям нового времени, трудно классифицируемые вещи, как счастье, благо, добродетель, удовольствие. При этом, сознавая узость рационального определения «счастья», Аристотель все же не отказывается от определения, но суммирует четыре дефиниции³.

Средневековье не только наследовало, но и усилило это стремление к формально-логическому выражению всякого знания. Схоластика, во многом утратившая аристотелевскую глубину и мощь, тем не менее (а,

может быть, именно поэтому) способствовала укреплению позиций аристотелевской логики во всей средневековой учености. При этом логицизм средневекового знания закономерно сочетался с представлениями о совершенной статичности и универсальности всех категорий. Классификация была основным способом мышления. Историки культуры согласно пишут о средневековой «логической страсти все расчленять и всему давать точное определение, все классифицировать и все систематизировать»⁴. Фома Аквинский, например, методически выделяет три составных момента красоты, дает определения каждому из них, далее пытается охарактеризовать отношения между красотой и добром, прибегая к привычной логической аналогии: это отношение мыслится таким же, как отношения между видом и родом⁵. «Присущая сознанию эпохи страсть к классификации выразилась в создании своего рода «схоластики любви», канонов любовного поведения и выражения чувств»⁶. Естественно, что средневековая грамматика, будучи органическим компонентом культуры своего времени, имела ярко выраженный классифицирующий характер.

С другой стороны, классифицирующая направленность средневековой грамматики была унаследована ею от античной грамматической традиции. История языкознания свидетельствует о том, что классификация языкового материала отнюдь не является единственно возможным способом представления языка в лингвистическом описании. В языкознании древнего мира известны три основных типа лингвистического отображения языка, соответствующие трем самостоятельным сложившимся лингвистическим традициям: 1) списки (словари) языковых знаков (иероглифов) в языкознании древнего Китая; 2) грамматика как свод правил синтеза языковых знаков (учение Панини в языкознании древней Индии); 3) грамматическое описание как классификация языковых знаков в греко-латинской (средиземноморской) лингвистической традиции. Свообразие метода отдельной традиции было обусловлено, с одной стороны, особенностями языка-объекта описания, а с другой,— своеобразием общественно-языковой практики.

Характер европейской лингвистической традиции во многом определился условиями ее формирования и тем местом, которое занимали грамматические и фонетические сведения в античной науке. Античная грамматика возникла как вспомогательное («техническое») знание об элементах языка в недрах более широкой филологической деятельности — критики и толкования классических текстов. Критика текста, опиравшаяся на разнообразные историко-фактические, идеологические, лингво-семантические комментарии, а также риторики и поэтики удовлетворяли потребности общества в содержательном внимании к слову. С другой стороны, некоторые принципиальные проблемы языковой семантики, такие, как природа названия, слово и мысль, еще до первых грамматик были поставлены в древнегреческой философии и логике. Поэтому уделом грамматики оставались достаточно формальные, внешние классификации языковых элементов. Последующее языкознание, развившееся на почве европейской грамматической традиции, наследовало эту узость в понимании своего объекта и лишь постепенно преодолевало ее, открывая в своем объекте семантическую систему языка, в том числе семантику синтаксиса, открывая развитие языка и динамику речевой деятельности в их социальных и психологических аспектах.

3. Методологический смысл классифицирующего описания языка в восточнославянских грамматиках XVI—XVII веков. В отличие от античности, где общефилологические штудии предшествовали грамматике, в восточнославянской традиции трактаты о «письменах», грамматики и глоссарии непонятных слов были началом филологической литературы. Естественно поэтому, что классифицирующая направленность грамматики обладала здесь иной, несколько более высокой значимостью.

Классификация, рассматриваемая в историко-познавательном плане, обычно имеет значение предварительного, пропедевтического обзора эм-

пирического материала. Она удобна в качестве средства упорядочения и систематизации эмпирически выделенных объектов и, по-видимому, как оптимальный способ компактной репрезентации материала. В общепознавательной перспективе классифицирующий подход к определенному материалу позже сменяется его более глубоким осмыслением в генетическом, причинно-следственном, динамическом аспектах.

Сопоставление ранних восточнославянских грамматик XVI—XVII веков между собой и с описательными грамматиками нового времени позволяет увидеть основные направления, по которым происходила эволюция классификационных грамматик. Во-первых, это создание более глубоких и подробных классификационных схем, т. е. увеличение количества ступеней деления и количества выделяемых соподчиненных понятий (что внешне выражается в большем количестве узлов и большей разветвленности классификационных деревьев). По мере детализации классификационных построений частично преодолевается односторонность классифицирующего подхода к языку: появляются элементы порождающей грамматики и элементы лексикографического описания. Так, в грамматике Смотрицкого в разделе «*О степенехъ уравниения*» (прилагательных) добавляется (по сравнению с предшествующими восточнославянскими грамматиками) новая рубрика «*О составлении празилных уравнений*», где содержится ряд правил (которые в зависимости от степени общности называются «правилами», «изъятями» и «увещениями») образования форм сравнения. Ср. первое правило: «*Разсудителный составляется от именителнаго положительнаго вмещену вкончаемый слогъ Ш и Ы премемену на Й: яко правый правиший, убогий убогий и проч.*» (л. 23 б).

Элементы лексикографического описания в классификационной грамматике обусловлены стремлением составителей к более полной репрезентации языковых фактов. Чем пространнее грамматика, чем глубже и разветвленней в ней классификация, тем полнее в каждом ее разделе представлена лексика соответствующего грамматического класса. Так, в «Донате» в описании степеней сравнения фигурирует одно, в грамматике Зизания — пять, в «Адельфотисе» — 23, в грамматике Смотрицкого — 44 прилагательных. Элементы по своему духу лексикографические возникают также в подробных семантических классификациях прилагательных, наречий, союзов, междометий. Очевидно, что границей такой детализации был бы словарь. Таким образом, в достаточно полных восточнославянских грамматиках XVI—XVII веков представлены все три основные методологии лингвистического описания (классификация, правила порождения, словарь), хотя, естественно, их место и роль различны.

Во-вторых, одно из направлений развития классификационных грамматик заключалось во все большей экспликации тех признаков (формальных и/или семантических), на которых основывалось выделение и подразделение классов. В порядке иллюстрации рассмотрим, как в разных грамматиках дается одна и та же трехчленная классификация степеней сравнения прилагательных. 1) В «Донате» классификация содержит только само классификационное высказывание, термины и примеры: «*Воспр. Прилагание степенем колицы сугь. Отз. Три. Воспр. Кои. Отв. Положительная, яко учёнь, прилагателная, яко ученее или ученнеише, надприлагателною или превышнюю, яко преученнеише*» (Ягич, с. 822). 2) В грамматике Зизания добавляется семантическая характеристика каждой степени сравнения: «*Положенный естъ первы глас прилагаемаго... Разсудный естъ, иже вящше прилагаемаго значения значит... Первыиший естъ, иже вящше разсуднаго значения значитъ*» (л. 13). 3) В грамматике Смотрицкого указываются и семантические и формальные признаки каждой степени: «*Разсудителный естъ вторый гласъ имене прилагателнаго вещь растиму или малиму знаменующий, его же окончание мужское естъ ший, женское шая, среднее ше, яко свяиший, свяишая, свяишее и проч.*» (л. 23).

В-третьих, совершенствование классификационного подхода к описанию языка состоит в обнаружении всевозможных двойственных и пере-

ходных языковых явлений, нарушающих установленные ранее соответствия плана выражения и плана содержания определенных грамматических категорий и классов форм. Подобные факты, нарушающие сложившиеся подразделения, способствуют осмыслению внутренних связей и взаимоотношений между классификационными разрядами и тем самым ведут к перерастанию формально-логических классификаций в содержательные. При этом размытый, нечеткий характер таких классификаций вполне соответствует вероятностно-нечеткой природе языка.

В-четвертых, дальнейшее совершенствование классифицирующего подхода в лингвистике приводит к созданию теории классификации, способной объяснить как ее метод, так и определенную классификацию с некоторой более общей точки зрения, — например, с точки зрения ее соответствия внеязыковой реальности или характеру мышления, или структурно-типологическим закономерностям языка. Как один из ранних опытов таких интерпретаций можно рассматривать параллели между закономерностями объективного мира и категориями грамматики, постоянно проводимые М. В. Ломоносовым.

Экспликация оснований классификации, доказательства правомерности делений, а также развитие теории классификации существенны для истории рассматриваемых грамматик еще в одном отношении: в плане развития коммуникативных возможностей, т. е. развития способов общения с читателем. В целом ранние восточнославянские грамматики характеризуются предельной свернутостью изложения. Их текст напоминает перевод табличной записи в ее словесное прочтение, но с минимальным нарративным («рассказывательным») элементом. Однако по мере развития объяснительного и комментирующего компонентов возрастает не только содержательность грамматик, но и степень их коммуникативной ориентированности.

¹ Лаврентий Зизаний. Грамматика Словенска съвершеннаго искусства осми частей слова.— Вильно, 1596, л. 3. В дальнейшем при цитировании старопечатных грамматик в тексте приводится фамилия автора или сокращенное название памятника («Адельфотис») и указываются листы по следующим изданиям: Адельфотис, Грамматика доброглаголиваго еллинословенскаго языка.— Львов, 1591; Мелетий Смотрицкий. Грамматика Славенския правильное синтагма.— Евье, 1619. Рукописные памятники цитируются по изданию И. В. Ягича в кн.: Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке.— Исследования по русскому языку. СПб., 1885—1895, т. 1. В этом случае в скобках указывается сокращенное название памятника и страницы по тому «Исследований», напр.: («Донат», Ягич, с. 822).

² См.: Лосев А. Ф. История античной эстетики: Поздний эллинизм.— М., 1980, с. 152.

³ См.: Античные риторика.— М., 1978, с. 29.

⁴ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения.— М., 1978, с. 508.

⁵ Там же, с. 156.

⁶ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры.— М., 1977, с. 186.

А. І. НАРКЕВІЧ

ГРАМАТЫКАЛІЗАВАННЯ СПАЛУЧЭННІ СЛОЎ

Пры аналізе сказа па яго непасрэдна састаўляючых у ім вылучаюцца, апрача так званых функцыянальна значымых сінтаксічных адрэзкаў — сінтаксем, і розныя іншыя тыпы структурных адзінак, якія выконваюць у сказе формаўтваральную, незнамянальную або службова-звязкавую, дапаможную функцыю, хоць знешне (фармальна) і нагадваюць словазлучэнні. Такімі, перш за ўсё, з'яўляюцца:

а) складаныя аналітычныя, ці апісальныя граматычныя ўтварэнні, напрыклад, кампаратыўныя формы якасных прыметнікаў і прыслоўяў, якія выражаюцца спалучэннямі слоў *больш, менш, найбольш, найменш, самы* плюс якасны прыметнік ці прыслоўе (*больш памяркоўны, менш прыкметны, найбольш здатны, найменш цікавы, самы задзірсты, больш трапна, менш дасканала* і інш.); складаныя формы часу, ладу дзеясловаў, якія перадаюцца спалучэннямі дзеяслоўнай звязкі *быць (буду, бу-*

дзеш, будзе, будзем, будзеце, будуць, зрэдку быў) з інфінітыўнымі ці асабовымі формамі дзеясловаў або спалучэннямі дапаможных дзеясловаў *давай, давайце*, мадальных, мадальна-валявых і адмоўных часціц з дзеясловамі ўмоўнага ці загаднага ладу (*буду вучыцца, будзем працаваць, быў прызшой, давай расказвай, прыйшлі б, расказаў бы, чакалі ж, ведаў жа, не зваяжай, няхай ведаюць і інш.*);

б) ускладненыя формы дзеяслоўных, імённых ці прыслоўных выказнікаў, якія выражаюцца спалучэннямі дапаможных дзеясловаў тыпу *быць, стаць, станавіцца, рабіцца* з рознымі знамянальнымі часціцамі мовы (*быць смелым, стаць інжынерам, станавілася не па сабе, рабілася доладна*) або спалучэннямі прэдыкатываў *трэба, патрэбна, нельга* з інфінітывам і (*трэба жыць, патрэбна працаваць, нельга ленавацца і інш.*);

в) складаныя энклітычныя і праклітычныя ўтварэнні, якія выражаюцца спалучэннямі назоўнікаў з прыназоўнікамі або назоўнікаў ці іншых часцін мовы са злучнікамі, часціцамі (*у лесе, каля рэчкі, і лугі, і палі, але маркотна, не сумуй, па шляху (у напрамку) да, у адносінах да, у залежнасці ад, у адрозненне ад, у адказ на, у адпаведнасці з, у параўнанні з, на чале, па прычыне таго што, у сувязі з тым што, па меры таго як, у той час калі, да таго часу пакуль, пасля таго як, для (дзеля) таго каб, зыходзячы з таго што, нягледзячы на тое што, не гаворачы аб тым што і інш.*);

г) словаспалучэнні, якія складаюцца з розных эмацыянальных, мадальна-экспрэсіўных часціц і знамянальных разрадаў слоў — назоўнікаў, прыметнікаў, займеннікаў, дзеясловаў, прыслоўяў (*вось дык дзіва, ну й спёка, ці ж то парадак, што за прыгажосць, ні дня, ні ночы, які ж цудоўны, які б ні быў, аж задрыжаў, як ні цяжка, хіба ж лёгка, яшчэ вчора ж, хоць куды, куды там, хоць бы, хоць бы што, бадай што, быццам бы, як быццам, абы толькі, ледзь не, чуць не і інш.*).

Агульным, што збліжае і аб'ядноўвае названыя групы словаспалучэнняў са знамянальнымі сінтаксічнымі ўтварэннямі на ўзроўні словазлучэнняў, з'яўляецца двухкампанентнасць (бінарнасць) іх структуры. Як і ў свабодных сінтаксічных словазлучэннях, ва ўсіх гэтых тыпах граматыкалізаваных спалучэнняў вылучаюцца дзве асноўныя часткі, адна з якіх структурна падпарадкавана другой. Так, займеннікі *самы, самая, самае*, колькасныя прыслоўі *больш, менш, найбольш, найменш* структурна і семантычна залежаць ад прыметнікаў, прыслоўяў ці безасабова-прэдыкатыўных слоў у складзе адпаведных кампаратыўных спалучэнняў, дзеяслоўныя звязкі *быць, станавіцца, рабіцца*, часціцы *б, бы, ж, жа, хоць, як, быццам, бадай* і інш.— ад асабовых ці інфінітыўных форм дзеясловаў або іншых часцін мовы. Аднак залежнасць кампанентаў у граматыкалізаваных спалучэннях і падпарадкавальных злучэннях слоў не адволькая, што вынікае з неідэнтычнасці складу, значэння і функцый тых і другіх адзінак у мове. Словазлучэнні складаюцца з двух і больш лексічна паўназначных слоў і служаць для выражэння сэнсава-сінтаксічных адносін паміж паняццямі, якія абазначаюцца гэтымі словамі; граматыкалізаваныя ж спалучэнні ўяўляюць сабой злучэнні несамастойных слоў або самастойнага слова са службовым, а таму як кампаненты сінтаксічнага раду не раўназначныя і не могуць служыць абазначэннямі прадметаў ці з'яў рэчаіснасці ў іх складаных сувязях і ўзаемаадносінах.

Словазлучэнні заўсёды, ва ўсіх выпадках іх ужывання ўтвараюць цэльныя, граматычна аформленыя і семантычна завершаныя адзінкі сінтаксічнай будовы мовы, у той час як граматыкалізаваныя спалучэнні такой цэльнасцю структуры не вызначаюцца і іх значэнне раскрываецца праз семантычны сувязі і ўзаемаадносіны з іншымі словамі. Толькі ў спалучэнні з лексічна паўназначнымі кампанентамі сказа яны набываюць сваю знамянальнасць, семантычную паўнацэннасць і структурную завершанасць.

Свабодныя сінтаксічныя словазлучэнні ў адрозненне ад граматыкалізаваных спалучэнняў вызначаюцца і той істотнай асаблівасцю, што яны могуць функцыяніраваць як у складзе сказа, яго будове, так і па-за

межамі гэтых структурных адзінак. Яны могуць вычляняцца са сказа, разбівацца ў ім, перагрупоўвацца. Што ж датычыць граматыкалізаваных спалучэнняў, якія ўзнікаюць у мове ў сувязі з камунікатыўным актам і выкарыстоўваюцца для арганізацыі адпаведных словаформ і сінтаксічных канструкцый, то яны не могуць кваліфікавацца як самастойныя сінтаксічныя ўтварэнні з сваёй асобнай семантычнай функцыяй у працэсе зносін. Такія спалучэнні функцыяніруюць толькі ў сказе, у яго складзе і не мысляцца, не ўяўляюцца па-за сказам як выразнікі пэўных семантычных адносін. З гэтага вынікае, што словазлучэнне ў сказе — жывая структурная адзінка мовы, у той час як граматыкалізаваныя спалучэнні слоў — толькі сродкі іх граматычнай арганізацыі ці мадальнай характарыстыкі. У адпаведнасці з камунікатыўнымі, сэнсава-экспрэсіўнымі і стылістычнымі мэтамі словазлучэнні могуць свабодна ўступаць у новыя сувязі і ўзаемаадносінны з іншымі словамі ці спалучэннямі слоў, пашыраць ці звужаць сваё значэнне, ускладняць структурную аснову сказа. У процілегласць фармалізуючым элементам мовы яны не з'яўляюцца гатовымі словаспалучальнымі ўтварэннямі з намінацыйнай функцыяй па-за сказам, паколькі ў яго складзе гэтак жа хутка распадаюцца, знікаюць, як і ўзніклі, калі патрэба ў іх камунікатыўным выкарыстанні адпала.

Такім чынам, далёка не ўсе спалучэнні, што вылучаюцца ў сказе, могуць кваліфікавацца як паўназначныя сінтаксічныя ўтварэнні. Паўназначнымі з'яўляюцца толькі такія аб'яднанні слоў, якія, будучы ўтворанымі на базе знамянальных лексем, захоўваюць у любых умовах функцыянальнага ўжывання сваю семантычную і сінтаксічную самастойнасць і служаць мэтам выражэння пэўных сэнсавых узаемаадносін паміж прадметамі, паняццямі ці з'явамі рэчаіснасці. Тыя ж з іх, якія ўжываюцца ў складзе сказа для арганізацыі адпаведных словаформ камунікатыўнага прызначэння ці ў якасці сродку выражэння пэўных эмацыянальна-экспрэсіўных, мадальных значэнняў, застаюцца па-за межамі граматычна самастойных, сінтаксічна значымых утварэнняў і з'яўляюцца аб'ектамі вывучэння сінтаксісу сказа.

Л. І. БУРАК

СКЛАДАНАЕ СІНТАКСІЧНАЕ ЦЭЛАЕ У ПАЭМЕ Я. КОЛАСА «НОВАЯ ЗЯМЛЯ»

Значнае месца ў структурна-семантычнай арганізацыі звязнага тэксту займаюць канструкцыі, якія атрымалі назву складанага сінтаксічнага цэлага (або звышфразнага адзінства). Складанае сінтаксічнае цэлае — гэта полікамунікатыўная адзінка, што ствараецца са спалучэння асобных сказаў, якія знаходзяцца ў пэўных суадносінах паміж сабой і сумесна ўтвараюць семантычнае, структурнае і інтанацыйнае адзінства. Кожнаму складанаму сінтаксічнаму цэламу ўласціва свая мікратэма, г. зн. тое агульнае, што аб'ядноўвае асобныя сказы ў цэласнае па сэнсу адзінства. Гэта адзінства вызначаецца суміраванай інфармацыяй, сістэмай звестак пра аб'ектыўную рэчаіснасць, атрыманых праз кожны асобны сказ і іх узаемадзеянне. Структурнае адзінства ствараецца сінтаксічнай суаднесенасцю асобных сказаў у межах складанага сінтаксічнага цэлага і праяўляецца ў адпаведных паказчыках сувязі паміж імі. Найбольш тыповымі паказчыкамі сувязі з'яўляюцца далучальныя злучнікі і злучнікавыя словы, анафарычныя займеннікі і прыслоўі, мадальныя словы, парадак слоў, лексічныя паўторы, трывальна-часавыя формы выказнікаў, кантэкстуальная непаўната асобных сказаў. Напрыклад: *Быў дзядзька ў пушчах, у барох і расчытаць іх голас мог, і з старасвецкімі дубамі каротка знайсся, як з сябрамі. А тут — адзін, бо ўсе чужыя, не знаеш, хто яны такія... І сам для іх ты чужаніца*¹ (с. 256). *Каля пасады лесніковай цягнуўся гожаю падковай стары, высокі лес цяністы. Тут верх асіны круглалістай сплятаўся з хвоямі, з дубамі, а елкі хмуры-*

мі радамі высока ў небе выдзялялісь, таемна з хвоямі шапталісь. Заўсёды смутныя, бы ўдовы, яны найбольш адны стаялі, і так маркотна пазіралі іх задуменныя галовы! (с. 8). Паміж асобнымі сказамі складанага сінтаксічнага цэлага існуе своеасаблівая інтанацыйная сувязь, якая ўзнікае ў выніку «комплекснага прагрэсіўнага ўздзеяння інтанацыйнай структуры папярэдняга сказа на інтанацыйную структуру наступнага сказа і рэгрэсіўнага ўздзеяння інтанацыйнай структуры наступнага сказа на інтанацыйную структуру папярэдняга сказа»² і сведчыць аб іх рытмамеладным адзінстве. Гэта сувязь праяўляецца ў тым, што сказы, якія ўваходзяць у складанае сінтаксічнае цэлае, маюць агульны інтанацыйны контур, адносна аднолькавую танальную вышыню паміж канцавым складам папярэдняга сказа і пачатковым складам наступнага сказа, поўнае падзенне тона ў канцы ўсёй канструкцыі. І таму на стыку складаных сінтаксічных цэлых у тэксе існуюць звышмерна падоўжаныя паўзы, якія значна «глыбейшыя» за тыя паўзы, што маюць месца паміж асобнымі сказамі ў межах складанага сінтаксічнага цэлага (так званыя «трайныя» і «двайныя» паўзы — па тэрміналогіі Д. Крыстала і Д. Дэйві). Валодаючы агульнасцю значэння, структурнага і інтанацыйнага афармлення, складанае сінтаксічнае цэлае ўяўляе сабой функцыянальна сінтаксічную адзінку вышэйшага ранга, чым просты або складаны сказ. Гэта адзінка камунікатыўна расчлененая, замкнутая па будове, максімальна інфарматыўная; яна ў пэўнай меры скандэнсаваная, мабільная, не залежыць ад вакольнага кантэксту, ярка выдзяляючыся на яго фоне.

У паэме Я. Коласа «Новая зямля» шмат складаных сінтаксічных цэлых, якія ўтвораны ў выніку аб'яднання двух і большай колькасці асобных сказаў. Гэтыя сказы маюць простую, ускладненую ці складаную будову і прымацоўваюцца адзін да другога пры дапамозе розных сродкаў злучнікавай ці бяззлучнікавай сувязі. Як вядома, сінтаксічная сувязь (злучнікавая і бяззлучнікавая) паміж асобнымі сказамі складанага сінтаксічнага цэлага можа мець паралельны або паслядоўны (ступеньчаты) характар. Пры дапамозе паралельнай сувязі прымацоўваюцца такія сказы, якія маюць аднатыпную будову, г. зн. структурна прыпадабняюцца адзін да другога. Структурны паралелізм ствараецца пэўным парадкам слоў, аднолькавымі мадальнымі планамі, а таксама аднатыпнымі формамі суадносных кампанентаў кожнага з прымацаваных сказаў. Дзякуючы адпаведнаму семантычнаму напам'янню аб'яднання сказы абзначваюць з'явы ці падзеі аб'ектыўнай рэчаіснасці, якія пералічаюцца або супастаўляюцца паміж сабой. Пералічэнне з'яў і падзей у плане аднаго або розных часоў афармляецца пры дапамозе злучніка *і*: *Няма нідзе нікога. І ціха ўсё, як бы зацята* (с. 144). *Маці ў тон яму трапляе і на катой віну ўскладае. І бацька ўстаў на гэту справу пабачыць дзіўную праяву* (с. 133). Для афармлення супастаўлення з'яў і падзей звычайна ўжываецца злучнік *а*: *Птушкі голасна і здольна смяюцца мілым шчабятаннем і поўняць луг сваім спяваннем. А на дубах, як шапкі тыя, чарнеюць гнёзды буславыя* (с. 10) — уласнае супастаўленне; *Зацішак поля дыша варам і гоніць з твару поту рагі, і сохнуць губы ад той смагі. А жнейкі жнуць* (с. 222) — неадпаведнасць; *З аладкі бяздзька рабіў трубку, каб лепш здаволіць сваю губку і больш зачэрпнуць верашчакі. А бацька браў блінцом спавагу, бо на Антося меў увагу...* (с. 25) — проціпастаўленне. Асабліва рэзкае проціпастаўленне з'яў і падзей афармляецца пры дапамозе злучніка *але*: *Адзін Міхал і грэў імкненне давесці справу да сканчэння. Але няўзнакі, неўзаметкі вязала ліха свае сеткі, каб іх накінуць на Міхала* (с. 278). Іншыя злучнікі і бяззлучнікавыя сродкі паралельнай сувязі паміж асобнымі сказамі складанага сінтаксічнага цэлага ў паэме «Новая зямля» не выўлены. Але і з тых канструкцый, якія тут прыведзены, добра відаць, што паралельна звязаныя сказы вызначаюцца мінімальнай сінсемантычнасцю, бо яны самі па сабе знамянальныя, пабудаваныя самастойна, без лексічнай пераемнасці ў арганізацыі сваёй структуры (адзіным паказчыкам сін-

семантычнасці з'яўляюцца толькі далучальныя злучнікі). Складаныя сінтаксічныя цэлыя з такімі сказамі носяць пераважна апісальны характар, а таму зусім слухна лічацца статычнымі канструкцыямі.

Пры дапамозе паслядоўнай (ступеньчатай) сувязі прымацоўваюцца асобныя сказы, якія структурна не прыпадабняюцца, а паслядоўна падключаюцца адзін да другога, удакладняючы і развіваючы яго змест. Такое падключэнне аднаго сказа да другога прадвызначае ступеньчатую структуру складанага сінтаксічнага цэлага. Структурная ступеньчатасць заўсёды ствараецца разгортваннем пэўнай часткі або ўсёй структуры аднаго сказа ў прымацаваным да яго другім сказе і знаходзіць сваё выражэнне ў розным парадку слоў, лексічным паўтарэнні асобных словаформаў і іх субсіціутаў, а таксама ў мадальных планах і рознай функцыянальнасці суадносных кампанентаў гэтых сказаў. Праз суадносныя кампаненты самастойныя сказы як бы чапляюцца адзін за аднаго: другі сказ падхоплівае тое, пра што паведамляецца ў першым сказе, і развівае, дапаўняе ці паясняе яго. Такое паступовае (ступеньчатае) разгортванне выказвання ў паэме «Новая зямля» рэалізуецца і афармляецца рознымі сродкамі злучнікавай і бяззлучнікавай сувязі. Так, пры дапамозе злучніка і прымацоўваюцца сказы, у якіх перадаецца паслядоўная змена з'яў і падзей, што звязаны з адным і тым жа прадметам, абазначаным назоўнікам і адпаведным яму займеннікам, напрыклад: *Міхал ідзе пакуль што босы і гразь памешвае нагамі. І покі ён мінуў лагчыны, на лбе разгладзілісь маршчыны і ў сэрцы бура ўляглася* (с. 97). Іншы раз паслядоўная змена з'яў і падзей суправаджаецца выніковым адценнем: *Уздыхнуў тут дзядзька наш свабодна і, азіраючыся трывожна, у вагон шыбуе асцярожна, куды кандуктар тыкнуў пальцам. І вось наш дзядзька едзе зайцам* (с. 248). Злучнік а ўжываецца для прымацавання асобных сказаў тады, калі супастаўленне мае развівальна-дапаўняльны або развівальна-азначальны характар. Фармальным паказчыкам развівальна-дапаўняльнага супастаўлення служыць паўтарэнне адпаведнай словаформы (у нязменным ці зменным выглядзе) аднаго сказа ў другім сказе: *Тым часам маці даставала чыгунчык з печы, лыжку брала і верашчаку налівала. А за сталом на верашчаку падгатаўлялі ўжо атаку...* (с. 23). *Яна абрусам стол накрыла, гасцей уважна напрасіла. А на сталe — скаварадзішча, і скваркі правяць там ігрышча* (с. 240). Фармальным паказчыкам развівальна-азначальнага супастаўлення таксама служыць паўтарэнне адпаведнай словаформы, але гэта паўтарэнне заўсёды суправаджаецца анафарычнымі займеннікамі *гэта, тое*, напрыклад: *Туманай лёгкія паромы над рэчкай віснучы нерухома. А ў люстры водаў гэтай рэчкі, як закаханая дзяўчына, глядзіцца пышная вярбіна* (с. 214). *Песні моўкнуць па-над борам. А сам той бор глядзіць з усмехам...* (с. 211). Пры дапамозе злучніка але прымацоўваюцца сказы, паміж якімі звычайна афармляецца проціпастаўленне або неадпаведнасць з'яў і падзей. Ступеньчатая будова такіх сказаў знаходзіць сваё адлюстраванне ў назоўнікава-займеннікавых або назоўнікава-прыслоўных суадносінах наяўных у іх складзе кампанентаў, напрыклад: *Антось і маці на Міхала не раз у злосці нападлі. Але таго яны не зналі, як лёгка хлеб той дастаецца* (с. 20). *Усім здаецца, што холад згінуў назаўсёды. Але ж ці так?* (с. 37). З аналагічным значэннем нярэдка ўжываецца злучнік ды: *Міхал сядзеў, не варушыўся і ў мыслі нейкія ўглыбіўся. Ды маці з дзядзькам добра зналі, дзе яго мыслі вандравалі* (с. 25). *Міхал шмат думаў, сумняваўся і тут астацца спадзяваўся. Ды раз у сесію Міхася к сабе ляснічы заклікае* (с. 38). Апрача таго, гэты злучнік можа афармляць проціпастаўленне, якое мае развівальна-дапаўняльны характар: *Дзед Юрка быў рыбац. Ды рыбаці не ўсе аднакі — свае ў іх густы і адзнакі* (с. 88). Для афармлення развівальна-прычыннага абгрунтавання таго, пра што паведамляецца ў аб'яднаных сказах, спарадычна ўжываецца злучнік бо: *Дзядзька бульбу драў на клёцкі, каб згатаваць не па-жаночку. Бо што жанкі — раз што панята, ноль — слова нашага ім брата...* (с. 60). Прымацаванне трох і большай колькасці сказаў у

межах складанага сінтаксічнага цэлага можа ажыццяўляцца рознымі злучнікамі: «Цяпер ідзіце ў тыя дзверы зрабіць адметку на паперы»,— ківае пісар галавою. І дзядзька дробнаю ступою падходзіць к дзверам, адчыняе, прашэнне ў скрутачку трымае. А там, за доўгімі сталамі, у стол уткнуўшыся насамі, сядзяць пісцы, як гною кучкі... (с. 262). Хата сваім прыгоствам не хіліла. Але не ў хаце сэнс і сіла. Бо хаце можна раду даць і на свой густ пабудаваць (с. 234). Пры бяззлучнікавай сувязі прымацаванне асобных сказаў у структуры складанага сінтаксічнага цэлага ажыццяўляецца шляхам лексічнай пераемнасці, у выніку чаго адпаведныя кампаненты аднаго сказа ў змененым ці нязменным выглядзе паўтараюцца ў другім сказе і тым самым афармляюць развівальна-дапаўняльныя адносіны паміж імі: Міхал пытае, жджэ адказу. Адказ даецца, ды не зразу (с. 234). Калі паўтаральны кампанент выражаны назоўнікам, то замест назоўніка можа ўжывацца адпаведны яму займеннік: Назаўтра раненька дасвету руплівасць матку падымае. Яна ўстае, крыху ўздыхае, работа розная чакае... (с. 132). «Вам што?» — пытае іх пачціва сам пісарчук. Ён стараваць, і росту нізкага, кашлаты, і вынік ён перад сябрамі, як тая порхайка часамі па цёплым дожджыку з зямлі (с. 262). У якасці сродка сувязі могуць выступаць асобныя словаформы ці словазлучэнні, якія змяшчаюць змест папярэдняга сказа і даюць прычыннае абгрунтаванне таму, пра што паведамляецца ў наступным сказе: Міхал як толькі ажаніўся, тады ж ад бацькі аддзяліўся, бо стала цесна. З той прычыны хадзіў на сплаў ён, на віціны, разоў са два хадзіў у Прусы — куды не трапяць беларусы? (с. 33). Іншы раз прымацаванне аднаго сказа да другога ажыццяўляецца па сэнсу. У гэтым выпадку другі сказ падагульняе або канкрэтызуе тое, пра што паведамляецца ў першым сказе: Ён злосна кідае паперы на стол з кішэні і бубніць. Да дзядзькі страшна прыступіць... (с. 275). Гэта справа так была. Кня ў кампанію казла пускалі нанач у звярынец (с. 128). Як відаць, паслядоўна звязаныя сказы адрозніваюцца большай сінсемантычнасцю, бо ў сваёй арганізацыі яны заўсёды арыентаваны адзін да другога і свае камунікатыўныя якасці атрымліваюць толькі ў цесным кантакце паміж сабой. Складаныя сінтаксічныя цэлыя з такімі сказамі носяць у асноўным апавядальна-разважальны характар, а таму правамерна лічацца дынамічнымі канструкцыямі.

Паралельная і паслядоўная (ступеньчатая) сувязь могуць сумяшчацца ў межах аднаго складанага сінтаксічнага цэлага, рэалізуючыся ў розных варыянтах і камбінацыях і афармляючыся разнастайнымі лексікаграматычнымі сродкамі. У такім разе складанае сінтаксічнае цэлае ўяўляе сабой змешаную (дынамічна-статычную) канструкцыю. Вось некалькі прыкладаў: злучнікавае прымацаванне: Кастусь у запечку стхрыўся, цішком сабраўся, апрануўся ды ў лес з сякераю кульнуўся. А лес, як добры той знаёмы, стаіць збялелы, нерухомы абапал рэчачкі сцяною, над ёю сплёўшыся страхом, далёка кінуўшы галінкі. А маладзенькія ялінкі пад белым пухам чуць заметны; яны так мілы, так прыветны, бы тыя красачкі-дзяўчаткі, надзеішы гожыя апраткі. Затое ж хвоечкі малыя стаяць, як сіраты якія, ад снегу выгнуўшысь дугою, на дол прыпаўшы галавою (с. 169); бяззлучнікавае прымацаванне: Скрозь лапкі хвоек і галінкі сінела неба гладзь. Хмурынкі стаялі грудкамі на ўсходзе. Было так ціха ўсё ў прыродзе! (с. 21); злучнікава-бяззлучнікавае прымацаванне: Угары над хвойнікам зялёным снуюцца пчолкі з ціхім званам, кузуркі розныя і мушкі свае спраўляюць гулі-гушкі і так танюсенька гудуць, што ледзьве-ледзьве можна ўчуць. А на прагалінках на голых гулянне конікаў вясёлых, і толькі ступіш там нагою — так і заскачучь прад табою, вась так і пырснуць у надзем'е, як бы сявец той сыпне семя. А матылькі сваім убраннем касуюць тут усіх дазвання і не лятаюць — танцы правяць, ну, каго хочаш, зацікаваць. А як прыгожы пуцявінкі ў шайках зялёнае травінкі! Якія мяккія іх рысы і павароткі іх, абрысы! Ідуць, звіваюцца, лучацца... Эх, слаўна ў лесе, слаўна, братцы! (с. 21). Такія канструкцыі ўтрымліваюць максімальную інфарма-

цыю і не без падставы лічацца самымі аб'ёмнымі паводле структуры тыпамі складанага сінтаксічнага цэлага.

Аб'яднанне некалькіх сказаў у межах аднаго складанага сінтаксічнага цэлага спрыяе «фарміраванню новых якасцей комплекснай сінтаксічнай структуры: глабальнасці значэння і формы, расчлененасці агульнай інтанацыі, узнікненню складаных унутрыструктурных адносін паміж складаючымі»³ яго камунікатыўнымі адзінкамі. Пазіцыйнае і інтанацыйнае расчлененне складанага сінтаксічнага цэлага сведчыць аб лагічным перарыве, які стварае выразна адчувальную двухпланавасць апавядання. Гэта выклікана тым, што паведамленне наступнага сказа з'яўляецца дадатковым і падаецца як бы другім планам за тым паведамленнем, што змешчана ў папярэднім сказе, які структурна і семантычна завершаны і не патрабуе абавязковай наяўнасці прымацаванага да яго сказа. У выніку адбываецца «зрушэнне» агульнага семантычнага зместу і перавод яго ў розныя плоскасці. Зразумела, што расстаноўка лагічных акцэнтаў і ўстанаўленне ступені камунікатыўнай значнасці аб'яднаных сказаў залежыць ад іх актуальнага члянэння. Яно заключаецца ў тым, што ў кожным сказе выяўляюцца дзве часткі: у адной (часцей за ўсё першай) падаецца тое, што вядома з папярэдняга тэксту або лёгка ўгадваецца з моўнай сітуацыі, яна «валодае нулявой інфармацыяй і служыць сродкам сувязі новага з вядомым, наступнай часткі з папярэдняй»; другая частка «заключае ў сабе новую інфармацыю, якая ўяўляе сабой мэту камунікацыі»⁴. Пры паралельнай сувязі назіраюцца асацыятыўныя суадносіны тэмы і рэмы кожнага сказа. Для паслядоўнай (ступеньчатай) сувязі характэрна поўнае ці частковае супадзенне рэмы папярэдняга сказа з тэмай наступнага сказа.

Складаныя сінтаксічныя цэлыя, у якіх паасобныя сказы прымацоўваюцца пэўнымі сродкамі паралельнай або паслядоўнай ці змешанай сувязі, валодаюць багатымі мастацка-выяўленчымі магчымасцямі, паколькі яны здольныя эканомна і трапна перадаць у працэсе камунікацыі самыя тонкія сэнсавыя і эмацыянальна-экспрэсіўныя адценні розных значэнняў. Усё гэта садзейнічае актыўнаму выкарыстанню ў паэме Я. Коласа «Новая зямля» падобных канструкцый у якасці адпаведных стылістычных фігур — паэтычных строф — для адлюстравання разнастайных з'яў аб'ектыўнай рэчаіснасці.

¹ Колас Я. Збор твораў.—Мінск, 1962, т. 6. Далей спасылкі даюцца на гэта выданне ў тэксте ў дужках.

² Рыжов В. Я. Модификация интонационной структуры предложения как индикатор межфразовых связей в немецком языке.—М., 1977, с. 3.

³ Коваленко Ю. В. Основные типы сочетаемости речевых единиц в современном русском языке.—У кн.: Сочетаемость языковых единиц. Ростов-на-Дону, 1968, с. 78—79.

⁴ Лосева Л. М. Структурно-семантическая организация целевых текстов.—Одесса, 1973, с. 6.

Г. И. ШЕВЧЕНКО

К ВОПРОСУ О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАЛЬКАХ С ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В РУССКОМ

Среди заимствованных фразеологизмов русского языка одно из первых мест занимают устойчивые обороты, источником которых является латинский язык. Фразеологизмы, заимствованные из латыни (или посредством латыни), в большей своей части получили в европейских языках широкое распространение, стали крылатыми выражениями и, как следствие этого, являются интернациональными. К сожалению, определить количество латинских заимствований во фразеологии современного русского языка, а тем более установить, какая их часть является интернациональной, в настоящее время не представляется возможным¹.

Предмет нашего исследования составляют устойчивые сочетания, заимствованные из латинского языка в русский методом к а л ь к и р о

вания. «Под фразеологической калькой, — пишет Н. М. Шанский, — следует понимать фразеологический оборот, появившийся в русском языке в результате буквального, т. е. пословного перевода иноязычного оборота»². Возможность удачного, оправданного пословного перевода иноязычного сочетания зависит от семантических и структурных факторов. Так, определяющее значение имеет степень семантической спаянности компонентов, что, в свою очередь, отражает большую или меньшую мотивированность сочетания. Представляется естественным, что многие языки калькировали сочетания (сентенции, афоризмы), выражающие какие-то общеизвестные жизненные истины. Напр.: *Человеку свойственно ошибаться* (Errare humanum est); *в здоровом теле здоровый дух* (Mens sana in corpore sano); *капля точит камень* (Gutta cavat lapidem) и др. Иноязычность происхождения подобных выражений часто просто не ощущается, чему очень способствует факт, что близкие по смыслу изречения есть почти в каждом языке.

Общепризнано, что мотивировка значения фразеологизма языка-источника не должна основываться на фактах, имеющих узконациональное (местное) значение, отражающих малоизвестные жизненные реалии, обычаи, верования и т. п. Среди калек с латинского такие сочетания составляют, действительно, совсем незначительную часть. Напр.: *яйца до яблочка* (ab ovo usque ad mala); *отметить день белым камешком* (albo lapillo diem notare); *хлеба и зрелищ!* (panem et circenses!); *Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя* (Ave, Caesar, morituri te salutant!).

Как уже отмечалось, не поддаются дословной передаче на другие языки семантически неразложимые, лишенные внутренней формы, немотивированные сочетания³. К этой группе, естественно, примыкают фразеологизмы, основанные на непередаваемой игре слов или содержащие устаревшие непонятные слова, вышедшие из употребления морфологические и синтаксические конструкции и т. п.

Особо стоит вопрос о дословной передаче фразеологических единиц, включающих ономастический компонент. Такие сочетания обычно не приобретают широкого распространения⁴. Никогда не пользовались широкой известностью, а в современном русском языке совсем неупотребительны сочетания типа: *Я Дав, не Эдип* (Davus sum, non Oedipus); *И я в Аркадии родился* (Et ego in Arcadia); *Здесь Родос, здесь прыгай!* (Hic Rhodus, hic salta!). Вместе с тем в русском, как и в других языках, довольно многочисленны кальки с латинского, отражающие более известные (обычно исторические) факты и события. Напр.: *Или Цезарь, или ничто* (Aut Caesar, aut nihil); *И ты, Брут!* (Et tu, autem, Brutel!); *Были мы троянцами, была некогда Троя* (Fuit Troja, fuimus Trojani).

Наряду с общими принципами, которые распространяются на все языки, возможность удачного калькирования в значительной степени определяется не менее важным фактором — степенью близости двух конкретных языковых систем. Неточности и замены, обусловленные спецификой заимствующего языка и языка-источника, неизбежны и вполне естественны. В нашем случае, т. е. применительно к русским переводам с латинского языка, оправданными, определяемыми особенностями структуры языков являются, напр., расхождения такого рода: 1) изменение порядка слов; 2) замена предложными сочетаниями отдельных беспредложных конструкций; 3) замещение одних глагольных форм другими; 4) различие в глагольном управлении и др. К числу таких (т. е. уже априорно «заданных») отклонений от буквального перевода следует отнести и разные закономерности сочетания лексем. Поэтому, несмотря на отдельные расхождения, можно считать удачно калькированными такие сочетания, как: *привычка — вторая натура* (consuetudo est altera natura); *я мыслю, следовательно, существую* (cogito, ergo sum); *книги имеют свою судьбу* (habent sua fata libelli) и др.

Наряду с подобными примерами при передаче латинских фразеоло-

гизмов лексических и грамматических отступлений от первоисточника значительно больше. Этот факт дал основание выделять точные и неточные кальки⁵. Можно, видимо, условно принять эти определения, но при этом необходимо иметь в виду следующее: в сочетании «точная калька» определяющее слово семантически избыточно, а в термине «неточная калька» компоненты логически исключают друг друга. Кроме того, последний термин не дает возможности определить, где проходит грань между переводом фразеологизма путем калькирования и передачей его на русский язык другими методами, напр., подстановкой аналогичного или близкого по значению (а иногда и по структуре) сочетания. Представляется, что более удачны термины «полное» и «частичное» калькирование⁶ (а, значит, также «полные» и «частичные» кальки). Поскольку фразеологизм состоит из нескольких слов, то под этим можно подразумевать, что калькирована (дословно переведена) лишь часть из них, как, напр.: *crescere tanquam favus* и *расти как грибы*.

При анализе русской формы латинских сочетаний обращает на себя внимание прежде всего факт широко развитой вариантности: значительное число фразеологизмов бытует в двух-трех разновидностях. В наличии вариантов несомненно сказывается стремление к наиболее точной передаче иноязычного выражения. Это особенно заметно, когда параллельные формы создаются путем подстановки синонимов. Типичным примером является сочетание *bis dat, qui cito dat*, переведенное на русский: *дважды (вдвойне)* дает тот, кто дает *скоро (быстро)*. Употребление двух пар синонимов позволяет образовать четыре варианты формы. Ср. еще: *dura lex, sed lex* — *суров (жесток)* закон, но закон, *otium post negotium* — *отдых (досуг)* после работы.

Наличие вариантов в неменьшей степени обусловлено двойственной природой калек — их одновременной зависимостью от системы двух языков.

Своеобразным и широко распространенным способом образования вариантов является усечение (редукция) части фразеологизма, что не всегда означает изменение его семантики. В большинстве случаев часть успешно заменяет целое. Как и в других языках, редукции обычно подлечит вторая часть развернутого сочетания. Напр.: *asinus Buridani // inter duo prata* — *буриданов осел // между двумя лужайками*; *homo sum // humani nihil a me alienum puto* — *я человек // ничто человеческого мне не чуждо*. Значительно реже опускается первая часть сочетания. Приведем примеры: *// frigidus latet // anguis in herba* — *в траве скрывается холодная змея // змея в траве*; *// orandum est, ut sit // mens sana in corpore sano* — *надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом // в здоровом теле здоровый дух*.

В отдельных случаях фразеологизм представляет собой только часть полной формулы. Напр., сентенция *Honeste vive, neminem laede, suum cuique tribue* в русском языке известна только в форме: *каждому свое*. Можно упомянуть также о том, что изредка в русском переводе опускаются один-два компонента сочетания. Так, фразеологизм *De gustibus et coloribus non est disputandum* редко выступает в своем полном составе, а именно: *о вкусах и цветах не спорят*.

Естественно, что полный и усеченный вариант могут довольно длительное время сосуществовать в языке; сама возможность большего или меньшего сокращения структуры сочетания находится в прямой зависимости от степени его известности. В качестве примера одновременного функционирования полной и двух усеченных форм можно привести сочетание: *Ceterum censeo, Carthaginem esse delendam // ceterum censeo Carthaginem esse delendam* — *Впрочем, я полагаю, // что Карфаген должен быть разрушен // Карфаген должен быть разрушен*.

Рассмотренное варьирование структуры фразеологизма можно считать узуальным — бытование сочетания в двух-трех формах закреплено речевой практикой и находит свое отражение в лексикографической практике. Вместе с тем метафоричность латинских изречений, их ст

листические свойства дают возможность модифицировать сочетания, образовывать окказиональные варианты, что также не вызывает затруднения в их понимании. Иногда достаточно только намек на сочетание, чтобы мысль была понята правильно. Напр.: Ты понимаешь ведь, что у каждого бывают иной раз свои причуды и « *nihil humani*» и т. д. (Маркс).

При калькировании латинизмов нередко приходится производить лексические замещения. Рассмотрим несколько случаев. 1. Замена лексем происходит в рамках одной и той же части речи, поэтому синтаксическая структура сочетания остается неизменной. Семантическое соотношение взаимозаменяемых слов бывает при этом различным. Они могут: а) быть близкими по значению; б) обозначать родовые и видовые понятия; в) относиться к разным тематическим рядам. Вот, напр.: *lapsus linguae* — ошибка в речи; *alba avis* — белая ворона; *a prima facie* — на первый взгляд; *alea jacta est* — жребий брошен; *corpus delicti* — состав преступления. 2. Взаимозаменяемые слова относятся к разным частям речи, что влечет за собой изменение синтаксических связей. Ср. лат.: *aqua et panis (est) vita canis* и русск.: вода и хлеб — жизнь собачья; *ad majorem dei gloriam* — к вящей славе божией; ср.: *corruptio optimi pessima* — хуже всего — портить лучшее; *satur (plenus) venter non studet libenter* — сытое брюхо к учению глухо и др. В отдельных случаях в результате замены лексем существенно меняется структура сочетания. Напр.: *cum tacent, clamant* — их молчание есть громкий крик. Значительные изменения в структуре сочетания происходят также в результате неадекватной передачи глагольных форм. Ср.: *Montes aurī pollicens* — сулить золотые горы.

При образовании калек иногда наблюдается несоответствие морфологической структуры слова. Наиболее частым случаем является замена числа имен существительных. Вот примеры: *corpus iuris* — свод законов; *dente lupus, cognu taugus* — волк зубами, бык рогами угрожает; *omni pede stare* — твердо стоять на ногах; *maria caelo miscere* — смешать море с небом.

Калькирование иноязычных устойчивых оборотов наблюдается и в наше время, однако по вполне понятным причинам число латинских фразеологизмов постепенно уменьшается: многие обороты, которые употреблялись как книжные, совсем вышли из употребления.

¹ Фактический материал статьи почерпнут из следующих фразеологических и общих словарей: Овруцкий Н. О. Крылатые латинские выражения в литературе.— М., 1969; Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов: Изд. 2-е.— М., 1976, т. 1—2; Фразеологический словарь русского языка. / Под ред. Молоткова А. И.— М., 1967; Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: Изд. 2-е.— М., 1976.

² См.: Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: Изд. 2-е.— М., 1969, с. 140.

³ См.: Ефремов Л. П. Лексическое и фразеологическое калькирование.— В сб.: Вопросы фразеологии. Новая серия. Самарканд, 1961, вып. 106, с. 122.

⁴ В сочетаниях этой группы наблюдается образование по аналогии. Ср. русск.: Не сразу Москва строилась; франц.: Paris ne s'est pas fait en un jour, польск.: nie odrazu Kraków zbudowano и др.

⁵ См.: Шанский Н. М. Указ. работа, с. 141.

⁶ См.: Соловьев В. П. Калькирование образных фразеологических единиц (На материале молдавских двуязычных фразеологических словарей). — В сб.: Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей. Баку, 1968, с. 127.

В. А. ИВАШКО

К ПРОБЛЕМЕ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РУССКОГО ИМЕННИКА

Более десяти лет назад в журнале «Вопросы языкознания» была опубликована статья одного из основателей советской ономастической школы В. А. Никонова «Личные имена в современной России»¹, которая от-

крыла новое направление в антропонимических исследованиях — статистический анализ русского (а методологически — любого национального) именника. К настоящему времени появилось большое количество работ, опирающихся на статистические подсчеты употребительности личных имен в различных регионах и в разные периоды². Использование даже элементарного статистического аппарата позволило ряду исследователей доказать факт концентрации русского календарного именника в разные периоды; показать ее эволюцию в диахроническом плане; вскрыть параллельный концентрации именника процесс сокращения числа употребляемых имен, т. е. падение степени разнообразия; доказать зависимость до-революционного календарного именника от церкви и показать их взаимоотношение в динамике; выявить влияние политико-идеологического и социально-классового факторов, традиции и т. д.

Важность, насущная необходимость использования хотя бы простейших статистических методов для изучения русского календарного именника как в плане синхронии, так и в плане диахронии, несомненны. Эти методы уже взяты на вооружение многими антропонимистами. Но, к сожалению, приходится констатировать полное отсутствие какой-либо системы в такого рода исследованиях, что не дает возможности проводить достаточно корректные сравнительно-сопоставительные исследования именников разных регионов, типологический анализ для выявления основных закономерностей эволюции русского календарного именника, отделить общерусское от регионального и т. д. Поэтому представляется необходимым хотя бы схематично очертить тот круг вопросов, который, по нашему мнению, предстоит решить антропонимистам с целью повышения эффективности их кропотливейшего труда.

Известно, что статистические подсчеты личных имен — дело технически не сложное, но трудоемкое. В связи с этим к работе подключается большое количество энтузиастов, антропонимистов-любителей, студентов. Однако несложность вовсе не означает легкость, бессистемность, как это было воспринято вначале некоторыми энтузиастами. Предостережения В. А. Никонова и других ученых против упрощенного понимания этой работы не остались гласом вопиющего в пустыне, но и не привели к созданию подробной, тщательно разработанной инструкции по сбору и статистическому подсчету личных имен. До сих пор не выработаны (скорее, не обобщены) наиболее рациональные методы записи и обработки данных, не решен вопрос о минимальной территориальной единице (ясно, что необходимо брать не улицу или хутор, а населенный пункт в целом, но, с другой стороны, как быть с городскими районами?). Не всегда имеется возможность обследовать все районы данной административной области (другой вопрос — необходимо ли это вообще?), но что выбрать — приходится каждый раз решать отдельно, хотя есть резон, исходя из практики В. А. Никонова, выбирать областной центр, затем городок средних размеров и, наконец, самый отдаленный, плохо связанный с крупными городами район.

Не менее важен выбор временного интервала для подсчетов. Нижней границей его, бесспорно, является год (календарный: 1956, 1963 и т. д.), но оптимальная верхняя граница остается опять-таки на усмотрение исследователя, что чрезвычайно затрудняет сравнительно-сопоставительный анализ (ср., например, у А. Я. Шайкевича: 1900—1909, 1910—1916, 1917—1923, 1940—1943, 1950—1959 годы; у В. Д. Бондалетова: 1957, 1964, 1965, 1966, 1967 годы; у Т. И. Окорочковой: 1932, 1947, 1957, 1967 годы; у Т. А. Коротковой: 1927, 1966 годы³; в другой статье В. Д. Бондалетова: 1893—1902, 1921—1930, 1960—1969 годы⁴). Как видим, разноразной не только в исследуемом временном интервале, хотя чувствуется определенная тенденция к десятилетнему охвату, но и во временных срезах, что делает сравнение практически невозможным. В связи со значительной зависимостью именника от социальных явлений, динамичностью общественного развития и чрезвычайно малым в историческом плане сроком существования Советского государства, ду-

мается, целесообразно было бы советский период исследовать по пятилетиям, начиная с 1918 года. Идеальным было бы иметь подсчеты за каждый год Советской власти, но и это не всегда возможно. Поэтому необходимо выбрать периоды срезов, чтобы, сопоставив их, можно было представить антропонимическую картину за данный период по всей России. Исходя из упомянутых выше причин, а также из известных уже фактов антропонимической истории советского периода, мы предлагаем выбрать следующие периоды: 1922—1926, 1931—1935, 1941—1945, 1951—1956, 1961—1965, 1971—1975 годы и т. д.

Таким образом, решение поставленных вопросов и выработка достаточно подробной, научно обоснованной инструкции позволит координировать работу исследователей, повысить качество их работы и отдачу науке необходимейшего материала. Все эти вопросы следует соответствующим образом решить и для дореволюционного периода. Обычно этим периодом ученые занимаются сами, однако молодым антропонимистам крайне необходимы ответы на эти вопросы, а также источниковедческие данные. Но ни пособий, ни даже статей на эту тему нет в их распоряжении. Тратится много времени на подготовительную работу, что не может быть признано нормальным. И, наконец, вопросы публикации статистических данных. Представляется абсолютно неверной подмена публикации статистических таблиц длинными рассуждениями по поводу полученного статистического материала. Так, в статье сборника «Личные имена в прошлом, настоящем, будущем» разная только статистика, рассуждения же стереотипны. Возможно, это хорошо для доклада на совещании, конференции, где есть возможность вести диалог с автором; статья не дает такой возможности, поэтому в ней необходимо изложить основной материал и конечные выводы, остальное читатель-специалист додумает сам.

Публикация, в первую очередь, статистических данных тем более необходима, что автор может в силу разных причин иначе трактовать свой материал, чем позволяют эти данные (например, излишне широко обобщая при малом статистическом объеме или, наоборот, сужая). Большую роль играет и точность подсчетов. Отсутствие базовых статистик не дает возможности проверить выводы автора, убедительность аргументации, правильность выведения одной закономерности (формулы) из другой, а также убедиться в отсутствии случайных ошибок (описок, опечаток). Полнота статистических данных позволит выявить многие интересные моменты взаимодействия именников разных регионов в этнографическом, демографическом, миграционном и других отношениях.

Не решен вопрос о целесообразности изучения статистическими методами определенных регионов до- и послереволюционного периодов. Очевидно, что сплошной территориальный охват невозможен практически даже при наличии мощной вычислительной базы. Следовательно, необходимо выделить опорные, базовые территории, но не методом «латинских квадратов», а с полной исторической обоснованностью для каждого исторического периода. И в первую очередь необходимы статистические подсчеты по Москве и Ленинграду на всю документально допустимую глубину, чтобы окончательно доказать центробежный принцип роста популярности тех или иных имен. Положительное решение опроса резко повысит прогностические возможности при анализе эволюции региональных именников. Уникальнейшим по наличию антропонимических данных на максимальную глубину является регион Новгорода. Статистический анализ этого региона позволит воссоздать своеобразную модель русского именника, да и вообще антропонимической системы русских с древнейших времен.

Требуется решения и целый ряд более мелких вопросов: обязательность данных об объеме подсчетов в абсолютных числах по каждому срезу, отдельно для мужчин и для женщин, представление статистик не в процентах, а в промилле, записывать в статистическую таблицу тот вариант имени, который записан в документе, не подводя его к совре-

менной литературной норме и тем более не превращая уменьшительные формы в полные.

Естественно, мы не могли затронуть всех аспектов проблемы, да и не ставили такой задачи. Хочется надеяться, что обсуждение поставленных вопросов будет плодотворным и позволит выработать единую стратегию и тактику статистического анализа русского именника, поднимет на качественно новую ступень методологию антропонимических исследований.

¹ Вопросы языкознания, 1967, № 6, с. 102.

² См. сб.: Личные имена в прошлом, настоящем и будущем.— М., 1970; сб.: Ономастика Поволжья 1971, 1973, 1975.

³ См.: Личные имена в прошлом, настоящем и будущем.

⁴ См. сб.: Ономастика и норма.— М., 1976, с. 12.

МОХАМЕД ЭЛЬ-ФАТИХ МАХДЖУБ
**ЛИТЕРАТУРНО-КНИЖНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ
В РОМАНЕ Ю. БОНДАРЕВА «ГОРЯЧИЙ СНЕГ»**

Книжная фразеология, как известно, представляет собой разряд устойчивых сочетаний, «основной сферой употребления которых является строго нормированная литературная речь, стили публицистических и научных произведений, язык художественных произведений и т. д.» и которые характеризуются «специфической «повышенной» экспрессивно-стилистической окраской (книжности, торжественности, патетичности, поэтичности и т. д.)»¹.

Устойчивые сочетания литературно-книжного характера широко используются в авторской речи романа «Горячий снег», способствуя более точной и яркой обрисовке персонажей, детальному описанию событий. Включая в свою речь книжные фразеологизмы, Ю. Бондарев передает чувства и переживания героев, их душевное настроение, их мысли и стремления. В авторской речи романа встречаются такие устойчивые сочетания, как *нести крест, поле зрения, точка опоры, открыть душу, растопить лед, искупить кровью, на краю жизни, произвести впечатление, приносить счастье, испытывать желание, терять терпение, второе дыхание, впасть в забытие, с глазу на глаз, души не чаять, белая ворона* и др. В тексте романа фразеологические единицы легко варьируются. Чаще всего используются различные варианты глагольных фразеологизмов, обладающих в языке целым рядом парадигматических форм (*впасть в забытие — впал в забытие — впавший в забытие; пропасть без вести — пропавший без вести* и т. д.): *Так и Бессонов не был расположен открывать душу*²; *И опять Кузнецов, то впадая в короткое забытие, то слыша свои шаги ... думал только об одном (59); Полковник Деев, словно теряя терпение... глянул на ручные часы (145); Он по опыту верил в так называемое второе дыхание войск (102); ...и здесь, с глазу на глаз с адъютантом... (358).*

В связи с тем, что роман посвящен описанию военных событий, в его тексте широко применяются устойчивые сочетания, с помощью которых автор описывает тяжелые бои, характеризует поведение солдат и офицеров на фронте. Неоднократно используются фразеологизмы *пропасть без вести (пропавший без вести), нанести удар, одержать победу, понести потери, держать оборону, остаться в живых, кровопролитные бои ... Старший сын, Яков, тоже в начале войны пропал без вести (95); ...о трагедии второй ударной армии, в которой служил его сын, пропавший без вести (89); Внезапно нанести удар. И одержать победу (89); Уже поступили подробные сообщения о кровопролитных боях на рубеже реки Аксай (97); ...немцы будут наносить главный удар по правому крылу нашей армии (103); Сорок пятый полк придан другой армии и, как известно, держит оборону впереди (69).*

Фразеологизмы литературно-книжного характера используются и в речи героев романа. Генерал армии Бессонов привычно пользуется устойчивыми сочетаниями *на весах добра и зла, беречь как зеницу ока, положить на чашу весов, точка преткновения, камень преткновения, генерал без войска: А до этого будем беречь их* (танки.— М. Э. М.) *как зеницу ока* (106); *И эта истина положена на чашу весов — опасная тяжесть на весах добра и зла* (104); *Поэтому вот эта операция для них — камень преткновения* (198); *Сейчас я, Оля, как видишь, генерал без войска...* (77). Книжная фразеология широко используется в речи члена Военного совета Веснина: *Я сию минуту должен ехать в танковый корпус. Не забывайте об одном: как зеницу ока беречь командующего* (238); *Если они паче чаяния прорвут на всю глубину и соединятся со сталинградской группировкой, ведь это значит свести на нет успех ноябрьского наступления...* (198); *Сам до потери сознания хочу курить* (107). Устойчивые сочетания книжного характера встречаются в речи бывшего моряка, сержанта Нечаева. Этот человек повидал свет, три года прослужил на флоте. Он может при случае процитировать строки популярной песни, известного стихотворения. Не вызывают удивления такие словосочетания в его речи, как: *о вкусах не спорят, один как перст, все под богом ходим, проститься с жизнью: — Насчет вкусов не спорят, Зюечка! — сказал, захохотав, Нечаев* (124); *— У лейтенанта Давлатяна невеста, а я один как перст* (125); *— Я говорю, товарищ лейтенант, все под богом ходим...* (46). Грубоватый старший сержант Уханов книжные фразеологизмы использует иронически, в сниженном плане: *— Не знаю почему, души в тебе не чаю, родной наш отец и капитанармус* (128). Выражением *жизненное пространство*, применяемым фашистами для оправдания своих захватнических целей, старший сержант называет свободное место для сна: *Уханов, расталкивая спящих, приговаривал: «А ну-ка, братцы, освободи жизненное пространство»* (12).

В тексте романа (и в речи автора, и в речи персонажей) большое место занимают наименования военных должностей и званий, военных организаций. Эти сочетания терминологического характера, обладающие воспроизводимостью и постоянством лексического состава, стали устойчивыми благодаря их частому употреблению. С точки зрения семантической слитности компонентов все эти обороты представляют собой фразеологические выражения номинативного характера, идентичные тому или иному члену предложения. По структуре они в большинстве случаев представляют сочетания имен существительных с определяемыми словами. Здесь, как писал еще А. А. Шахматов, «сочетание определяемого слова с определением во многих случаях стремится составить одно речение; но большею частью оба члена сочетания, благодаря, конечно, их ассоциации с соответствующими словами вне данных сочетаний, сохраняют свою самостоятельность»³. В этих сочетаниях «налицо «цельность номинации»... все эти раздельно оформленные словосочетания... «направлены на предмет» как целые, комплексно»⁴. Терминологические сочетания, по семантике целиком соответствующие сумме значений, образующихся из свободных по своему употреблению слов, выступают в качестве наименования военных званий: *старший лейтенант, старший сержант, младший сержант, младший лейтенант, дивизионный комиссар*. Многие из сочетаний, обозначающих должность, состоят из слов *командир, начальник, командующий*, являющихся опорными в устойчивых оборотах, и управляемых имен существительных в форме родительного или творительного падежа единственного числа: *командир взвода, командир полка, командир батальона, командир батареи, начальник штаба, начальник связи, командующий армией, командующий фронтом*. Состав этих сочетаний может расширяться за счет увеличения числа зависимых слов: *командир взвода управления, начальник штаба армии*. Отнесенность названных сочетаний к устойчивым подкрепляется тем, что некоторые из них выступают в качестве структурного материала для деривации, на их основе создаются сложно-

сокращенные слова: *командир батареи — комбат, командир дивизии — комдив, командир полка — комполка*. Двухкомпонентные и трехкомпонентные терминологические сочетания для наименования военных должностей и званий часто используются при обращении. Тогда они расширяют свой состав за счет включения слова *товарищ* и приобретают вид *товарищ старший сержант, товарищ начальник штаба армии, товарищ командующий армией*.

К группе устойчивых сочетаний терминологического характера следует отнести наименования вооружения, воинских единиц. В структурном отношении они представляют собой атрибутивно-именные сочетания (имя существительное с согласующимся с ним определением-прилагательным): *зенитное орудие, ручной пулемет, скорострельная пушка, спусковой крючок, танковая бригада, хозяйственный взвод, медико-санитарный батальон*. Некоторые из них имеют синонимы в виде сложно-сокращенных слов: *артполк, хозвзвод, медсанбат, санрота*.

Содержанием романа, посвященного описанию одних суток великой битвы под Сталинградом, обусловлено наличие в его тексте устойчивых сочетаний, характеризующих расположение войск, виды укреплений: *огневая позиция, наблюдательный пункт, боевое охранение, передний край, заградительный огонь, круговая оборона, беглый огонь, ход сообщения, мертвое пространство, воздушный мост: Слева танки миновали балку, выходили к берегу, ползли на траншею боевого охранения (166); Он бежал на недорытому ходу сообщения... (171); Гигантский зигзаг танков выходил, выкатывался по всему фронту к переднему краю обороны... (166)*. Сочетания такого типа, находящиеся еще в процессе фразеологизации, объясняются в тексте, специфичность их иногда подчеркивается словами «так называемый», «как говорят» или заключением этих сочетаний в кавычки: *...три танка шли в пробитую брешь, свободно шли в так называемом «мертвом пространстве» — вне зоны действительного огня соседних батарей... (171); ...навести посредством авиации «воздушный мост» в Сталинград... (96)*.

Широко используя фразеологизмы книжного характера, Ю. Бондарев часто с определенной стилистической целью дает их в трансформированном виде. Так, фразеологические единства и фразеологические сочетания, состоящие из глагола и управляемого имени существительного, в тексте романа претерпевают обновление за счет включения в их структуру нового компонента, являющегося определением к управляемому имени существительному: *иметь неотъемлемое право, иметь человеческое право, оправдать оказанное нам доверие, верить в счастливую судьбу, до последнего живого дыхания, приносить неудержимое счастье, понести огромные потери, нанести главный удар, испытывать непреодолимое желание, делать наивный вид, впасть в короткое забытие, нести его и свой нелегкий крест*. Прилагательные-определения уточняют, конкретизируют, детализируют, поясняют содержание фразеологизма: *Кавалерийский корпус понес огромные потери и отошел (103); ...заговорил Божичко не без настойчивости, имея неотъемлемое право адъютанта заботиться о командующем (108); ... Бессонов ... испытывал непреодолимое желание вытереть жаркий пот с висков (90); — В счастливую судьбу верите, лейтенант? (143); ... С этим давно свыклась жена, вечно готовая к перемене мест, к новому его назначению. Она безропотно несла его и свой нелегкий крест (75)*.

Интересной трансформации подвергается известное изречение *будет и на нашей улице праздник* ('выражение предвкушения радости, удачи, торжества в будущем; выражение надежды на лучшее будущее, на возможность восторжествовать над кем-либо или чем-либо'). Сочетание использовано в фашистской листовке, обращенной с угрозами к защитникам Сталинграда. Пытаясь запугать советских солдат, немцы пишут: *«Мы вам еще устроим веселый праздник на вашей улице...» (44)*. Но привычное, общеизвестное значение фразеологизма приводит к тому, что он воспринимается солдатами не как угроза. Солдаты верят, что,

действительно, будет праздник и на нашей улице, и устроят его не фашисты, а они сами завоюют право на этот праздник в жестоком бою. В описании трудной минуты боя артиллеристов с наступающими, «как сцепленные скорпионы», фашистскими танками автор использует с незначительной трансформацией афоризм Петра I *промедление [в бою] смерти подобно*. Замена слова *смерть* ('прекращение жизни') более экспрессивным словом *гибель* ('прекращение существования чего-л., полное разрушение'), синонимичным словам *крах*, *крушение*, усиливает фразеологизм, помогает показать напряженный, решающий момент боя, от которого зависит судьба Сталинграда, судьба Родины: *...Он торопливо подал новую команду, зная, что промедление подобно гибели* (165). Устойчивое сочетание *расправить крылья* использует Уханов для характеристики стремления немцев вырваться из окружения, «из колечка», и опять начать наступление: — *Вот что ясно. Хотят своих из колечка вырвать. И снова крылышки расправить* (112). Уменьшительная форма существительного *крылышки* передает пренебрежительное отношение Уханова и его друзей к опасности, к окруженному врагу.

Устойчивые сочетания литературно-книжного характера, органически вплетаясь в канву повествования романа, делают речь автора и персонажей «сильной и красочной, образной и убедительной»⁵.

¹ Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка.— М., 1969, с. 197.

² Бондарев Ю. В. Собрание сочинений в четырех томах.— М., 1974, т. III, с. 82. Далее указываются в скобках страницы романа по этому изданию.

³ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка.— М., 1941, с. 271.

⁴ Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии.— М., 1957, с. 169.

⁵ Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка, с. 200.

К. М. ГЮЛУМЯНЦ

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о влиянии фразеологической системы русского языка на польский специальному исследованию до сих пор не подвергался. Этот факт объясняется прежде всего тем, что фразеологических заимствований из русского до середины XX-го века было немного: интенсивное влияние на польский русская фразеология стала оказывать лишь в послевоенный период, так что большая часть русских заимствований — это недавнее и, в силу этого, малоизученное явление. Такое положение, естественно, сказывается и на лексикографической практике. Так, напр., в польском Словаре иноязычных слов¹ приведено около 500 наиболее употребительных заимствованных сочетаний. Подавляющая их часть — это кальки из латинского языка (их 320), значительно меньше устойчивых сочетаний из французского (около 80) и совсем мало (около 20) — из русского. Напр.: *dla krasnowo slowca, gieroj nie mojego gotana, inaja chwala chuze brani, krugom durak, mniejsze da luczsze* и др. Видно, что подбор материала здесь носит случайный характер: это, разные по структуре, окказиональные заимствования, которые не стали принадлежностью польского языка, не употребляются в живой речи, не отмечены словарями.

Заимствование всегда обусловлено экстралингвистическими причинами. Естественно, что новый уклад жизни социалистической Польши вызвал необходимость в большом количестве новых наименований. Польским, как и другими языками, в первую очередь заимствовались сочетания (и лексемы), отражающие наиболее актуальные явления. Поэтому среди русизмов первое место по количеству единиц занимают термины — общественные, политические, производственные. Напр.: *Rada Najwyższa, podstawowa organizacja partyjna, demokratyczny centralizm, współzawodnictwo socjalistyczne, przodownik pracy, ośrodek maszynowo-*

traktorowy, książka życzeń i zażaleń и др. Значительно меньшим количеством единиц представлена в польском общеразговорная фразеология русского языка. О ней и пойдет речь в нашей статье.

Наблюдения показывают, что значительная часть русских устойчивых сочетаний — это кальки. Широкие возможности калькирования обусловлены в нашем случае целым рядом различных факторов: родством языковых структур, общностью образных ассоциаций, близостью жизненных реалий русского и польского народов и т. п. Видимо, поэтому копируются фразеологизмы всех структурно-семантических типов: крылатые выражения, пословицы, поговорки, идиомы и др. Остановимся на некоторых примерах подробнее. К числу наиболее распространенных калек из русского следует отнести сочетания: *rzecz w tym* (дело в том), *jakby nie było* (как бы ни было), *przedstawić sobą* (представлять собой), *okazać pomoc* (оказать помощь), *dośćgnąć celu* (достигнуть, достичь цели), *wlec się w ogonie* (плестись в хвосте), *zdejść ze stanowiska (urzędu, funkcji)* (снять с занимаемой должности), *martwe dusze* (мертвые души), *podłożyć świnię* (подложить свинью), *ten numer nie przejdzie* (этот номер не пройдет), *to było dawno i nieprawda* (это было давно и неправда) и ряд других². Каждое из приведенных сочетаний имеет свою историю заимствования, свои особенности функционирования в польском языке; они отличаются друг от друга давностью проникновения, большей или меньшей известностью, структурными и семантическими преобразованиями и т. п. Совокупность тех или иных признаков является свидетельством степени ассимиляции фразеологизма в другом языке.

Одним из относительно давних заимствований из русского является, напр., сочетание *rzecz w tym*. О полной ассимиляции его в польском языке свидетельствует даже не столько тот факт, что словари (SL, SW, SP, SFJP)³ регистрируют фразеологизм без пометы о иноязычном происхождении (исключение составляет Нормативный словарь польского языка, где при этом сочетании есть помета: 'неправильное' (SPP, s. 665). Значительно важнее другое — большая активность оборота, что проявляется в следующем: а) появлении все новых вариантов, ср.: *rzecz (jest) w tym, w tym rzecz, (cała) rzecz w tym*; б) образовании аналогичных сочетаний, напр.: *w tym rzecz — w czym rzecz*. Приведем примеры из текстов: *Przeczytam na zakończenie Norwida. — Cała rzecz w tym, że Norwida nie mamy* (F. Bieńkowska); *Rzecz jednak w tym, że absolwenci ... wcale się nie garną do pracy w aptekach* («Polityka»).

Сравнительно недавно словари польского языка (SP, SFJP и др.) зафиксировали сочетание *martwe dusze*. В отличие от русского, где второе, более широкое, значение ('люди, фиктивно числящиеся где-л.') все еще имеет определенную опору в первом ('крестьяне, умершие в период между двумя переписями'), в польском языке данное сочетание употребляется применительно к одной конкретной ситуации в значении 'фиктивные лица в платежных ведомостях'. Напр.: *Pracował przynajmniej uczciwie, nie chciał podpisywać «martwych dusz» na liście płac* (Kłodzińska); *To są sprawy między nim a urzędem skarbowym. Te wszystkie martwe dusze na liście płac* (Bogusławski). Употребление фразеологизма в более широком значении ('фиктивные лица в списках, переписях', см.: SP, t. 3, s. 478) является, видимо, редким. Пометы о заимствованном характере сочетания словари не дают.

Широко распространяется в польском языке сочетание *wlec się w ogonie czego*. В качестве глагольного компонента выступают также слова: *iść, zostawać, ciągnąć się* и др. (ср. многообразие глагольных компонентов в русском языке: в хвосте плестись, идти, оставаться, оставлять). Польская калька приводится в некоторых словарях только с пометой 'разговорное' (SP, SFJP и др.), а в Нормативном словаре с пометой: 'правильнее *pozostawać w tyle*'. Семантика сочетания определяется несколько шире, чем это имеет место в русском языке — она включает еще компонент 'быть пассивным по отношению к определенным со-

бытиям' (см.: SJP, t. 2, s. 492). Расширение семантики заимствованного сочетания, как и другие семантические сдвиги, свидетельство активности кальки в заимствующем языке, значительной степени ее ассимиляции. Как и в русском языке, сочетание *wlec się w ogonie* может быть распространено за счет существительного в родительном падеже. Приведем примеры: *żywiół kobiecy jak od wieków, tak i teraz wlecze się w ogonie historii* («Kobieta i życie»); *To przez was zastęp wasz cały rok ciągnął się w ogonie!* (Ozogowska).

К числу распространенных русских заимствований следует отнести также оборот *zdyć kogo ze stanowiska*. Несмотря на предостерегающие пометы словарей ('из русского' — SP, 'неправильное' — SPP и др.), это сочетание быстро ассимилируется польским языком, образует новые варианты (*zdyć ze stanowiska, urzędu, funkcji, posady*). Объясняется это, видимо, тем, что данный оборот по своей лексико-грамматической структуре близок к исконно польским (*złożyć, usuwać ze stanowiska, z urzędu*) и еще более — к группе выражений (ныне устаревших): *zdejmować kogo z posterunku, warty, linii* и т. п. Благодаря этому инородность заимствованного оборота вряд ли ощущается. Напр.: *Podobno zrobiła się wielka awantura... Z miejsca go zdjęto ze stanowiska* (Pauksza); *Sołtys gromady Stróża zdjęty został z urzędu sołtysiego* («Dziennik Polski»). В еще меньшей степени ощущается заимствованный характер оборота *okazać rotos*, который прочно вошел в состав устойчивых сочетаний польского языка. С одной стороны, существительное *rotos* естественно включилось в ряд слов положительной семантики при глаголе *okazać*. Ср.: *okazać przychyłność, uszanowanie, łaskę, grzeczność, zaufanie* и т. п., а с другой — глагол *okazać* пополнил ряд близких по значению слов при существительном *rotos*, а именно: *dać, dawać, wyświadczać, nieść* и др. Приведем пример употребления анализируемого оборота: *Jawnie okazywała rotos więźniarkom* (Gojawczyńska). Словари (SW, SP, SFJP, SPP, SJP и др.) приводят это сочетание без ссылки на русское происхождение.

Полагаем, что рассмотренные выше сочетания можно с полным основанием отнести к заимствованиям, которые стали уже принадлежностью польского языка. Наряду с такими есть выражения, статус которых в польском пока не определен. Подобные обороты более или менее употребительны в живой речи, но все еще режут слух — в них обычно ощущается какая-то необычность формы, сочетаемости, образности и т. п. Польские словари регулярно предостерегают от неправильного употребления таких сочетаний. В качестве примера можно привести фразеологизм *jakby nie było* (или в форме: *jak by nie było*). В словарях, где это сочетание зафиксировано, оно дается с разными пометами. Напр.: *jakby nie było (!) rus.* (SFJP, t. 1, s. 302); *nieporządnie: jak by nie było* (SPP, s. 223); *Jakby nie było-jakkolwiek bądź* (SW, t. 2, s. 127). В живой речи этот оборот встречается, наверное, с конца XIX века, что нашло свое отражение в литературе. Приведем примеры: *Jakby nie było, ale traf tak zdarzył* (Bykowski);... *uprzedziłem was po koleżeńsku, wodzu kochany, jak by nie było, pracowaliśmy jakiś czas wspólnie* (Kuśniewicz).

Оборот *przedstawić, przedstawić sobie* приводится в одних словарях с предупреждающими пометами (SFJP, SPP), в других (SW, SP) — без них. Последнее объясняется, как нам кажется, двумя причинами. Во-первых, этот оборот заимствован сравнительно давно (о чем свидетельствует SW), а во-вторых, разносторонние семантические связи глагола *przedstawić* способствовали дальнейшему расширению его семантики, появлению оттенка значения 'представить'. Тем не менее, сочетание *przedstawić sobie* встречается редко, причем явно ощущается его инородность. Вот пример: *Łatwo przedstawić sobie rozpacz... zdradzonej małżonki* (Kruczkowski). Из русского заимствован также оборот *przedstawić sobą*, причем и лексикографические источники (SFJP, SPP) и другие⁴ дают при нем предостерегающие пометы.

Влияние одного языка на другой может проявляться и в образова-

ниях по аналогии. Думается, что по модели русского возникло в польском сочетание *niczego sobie*. В значении 'ничего себе' (т. е. 'неплохо, неплохо, довольно красиво, хорошо, довольно красивый, хороший' и т. п.) употреблялись в польском местоимения *niczego* и *nic*. Параллельно с этими словами с тем же значением стало употребляться сочетание. Это зафиксировано в SW (см.: т. 3, s. 249), который приводит такие примеры: *Kobieta niczego*; *To niczego człowiek*; *Niczego sobie, to się znaczy...*, *żem piękną* (Słowacki). В настоящее время упомянутое сочетание является довольно распространенным. См. примеры: *Wdowa, ale niczego sobie* (Kossak); *Dom jak dom, niczego sobie, ale stołola krzywa* (Malicki). Можно предположить, что переносное (еще не отмеченное словарями) значение сочетания-команды *tak trzymać!* также обязано своим возникновением русскому языку. Напр.: *...w ciągu 3 lat dochód państwowy udało się nam powiększyć o jedną trzecią!* «Так трzymać» — *chciałoby się dzisiaj podsumować* («Dookoła Świata»).

Из заимствований последнего времени, которые еще не регистрируются словарями, следует в первую очередь назвать горьковское выражение: *Человек — это звучит гордо. Człowiek — to brzmi dumnie*. Эта цитата встречается и в художественных произведениях современных писателей, и в публицистике. Например: *Ja oświście zupełnie poważnie traktuję twierdzenie Gorkiego, że w komunizmie człowiek to brzmi dumnie* (Gaworski).

Неоднократно нами отмечено также выражение *To było dawno i nieprawda*. Например: *Sam cię przecież namawiałem na przyjazd tutaj. — To było dawno i nieprawda* (S. Kowalski).

В заключение следует сказать следующее: в связи с оживленными контактами послевоенных лет в польский (наряду с лексемами) проникает все больше устойчивых сочетаний русского языка. Некоторые из них уже закрепились в языке, стали составной частью польской фразеологии. Другая (и большая) часть устойчивых сочетаний — это одиночные употребления. Кальки с русского образуют многие писатели, что можно показать на следующих примерах: *A szczęście było tak blisko — rzucił Wersz* (Mieszczankowski); *Budowlani zbyt często o swoich zadaniach myślą według zasady «moja chata z kraju»* («Trybuna Ludu»); *Jak źle leży, to tylko głupi nie weźmie...* (Wasilewska); *Cieszę się, że zostaliście ze mną właśnie wy...*, *z którymi, jak to mówią, i morze po kolana* (Domino); *Jechałem tędy, myślę — skoczę do was...* *Maszyna jest, niedaleczko, gęką podać* (Lem). Подобные примеры окказиональных употреблений не дают оснований говорить о заимствовании и требуют особого рассмотрения.

¹ См.: Słownik wyrazów obcych./ Pod. red. Tokarskiego J.— W., 1971, s. 818—828.

² См.: Kurkowska H. i Skorupka St. Stylistyka polska.— W., 1959, s. 167.

³ Условные сокращения названий словарей: SL — Linde S. B. Słownik języka polskiego, t. I—VI.— W., 1807—1814; SW — Karłowicz J. A., Kryński A., Niedźwiedzki W. M. Słownik języka polskiego, t. I—VIII.— W., 1900—1927; SP — Słownik języka polskiego. Pod. red. Doroszewskiego W., t. I—XI.— W., 1958—1969; SJP — Słownik języka polskiego. Pod red. Szymczaka M., t. I—II.— W., 1978—1979; SPP — Słownik poprawnej polszczyzny. Pod red. Doroszewskiego W., W., 1973.

⁴ См.: Doroszewski W. O kulturze słowa.— W., 1962, s. 129.

Л. В. ХВЕДЧЕНЯ

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ MAJOR И MAIN

Изучение сочетаемости major и main, относящихся к ядерным словам семантической группы прилагательных со значением «главенствования», проводилось на материале английской и американской художественной и общественно-политической литературы. Количество случаев употребления составляет соответственно 1342 и 848. Все они имеют

структуру A+N. Как показал материал, особенностью употребления анализируемых прилагательных в тексте является возможность образовывать сочетания с чрезвычайно широким кругом существительных различной семантики (у *major* позицию N занимают 416 различных слов, у *main* — 301). Для удобства анализа сочетаемостные наборы типизированы. Каждая выделенная группа представляет собой открытый ряд.

Наиболее показательной для обоих прилагательных является сочетаемость с абстрактными существительными (806 случаев у *major* и 510 у *main*, что составляет соответственно 61 и 62% всех словоупотреблений). Чаще всего *major* и *main* употребляются с группой абстрактных существительных, объединенных условным названием «продукты умственной деятельности». К ним относятся: а) слова со значением «проблема, вопрос» (*question, issue, point*); б) существительные типа «задача, цель» (*aim, purpose, goal*); в) существительные «причинной» семантики (*reason, cause, factor*); г) слова, обозначающие различные акты волеизлияния (*debate, view, law*); д) существительные типа «способ, направление» (*method, style, way, manner, trend, etc*). Проявляя одинаково высокую сочетаемостную активность с перечисленными существительными в целом, *major* и *main* демонстрируют, зачастую, неравнозначные частотные показатели по отношению к отдельным лексемам. Например, сочетания *main point* (19 употреблений), *main reason* (17), *main aim* (10) в рассмотренном материале встретились примерно в 4 раза чаще, чем соответствующие сочетания с *major* (5,4 и 2 раза). И наоборот, частотные с *major* существительные *issue* (40), *problem* (33), *cause* (13), *role* (10) с *main* зафиксированы значительно реже (21, 18, 5 и 3 раза).

По отношению к ряду других слов анализируемые прилагательные проявляют, согласно данным нашей выборки, избирательную сочетаемость. При этом реализуется принцип комплементарности: в тех случаях, когда употребляется *main*; случаи употребления с *major* не встретились и наоборот. К числу таких сочетаний относятся: *main purpose* (12), *main thing* (20), *main factor* (10); *major source* (9); *major project* (9), *major plan* (6). Поскольку существительные данного контекстуального набора объединены общим смысловым признаком, то можно предположить, что они определяются прилагательными *major* и *main* с какой-либо одной стороны, в частности, оцениваются как наиболее важные, имеющие большее значение для говорящего по сравнению с другими объектами того же класса.

Следующая группа слов отвлеченной семантики представлена отглагольными существительными. Однако активность анализируемых прилагательных в пределах этого разряда неодинакова (у *major* 235 словоупотреблений, у *main* — 33). Наиболее типичными для *main* оказываются сочетания со словами, которые обозначают действия, направленные на другой предмет (*blow, pressure, effort*). Подобные сочетания в одинаковой степени характерны и для *major*. Кроме того, *major* более активно при определении отглагольных существительных, обозначающих: а) всевозможные изменения, трансформации (*change, advance, cut, reform, improvement, rise, reduction*. Ср.: *...major reduction in working hours is essential* (M, 3.24.2)¹; б) действия, процессы, этапы их развития и результаты (*struggle, battle, step, breakthrough, attack, strike*. Ср.: *The strike is the first major strike since 1975.* (D, 2.9.2). Случаи употребления *main* с перечисленными словами единичны.

Сочетаясь с отглагольными существительными, исследуемые прилагательные реализуют признак интенсивности. Носитель признака выделяется из среды однородных как наиболее значительный по силе, степени проявления действия, размаху. В качестве интенсификаторов выступают *major* и *main* также с отадективными существительными типа *difficulty, difference, importance* и со словами, обозначающими чувства, эмоции, состояния (*feeling, worry*). В подобных сочетаниях с большим преимуществом используется слово *major* (отношение 4 : 1). В рассмот-

ренном нами материале довольно широкий диапазон сочетаний *major* и *main* представлен абстрактными существительными, обозначающими названия физических свойств и качеств (*feature, force, power, strength*; 60 случаев у *major*, 41 — у *main*); названия событий (31 : 16); существительными партитивной семантики (*part, portion, element*, отношение 58 : 19); существительными со значением места (24 : 16).

Количество употреблений *major* и *main* со словами конкретно-предметных значений равно 210 и 217, что составляет 16 и 25% всех случаев. Среди них наиболее активны существительные, обозначающие названия географических объектов (соответственно 89 и 91 словоупотребление), названия строений и жилых помещений (44 и 61), произведения литературы и искусства, письменные документы (48 и 12), продукты материальной сферы (10 и 18). Первую группу составляют названия дорожных объектов, населенных пунктов, стран и водных бассейнов. При определении существительных, обозначающих дорожные объекты, преимущественно употребляется *main* (85 : 10). Частотными здесь оказались сочетания с *road* (41), *street* (26), *square* (14). *Major* активно лишь со словом *road* (8 раз). С названиями населенных пунктов в обратном пропорциональном отношении употребляется *major* (58 : 8), которое зафиксировано 40 раз со словом *city*, 8 — с *town* (у *main* соответственно 2 и 3 примера). Согласно данным нашей выборки при сочетании с названиями водных бассейнов и стран *major* и *main* находятся между собой в отношении дополнительной дистрибуции: с первыми встретилось только *major* (21 раз), со вторыми — только *main* (11).

Проявляя определенные закономерности в сочетаемости с существительными рассматриваемого класса денотатов, *major* и *main* употребляются без каких-либо существенных различий в семантике. В выражаемом ими значении четче осознаются конкретные признаки определяемых денотатов, т. е. актуализируется сигматический аспект. Признаки эти, зачастую, эксплицируются в предложении при помощи различных контекстуальных средств. Ср.: 1. *Two roads... offered themselves for her choice. The first was the main artery of communication between two places, a broad main thoroughfare nearly five miles long, the other a narrow, unfrequented road...* (HC, 185). 2. *After celebrating an open air mass before a quater of a million gathered in Warsaw's main square...* (M, 6.4.1). 3. *Our present regime is more restrictive than that of any other major industrialised country.* (M, 6.13.3). 4. *...major cities in the U. S. like Cleveland and New York are facing economic disaster...* (D, 3.3.6).

Судя по примерам, актуальным для *major* и *main* при сочетании с существительными-названиями географических объектов является признак размера. Индикаторами его служат: а) однородные прилагательные *broad, wide, long*; б) слова с противоположным значением *narrow, minor, unfrequented*; в) широкий контекст. Например, указание на то, что на определяемой площади поместилось четверть миллиона человек, позволяет судить, что слово-определитель *main* указывает на ее большой размер; г) пресуппозиция, знание факта, что, например, города Нью-Йорк и Кливленд — одни из самых больших в США. При сочетании с названиями стран актуальным для *major* и *main* может быть не только признак размера, но и экономического развития, о чем свидетельствует слово-уточнитель «*industrialised*».

С существительными названиями строений *major* и *main* употребляются недифференцированно (по 43 примера). В целом они проявляют здесь невысокую частотность по отношению к отдельным лексемам, но определяют довольно большое количество слов. Это названия построек для жилья (*home, house, palace*), учреждений, заведений (*office, institution, base, station*), предприятий (*entreprise, factory, plant, mine*), искусственных сооружений (*citadel, bastion, monument, design*). При определении отдельных частей зданий и внутренних помещений используется главным образом *main* (18:1). Характер реализуемого в подобных сочетаниях значения раскрывается в следующих примерах: 1. *The*

main rooms were... to surround a great central court with a colonnade of pink-veined alabaster... (Т, 479). 2. ...all its main, most modern large-scale enterprises were constructed by the capitalist firms. (D, 1.4.18). Исходя из контекста, можно предположить, что при употреблении с названиями помещений актуальным для main может быть признак размера. С названиями предприятий — их современность, масштабность. С различными заведениями и учреждениями типа «theatre» на первый план выступает оценочный (прагматический) компонент значения. В тех случаях, когда признаки денотата не эксплицируются в тексте, они предопределяются до некоторой степени сущностью самого предмета. Так, в сочетании с существительными, обозначающими продукты материальной сферы (предметы одежды, орудия труда, виды транспорта, продукты питания), признаки размера, степени экономического развития и т. п. или вовсе не характерны, или не существенны. Актуальными для данного класса денотатов являются признаки важности и необходимости, которые преломляются в значении major и main.

При анализе сочетаемости обоих прилагательных наблюдается довольно любопытная особенность: повышенная частотность употребления их с существительными родового характера. Сочетания же с «видовыми» словами или значительно менее частотны, или невозможны. Например, встретились сочетания major product, но не major meat, main instrument, но не main soldier, main feature, но не main courage. Группа существительных «продукты питания» полностью состоит из родовых слов: products, provision, food, food stuff, meal, feed stock, livestock, etc. Этот факт еще раз подчеркивает обобщающую природу лексического значения анализируемых прилагательных и является ее проявлением. Сочетаемость major и main с собирательными существительными распределена следующим образом: 238 случаев употребления у major и 42 у main, что составляет 18 и 6% общего объема. Самое большое количество примеров у main со словом епему (12, у major — 0). Остальные существительные встретились по 1—3 раза. У major большинство словоупотреблений отличаются повышенной частотностью: company (62), league (40), union (37), corporation — 28 (с main не встретились) и многие другие, характерные для обоих прилагательных. Эта группа существительных включает, главным образом, совокупности лиц, объединенных общностью цели. Как показывает широкий контекст, определяемая major и main совокупность лиц является либо наиболее многочисленной (group, organisation), либо наиболее влиятельной (party, class). Возможно совмещение признаков в рамках одного и того же сочетания, что характерно для прилагательных, относящихся к разряду оценочных.

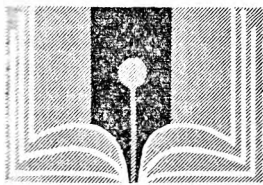
Случаи употребления major и main с существительными, обозначающими названия лиц, сравнительно нечасты (63 и 57), что составляет всего 5 и 7%. Это преимущественно агентивные существительные, обозначающие деятеля (supplier, leader, exporter, speaker, contributor). Среди них встречаются и довольно редкие, окказиональные образования типа worrier, loser, fundraiser. Резких колебаний в частотности, а также избирательности по отношению к той или иной лексеме не наблюдается. Исключение составляет лишь слово speaker, употребляемое преимущественно с main (14 раз, у major — 1). Сочетания с названиями лиц по профессиям (teacher, engineer) и общими названиями лиц (man, figure) весьма немногочисленны (12 случаев у major и 17 у main). При определении названий лиц исследуемые прилагательные актуализируют оценочное значение. Оценка агентивных существительных производится с точки зрения практической деятельности лица, подчеркивается его активность, большая степень причастности к делу. С названиями лиц по профессиям — указывается на высокие профессиональные качества (более опытный, лучший). Общие названия лиц определяются с точки зрения их социальной позиции в той или иной сфере человеческих отношений (наиболее известный, влиятельный).

Таким образом, широкая сочетаемость прилагательных major и main

сводится к довольно большому, но вполне обозримому набору типовых употреблений. Наиболее активным в нашем материале оказалось прилагательное *major*. *Major* проявляет однотипные сочетаемостные возможности, но в разной степени характеристики. Основное различие между ними диагностируется на уровне довольно представительного класса слов, обозначающих изменения, действия и совокупности лиц, где используется преимущественно *major*. Кроме того, у *major* значительно реже отмечается повышенная частотность по отношению к отдельным лексемам. В ряде случаев *major* и *major* находятся в отношении комплементарности. Характерным для обоих является склонность к образованию сочетаний с родовыми словами.

Анализ сочетаемости прилагательных *major* и *major* позволяет выявить некоторые семантические особенности, в частности, чрезвычайно обобщенный характер их лексического значения. Обобщение достигается за счет совмещения признака, присущего предмету, и оценки, исходящей от говорящего. Оценка имеет логический характер и производится с точки зрения важности предмета. Кроме того, она релятивна: объект оценивается по отношению к другим представителям того же класса (в большинстве случаев как наиболее важный, главный). Этот компонент присутствует у анализируемых прилагательных постоянно, хотя в зависимости от контекста в разной степени эксплицитности. Признаки, лежащие в основе выделения объекта в ранг «главных», несамостоятельны и составляют лишь один из аспектов значения (сигматический). В семантическом отношении они могут быть далеко отстоящими друг от друга. Общим свойством признаков является наличие их в высокой степени (ср. самый большой, наиболее влиятельный, высокоразвитый, многочисленный и т. д.). Признаки варьируются в зависимости от предметной отнесенности и выявляются в сочетаемости. Исходя из того, что *major*, например, чаще всего образует сочетания с отглагольными существительными и названиями некоторых географических объектов, можно судить о большом удельном весе у него признаков интенсивности и размера, эксплицируемых этими группами слов. Основополагающим у *major* является признак высокой степени важности, выявляемый в сочетании с наиболее многочисленной для него группой абстрактных существительных, обозначающих продукты умственной деятельности. В целом для анализируемых прилагательных характерны нечеткость, диффузность смысловой структуры, что обусловлено наличием компонента оценки.

¹ В статье названия и выходные данные печатных источников на английском языке даются сокращенно: М — «Morning Star», 1979; D — «Daily World», 1979. Цифры указывают на месяц, число и страницу цитаты. HC — «Hatter's Castle» by A. J. Gropp. — London, 1931. T — «The Titan» by Th. Driser. — Moscow, 1957.

И. В. ГОРЧАКОВА

РОЛЬ ПАРТИЙНЫХ ЖУРНАЛОВ БЕЛОРУССИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ ТРУДЯЩИХСЯ (1926—1932)

На всех этапах коммунистического строительства наша партия придавала и придает большое значение освоению трудящимися революционной теории, идейной закалке советских людей, формированию у них научного мировоззрения, активной жизненной позиции. Создание фундамента социалистической экономики в СССР (1926—1932) велось в обстановке острой классовой борьбы внутри страны и резких конфликтов на международной арене. Газеты и журналы помогали преодолевать трудности экономического и политического характера путем повышения культурно-политического уровня рабочих и крестьян, мобилизации их на коренное переустройство жизни. Успех воспитательной работы зависел от уровня организации системы партийно-политического образования населения, особенно коммунистов, проводников политики партии в массы.

ЦК Компартии Белоруссии, учитывая большое воспитательное воздействие печати, принял меры по выпуску в республике наряду с газетами и журналами ряда специальных периодических изданий журнального типа в помощь пропагандистам, слушателям различных звеньев партийного просвещения, а также тем, кто повышал политические знания самостоятельно. В апреле 1926 года Бюро по самообразованию агитационно-пропагандистского отдела ЦК КП(б)Б и Главполитпросвет издали бюллетень «Вопросы самообразования». В нем были напечатаны программы для сельских кружков самообразования, для занятий сельского актива, методические разработки, рекомендации и литература по изучению экономики, истории Белоруссии и решений XIV съезда РКП(б). Трехтысячный тираж бюллетеня объемом в 10 печатных листов был распространен как учебное пособие среди всех, занимающихся самостоятельно.

В первом номере теоретического органа ЦК КП(б)Б журнале «Бальшавік Беларусі» (январь-февраль 1927 года) под рубрикой «Весткі ЦК КП(б)Б» опубликован официальный материал «К организации консультации по самообразованию в деревне». За 1927 год «Бальшавік Беларусі» опубликовал ряд материалов об опыте постановки самообразования в окружных комитетах партии. И хотя материалы о политучебе регулярно публикуются на страницах журнала, не отпала потребность в специальном издании, которое могло бы конкретнее руководить самообразовательной работой и помогать коммунистам в самостоятельном овладении марксистской теорией. Эта форма учебы особенно необходима была партийному активу, который из-за чрезвычайной занятости не имел возможности систематически посещать школы, кружки. 13 января 1928 года Бюро по самообразованию при агитационно-пропагандистском отделе ЦК КП(б)Б приняло решение начать подготовку к изданию журнала на белорусском языке по типу московского «Сам учись», а при журнале «Асвета» образовать постоянный отдел по самообразованию. В соответствии с этим решением был выпущен двухтысячным тиражом бюллетень «У дапамогу самаадукацыі». В конце учебного года в сети партийного просвещения (1927—1928) агитпроп разослал окружным комитетам партии письмо с рекомендацией коммунистам — во время летней самостоятельной учебы пользо-

ваться материалами бюллетеня как учебным пособием наряду с другой политической литературой.

Большой вклад в политическое воспитание коммунистов внес бюллетень «У дапамогу партвучобе», орган агитационно-пропагандистского отдела ЦК и Минского окружного комитета КП(б)Б, созданный в конце 1928 года. Он публикует тексты бесед и докладов для пропагандистов и агитаторов, материалы по методике партийного просвещения, пропагандистского мастерства, списки литературы. Бюллетень ставил перед собой задачу своевременного обеспечения кружков программами, материалами местного характера. На его страницах пропагандисты делились опытом работы, слушатели рассказывали о том, что дают им занятия, как помогают знания в работе. Большое внимание уделялось вопросам организации самообразования, руководства им, снабжения самостоятельно занимающихся методическими разработками. В бюллетене выделялись следующие разделы: «Организация и методика партпросвещения», «Агитационно-массовая работа», «На местах», «В помощь агитатору», «Программы». Все его выпуски пользовались популярностью, однако в них не всегда своевременно публиковались нужные читателю материалы. 29 мая 1929 года секретариат ЦК КП(б)Б утвердил резолюцию Всебелорусского совещания агитпроработников, в которой было указано, что бюллетеню следует более оперативно публиковать задания, методразработки по актуальным вопросам хозяйственного, культурного, партийного, советского, профсоюзного строительства¹.

Освещение в печати проблем идейно-политического воспитания коммунистов приобрело еще большую значимость в связи с происходившей в 1929 году чистой партийных рядов. В постановлении сентябрьского (1929) пленума ЦК КП(б)Б, обсуждавшего предварительные итоги партийной чистки, отмечалась слабая теоретическая подготовка некоторых коммунистов, в том числе руководящего звена партии. Причины этого заключались как в чрезмерной загруженности коммунистов текущей партийной работой, так и в значительном пополнении партийной организации республики молодыми, недостаточно политически зрелыми рабочими и крестьянами в связи с новым призывом в партию, посвященным десятилетию Великого Октября. Партийные журналы доводили до сведения коммунистов важнейшие решения о партийном просвещении, которые предусматривали политическое воспитание как старых партийных кадров, так и пополнения. Так, в постановлении секретариата ЦК КП(б)Б от 27 мая 1929 года «О нагрузке практической работой и политвоспитании нового партийного пополнения», опубликованном в журнале «Весткі ЦК КП(б)Б» (1929, № 2, с. 9), парторганизациям и ячейкам предлагалось наладить изучение молодыми коммунистами города в школах, а деревни — в кружках вопросов текущей политики, устава и программы партии, проводить беседы с кандидатами по общеполитическим вопросам, установить с ними систематическую связь старых, опытных членов партии для обеспечения коммунистического влияния.

В январе 1930 года в журнале «Партыйны работнік» было опубликовано постановление секретариата ЦК КП(б)Б «О состоянии теоретической учебы», которое указало на крупные недостатки в марксистско-ленинском образовании, особенно работников окружного и республиканского звена, и рекомендовало практические меры по их устранению. Обсуждению и разработке мероприятий по претворению этого постановления в жизнь было посвящено Всебелорусское совещание по партпросвещению, состоявшееся в марте 1930 года. Ход этого совещания, заслушанные на нем основные доклады и даже принятые по ним резолюции изложил на своих страницах журнал «Партыйны работнік». Постановлением от 13 сентября 1930 года «О задачах партпросвещения» («Партыйны работнік», 1930, № 16, с. 31 — 33) ЦК ВКП(б) осудил недооценку некоторыми парткомами значения идейно-политической учебы коммунистов в период социалистической реконструкции народного хозяйства, в обстановке классовой борьбы. ЦК указал на необходимость дальнейшего расширения сети партпросвещения, улучшения качества партийной учебы и укрепления ее связи с практическими задачами социалистического строительства. Эти постановления способствовали значительной активизации политучебы всех коммунистов и беспартийных. Была расширена сеть заочного обучения, которая охватывала, в основном, партийный актив.

С 1 ноября 1930 года заочно-курсовой сектор Коммунистического университета Белоруссии приступил к изданию журнала «Завочны кам-

вузадец». Это издание было аналогично журналу «Заочный Коммунистический университет», который с 1929 года издавался Московским и Ленинградским комвузами. Журнал помещал на своих страницах разнообразный учебно-воспитательный материал. Он был настоящим учебным пособием для партийного самообразования. По программе журнала «Заочный Коммунистический университет» в Белоруссии в 1928—1929 учебном году самостоятельно занимались 1300 коммунистов.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О заочном обучении» ЦК КП(б)Б в феврале 1931 года принял решение об организации Белорусского института массового заочного обучения (БИМЗО) как филиала Всесоюзного заочного института. 2 марта 1931 года секретариат ЦК КП(б)Б решил реорганизовать журнал «Завочны камвузадец» в печатный орган института массового заочного обучения партактива при ЦК КП(б)Б, переименовав его в «Завочник Беларусі». Состав редколлегии остался прежним. Ответственным редактором был назначен директор института. В июне 1931 года вышел первый номер «Завочника Беларусі». Руководство системой заочного обучения, помощь партактиву в теоретической учебе осуществлялись и через журналы «Партыйны работнік», «Большавік Беларусі».

Выполнение ответственных задач по подготовке политически грамотных партийных, советских, комсомольских и других работников, рост числа коммунистов, комсомольцев и беспартийного актива, изучавших марксистско-ленинскую теорию в кружках, политшколах самостоятельно, требовали увеличения выпуска учебной и методической литературы, особенно для низовых звеньев партучебы. На Всебелорусском совещании по партпросу (март 1931) говорилось об острой потребности в популярном учебнике и принято решение издавать журнал-учебник, который поможет «ликвидировать разрыв между теоретическими вопросами и вопросами текущих задач партии»².

ЦК ВКП(б) считал начальную партийную школу основным звеном массового начального политобразования. Он ставил перед парторганизациями задачу полностью охватить учебой в начальной партшколе кандидатов, а также членов партии, нуждающихся в начальном политобразовании, и широкие массы беспартийного актива.

Культпроп ЦК КП(б)Б с февраля 1931 года начал издавать на белорусском языке ежемесячный журнал для начальных партийных школ «Ленінская вучоба». Большой тираж—10 тыс. экземпляров—позволял рассчитывать на массовую читательскую аудиторию, что соответствовало программе издания—«помогать мало подготовленным товарищам понять суть политики партии и этим самым мобилизовать и вооружить партийные и беспартийные массы на борьбу за генеральную линию партии»³. Для осуществления этой цели журнал в каждом номере публиковал теоретические статьи по темам программы начальных партийных школ. Материалы увязывались с вопросами текущей политики, с конкретными задачами партийной работы. На совещании при Культпропе ЦК КП(б)Б 29 апреля 1931 года было решено выпустить серию номеров журнала «Ленінская вучоба» для комсомольской сети политпроса.

Во второй половине 1931 года был упорядочен выпуск журнала. Значительно содержательнее стали материалы, шире охват вопросов. К новому учебному (1932—1933) году в сети партпросвещения было решено выпускать журнал более широкого профиля, рассчитанный не только на начальные партшколы, а для пропагандистов и всех, занимающихся в средних и низовых звеньях партпросвещения—коммунистов, кандидатов партии, комсомольцев и беспартийных. Новый журнал вышел в июне 1932 года под названием «За ленінскую вучобу». Редактировался он работниками Культпропа ЦК КП(б)Б. В журнале соответственно программе выделялись разделы «Опыт мест», «Программы и методразработки», «Директивы Культпропа ЦК КП(б)Б». Иногда материалы объединялись в тематические разделы—«Ударничество и соревнование на фронте партучебы», «Трибуна пропагандиста», «Блокнот пропагандиста» и др. Публикации журнала способствовали идейному росту пропагандистов, рядовых членов партии, помогали им приобрести знания, необходимые для политической работы в массах трудящихся. Этой цели служили также разработки докладов, бесед в помощь агитаторам и пропагандистам, которые печатались в «Блакноце агітатара». В истории печати Белоруссии не было другого периода, который бы вызвал к жизни такое бурное развитие журнальной периодики для массового партийно-политического просвещения.

Одновременно это было время поисков нужного типа издания, который отвечал бы необходимости усиления работы в области политического образования.

Постоянное внимание Центрального Комитета и его журнальных изданий к постановке марксистско-ленинского образования, оказание всесторонней помощи партийным комитетам и ячейкам в организации учебы, обеспечении сети партпроса пропагандистскими кадрами, литературой — все это способствовало росту контингента слушателей совпартшкол и комвузов, широкому охвату сетью партпроса коммунистов, комсомольцев и беспартийных рабочих и крестьян. Вооруженные знанием марксизма-ленинизма коммунисты оказывали действенное влияние на трудящихся, воспитывали их в духе понимания всемирно-исторического значения социалистического строительства, в духе пролетарской идеологии. Обращение к истории белорусской партийной журналистики, ее отдельным изданиям и сегодня может оказать немалую помощь пропагандистам, идеологическим работникам в их творческом поиске новых форм и методов работы с людьми.

¹ У дапамогу партвучобе, 1929, № 8—9, с. 81.

² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 14, д. 36, л. 367—368.

³ Ленінская вучоба, 1931, № 1, с. 3.

Э. Р. МЕЛЬНИКОВ

ГАЗЕТА «РАБОЧИЙ» В БОРЬБЕ ЗА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ (1927—1932)

Орган ЦК КП(б)Б газета «Рабочий» стала выходить в период, когда началось осуществление преобразований в сельском хозяйстве, предусмотренных решениями XV съезда ВКП(б). Резолюция съезда «О работе в деревне» нацелила рабочий класс и трудовое крестьянство на коллективизацию сельского хозяйства, которая позволит в соответствии с кооперативным планом В. И. Ленина направить развитие сельского хозяйства на путь социализма.

Удельный вес государственного сектора в валовой продукции сельского хозяйства республики составлял к 1927 году 1,7, частного — 97,5, на долю кооперации приходилось 0,8%. Хотя посевные площади по сравнению с 1913 годом расширились почти на 30%, продуктивность сельского хозяйства была крайне низкой¹. В республике насчитывалось 995 колхозов, но они были карликовыми — в среднем по 65 гектаров; общественно-крестьянских хозяйств было всего 1% (1929, 8 февраля).

XII съезд КП(б)Б со всей определенностью заявил, что «только коллективизация, социалистическая реконструкция являются решающим и основным путем мощного подъема сельского хозяйства» (1929, 19 февраля). Февральский (1928) Пленум ЦК КП(б)Б, руководствуясь решениями XV съезда, разработал комплекс мероприятий по проведению коллективизации сельского хозяйства, составной частью которых была агитационная и пропагандистская работа. Постановление секретариата ЦК КП(б)Б от 27 февраля 1928 года «О постановке агитации и пропаганды, устно и в печати, в связи с постановлениями XV съезда ВКП(б) о работе на селе» определило задачи печати. Газеты должны были уделять вопросам коллективизации постоянное внимание, борясь с недостатками и пропагандируя успехи колхозного строительства.

К началу 1929 года борьба газеты за коллективизацию, за создание и укрепление колхозов все еще носила эпизодический характер. Постепенно материалы газеты, посвященные вопросам коллективизации, приобретают большую идеологическую выверенность. В тематике, формах подачи с июня 1929 года ощущается большая целенаправленность и, при всей конкретности содержания заметок, — более высокий уровень их пропагандистской эффективности. Под рубрикой «Решения XVI партконференции — в жизнь» печатаются статьи о причинах экономического неравенства в деревне, аргументированно доказывается тезис о невозможности в условиях индивидуального землепользования, даже при образцовом ведении хозяйства, обеспечить нужды социализма. Кооперирование крестьянства — главный вопрос в деревне, и решение его зависит от успешного развития индустрии — подчеркивала газета (1929, 7 июня).

Одним из основных направлений борьбы газеты за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства стала пропаганда успехов коллективизации, экономического и культурного развития колхозов. На ее страницах систематически публикуются очерки, корреспонденции, заметки рабкоров о расширении посевных площадей коллективных хозяйств, о росте их неделимых фондов, увеличении машинного парка, повышении урожайности и экономической рентабельности сельскохозяйственного производства, о колхозных новостройках.

Социалистическое переустройство деревни вызвало яростное сопротивление кулачества. По страницам газеты «Рабочий» день за днем можно проследить перипетии острой классовой борьбы, развернувшейся в деревне. Заметки о раскулачивании, об изъятии хлебных излишков, о возрастании трудовой и политической активности сельской бедноты в ответ на террор кулаков имели и пропагандистское, воспитательное значение, представляя читателю образцы бескомпромиссной и успешной борьбы за новую жизнь (1929, 5 сентября, 2 ноября; 1930, 31 января, 19 февраля).

В коллективизации своеобразно проявлялась руководящая роль рабочего класса. Соответственно росту масштабов и эффективности помощи рабочих селу возрастали и требования, предъявляемые газетой к уровню проведения шефских кампаний. Неизменно сообщается о результатах работы шефских бригад в колхозах, пропагандируются методы социалистического соревнования в шефской работе. В «шапках» тематических полос, заголовках статей часто присутствует, как обобщенный вывод из конкретных фактов, указание на основное значение шефства: оно должно обеспечить прилив крестьянства в колхозы, укрепить их экономически, организационно и политически (1929, 10 октября; 1930, 24 ноября; 1931, 1 января).

В одной из передовых статей «Рабочий» указывал, что высокие темпы коллективизации требуют столь же интенсивного организационного закрепления этого движения (1929, 14 августа). Наиболее полно эти цели достигались во время «дней» и «декад» урожая и коллективизации. Приуроченные к завершению сельскохозяйственного года они стали периодами наиболее интенсивных и эффективных агитационно-массовых кампаний по вовлечению трудящегося крестьянства в колхозы.

В социалистическом переустройстве села большую роль сыграло движение рабочих-двадцатипятидесятников, направленных в деревню по решению ноябрьского (1929) Пленума ЦК ВКП(б). В декабре ЦК КП(б)В принял решение выделить в число двадцатипятидесятников 500 передовых рабочих. Всего от предприятий республики на село было направлено 537 рабочих, в том числе 388 коммунистов. Кроме того, в Белоруссию для работы в деревне прибыло 99 рабочих Горьковского завода «Красное Сормово», который взял шефство над Могилевским округом. Посылке рабочих в колхозы предшествовала большая пропагандистская и агитационная работа. Для их подготовки в каждом округе были организованы двухнедельные курсы, на которых читались лекции по основным вопросам колхозного строительства; скомплектовано 500 библиотечек сельхозлитературы, которыми снабжали рабочих, направляющихся в деревни (1929, 14 декабря).

Но этого было мало. «Рабочий» отмечал, что многие предприятия республики не имеют связи со своими двадцатипятидесятниками, не популяризируют их опыт в своих коллективах. Важно было наладить живой, полнокровный обмен опытом работы двадцатипятидесятников, пропагандировать передовые методы работы коллективных хозяйств. Всем этим целям отвечала проведенная на страницах газеты «Всебелорусская заочная конференция двадцатипятидесятников». Она с честью выполнила свои задачи. На страницах газеты выступили десятки рабочих-двадцатипятидесятников. Они рассказали о своей работе, о трудностях, с которыми сталкивались, выдвинули ряд предложений по совершенствованию процесса коллективизации. В материалах конференции была объявлена война искривлениям партийной линии в колхозном строительстве, разоблачались происки кулаков, резко осуждалось примиренческое отношение к ним некоторых руководителей хозяйств (1930, 12 апреля). Конференция помогала налаживать более прочные связи колхозов с промышленными предприятиями. Она оказалась действенной формой не только практической помощи конкретным работникам, но и пропаганды партийных решений по социалистическому переустройству деревни на живых примерах. Однако конференция была хоть и эффективной, но все же единственной крупномасштабной формой освещения «Рабочим» массового патриотического движения

двадцатипяти тысячников. Это, несомненно, сужало возможности газеты влиять на практические результаты деятельности посланцев рабочих в деревне.

Темпы коллективизации неуклонно нарастали. «Январь, февраль, начало марта 1930 года были в Белоруссии месяцами самого бурного роста колхозов... Наряду с достижениями в колхозном строительстве в Белоруссии, как и в других районах страны, обнаружались серьезные ошибки. Они были вызваны прежде всего искусственным форсированием темпов коллективизации. Состоявшийся 3—8 февраля 1930 года пленум ЦК КП(б) дал установку завершить сплошную коллективизацию к 1931 году. Вслед за этим в феврале бюро ЦК КП(б) постановило к началу весеннего сева 1930 года коллективизировать 75—80% крестьянских дворов»². Появление значительной части публикаций «Рабочего» о колхозном строительстве в феврале 1930 года можно считать выполнением этой директивы. Не только в изложении материалов пленума ЦК КП(б)Б, но и в оригинальных статьях четко акцентируются особенности политического момента: призывы к сплошной коллективизации, требования завершить к началу весеннего сева обобществление земли, семенного фонда (1930, 16 февраля). Но, начиная с февраля, в материалах газеты все чаще встречается тезис о недопустимости голого администрирования, о необходимости трезво оценивать реальную обстановку на местах, степень зрелости объективных и субъективных условий для обобществления крестьянских хозяйств (1930, 2, 7 февраля). 3 марта газета перепечатала статью И. В. Сталина «Головокружение от успехов». 14 марта ЦК ВКП(б) принял известное постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», в котором намечались конкретные пути исправления ошибок в колхозном строительстве. Мартовский (1930) Пленум ЦК КП(б)Б одобрил постановление ЦК ВКП(б), признав, что весной 1930 года в БССР были допущены серьезные ошибки в ходе социалистического переустройства сельского хозяйства³. 31 марта 1930 года в подверстку к материалам пленума ЦК КП(б)Б газета под шапкой «Искривление политики партии в колхозном движении—прямая помощь классовому врагу» помещает большую подборку материалов, разделы которой свидетельствуют о выверенности курса редакции в сложной, неоднозначной обстановке весны 1930 года. (Как известно, именно в эти месяцы начался отлив крестьян из колхозов. К июлю из имевшихся в республике 3665 колхозов сохранился 3021)⁴. «Рабочий» не только призывает исправлять перегибы в организации коллективных хозяйств, но и подает пример объективной, партийной оценки обстановки: изобличает конкретных работников, допустивших администрирование, окрик и даже принуждение при создании колхозов, борется против формализма, бумажного очковитирательства, при котором за победными реляциями скрывались реальные проблемы и трудности, напоминает о недопустимости послабления кулака со стороны местных партийных, советских и хозяйственных органов (1930, 7, 14, 16, 25, 28 марта). В многообразии аспектов освещения газетой положения на селе ясно угадывается одна цель: убедить многотысячные массы белорусского крестьянства в необратимости и, несмотря на имевшие место перегибы, правильности политики партии на селе, соответствующей глубинной, объективной потребности новой общественно-экономической формации в социалистическом переустройстве села. В результате самоотверженной работы партийных, советских, хозяйственных органов, помощи рабочего класса выход крестьян из колхозов прекратился. Многие из них снова подали заявления о приобщении своих хозяйств к коллективному. X Всебелорусский съезд Советов констатировал, что к февралю 1931 года в республике насчитывалось 4700 колхозов вместо 4650, намеченных на конец пятилетки (1931, 25 февраля).

Взросшие масштабы колхозного движения, усложнение экономической структуры хозяйств требовали соответствующих форм управления. 4 февраля 1932 года ЦК ВКП(б) принял постановление «Об очередных мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов», предостерегавшее от перегибов в обобществлении личных хозяйств, предусматривавшее внедрение в колхозах сдельной оплаты труда, создание бригад как основной производственной единицы хозяйств, укрепление МТС, намечившее меры по воспитанию колхозного актива (1932, 8 февраля.) Включившись в конкурс на лучшее освещение в печати борьбы за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, объявленный «Правдой» в конце 1931 года⁵, газета разворачивает интенсивную кампанию

за ликвидацию в колхозах обезлички, внедрение хозрасчета, правильное авансирование, внедрение методов социалистического соревнования. Факты игнорирования этих важных аспектов колхозного строительства вскрываются своевременно, освещаются газетой конструктивно, помощь ее эффективна (1932, 21, 24 мая, 3, 15 июня). Материалы, посвященные названным проблемам, часто печатались под рубрикой «Организационно-хозяйственное укрепление колхозов — центральная задача» (1932, 8, 12, 21 февраля).

Не менее важной задачей укрепления социалистического сектора сельского хозяйства являлось развитие колхозной торговли, расширение общедоступных хозяйственных связей между городом и деревней как экономической основы союза рабочего класса и трудящегося крестьянства. Газета контролирует заключение договоров предприятий с колхозами о торговле, активно борется против администрирования в этом важном деле, изобличает спекулянтов, помогает практически решать вопросы широкого привлечения промышленных товаров на село, проводит систематически рейды рабселькоров по колхозным рынкам.

Организаторская деятельность «Рабочего» проходила в относительно нешироких масштабах, но она отличалась высокой эффективностью, потому что была нацелена на узловыe вопросы колхозного строительства. Так, в августе 1929 года газета предложила белорусской печати взять шефство над первым в республике районом сплошной коллективизации — Климовичским, приступить к сбору средств среди рабкоров и читателей газет на постройку тракторной колонны имени белорусской печати и колонну эту Передать в Климовичский район (1929, 28 августа). Коллективы заводов и фабрик, крестьяне Климовичского района, республики придали этому начинанию «Рабочего» большое значение. Они с энтузиазмом отчисляли часть своего заработка на постройку тракторной колонны. Развивая инициативу, газета предложила провести на Могилевщине пятидневку помощи району сплошной коллективизации. В ходе пятидневки были значительно увеличены отчисления на тракторную колонну, проведены субботники. В Климовичи выехали рабочие делегации. Со страниц газеты регулярно сообщалось о положении дел в Климовичском районе и в созданном там колхозе имени газеты «Рабочий» (1929, 25 сентября, 16 ноября; 1932, 1 мая). В редакции проводились совещания, посвященные подготовке к очередным полевым и хозяйственным кампаниям, организовывались выездные редакции по проведению сельскохозяйственных заготовок.

Газета «Рабочий» внесла весомый вклад в выполнение решений партии о перестройке сельского хозяйства Белоруссии на социалистический лад. Анализ практики работы редакции газеты убедительно доказывает, что наибольшей эффективностью в мобилизации трудящегося крестьянства, рабочего класса на проведение коллективизации обладали те формы и методы газетной агитации и пропаганды, которые с максимальной полнотой использовали конкретный опыт социалистического преобразования хозяйств на местах.

¹ Рабочий, 1929, 19 февраля. Далее в скобках даются год и число без указания названия газеты.

² Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. — Минск 1967, ч. 2, с. 142—143.

³ См.: Там же, с. 146.

⁴ См.: Там же, с. 147.

⁵ См.: Булацкі Р. В., Сачанка І. І., Говін С. В. Гісторыя беларускай журналістыкі. — Мінск, 1979, с. 192.

А. А. РУДЕНКО

О ЯЗЫКОВОМ МАСТЕРСТВЕ ГОРЬКОГО-ОЧЕРКИСТА (структура абзаца в очерке «Город Желтого Дьявола»)

Исследователи индивидуального стиля писателя и публициста обычно прежде всего анализируют его лексику, характер отдельных элементов его синтаксического строя и значительно реже останавливаются на таких сложных конструкциях, как абзац, сложное синтаксическое целое

и т. п. А ведь единство стилиевой системы писателя находит свое выражение и в композиции произведения, и в отдельных структурных элементах, в том числе и в абзаце как композиционно-стилистической единице. Каждому писателю свойственны индивидуальные формы абзаца. Характер зачина и концовки абзаца, его наполнение в каждом индивидуальном стиле — своеобразны.

В последнее время интерес к абзацу несколько повысился в связи с изучением проблемы так называемого «целого текста». Внутри общей лингвистики выделилась дисциплина, занимающаяся исследованием единиц крупнее предложения и известная под названием «лингвистика текста». Для публицистического произведения характерны такие композиционные элементы, как описание, повествование, рассуждение, которые выполняют и образную функцию. Анализ структурно-семантического наполнения абзацев публицистического произведения позволяет подразделять их на описательные, повествовательные, абзацы-размышления, смешанные¹.

Известны две формы отражения действительности: одна из них базируется на моделировании самой действительности, а другая — на моделировании нашего отношения к ней. Поэтому функция абзаца и состоит в переключении с логического на эмоциональное в содержании художественного или публицистического текста (и наоборот). Увиденное автор должен пропустить через свое мировоззрение, миропонимание. С одной стороны, строгая объективность, точная передача увиденного, с другой — свое отношение к излагаемому.

Очерк М. Горького «Город Желтого Дьявола» построен на взаимодействии, на сосуществовании двух планов: основной сюжетной линии и плана авторских размышлений, или субъективного. Соответственно в очерке выделяются абзацы объективного и абзацы субъективного планов. Основным критерием выделения группы абзацев объективного плана является статичность или динамичность передаваемого содержания. По этим признакам абзацы объективного плана подразделяются на описательные (статичные) и повествовательные (динамичные). Абзацы объективного плана создают образную картину, которая будет объектом оценки, рассуждения автора; всем ходом повествования она может типизироваться, иногда доходить до символа, как это произошло в анализируемом очерке М. Горького. Абзацы субъективного плана в этом произведении можно разделить на абзацы-рассуждения, абзацы-оценки, абзацы-выводы. В очерке встречаются и смешанные абзацы, где субъективное и объективное объединяются, т. е. описание и повествование сопровождаются авторскими размышлениями. У Горького это подчинено задаче убеждения (организационно-воздействующей функции публицистики) и сообщения (информационно-содержательной функции)².

В очерке автор нарисовал портрет капиталистического города в самых общих чертах. Основная цель писателя — раскрыть главные особенности «классической» капиталистической страны, Америки, где личность человеческая сама по себе ничего не стоит, где всем управляет и над всеми властвует Желтый Дьявол. В очерке М. Горький показал основные черты капиталистического города — Нью-Йорка. Это бедственное положение масс. Это полное порабощение городом-спрутом всякого творческого начала в человеке. Это стихийная сила Желтого Дьявола. Это превращение человеческой массы в безликую, машиноподобную толпу.

В композиционной структуре очерка особую роль играет описательный абзац. Рассмотрим несколько абзацев такого типа³.

Это — город, это — Нью-Йорк. На берегу стоят двадцатипятиэтажные дома, безмолвные и темные «скребничи неба». Квадратные, лишённые желаний быть красивыми, тупые, тяжёлые здания поднимаются вверх угрюмо и скучно. В каждом доме чувствуется надменная кичливость своей высотой, своим уродством. В окнах нет цветов и не видно детей...

Ошеломленное, оглохшее от шума, задержанное этой пляской мертвой материи двуногое существо, все в черной копоти и масле, странно смотрит на меня, сунув руки

в карманы штанов. Лицо его замазано густым налетом жирной грязи, и не глаза живого человека сверкают на нем, а белая кость зубов (с. 51).

Вокруг кипит, как суп на плите, лихорадочная жизнь, бегут, дергаются, исчезают в этом кипении, точно крупинки в бульоне, как щепки в море, маленькие люди. Город ревет и глотает их одного за другим ненасытной пастью (с. 53).

Для описательных абзацев характерно сообщение о паличии предмета, его признаков, как существенных, так и несущественных. В приведенных описаниях нарисована картина капиталистического города, показано то, что убивает человека в городе Желтого Дьявола. В этих абзацах мы находим и описание состояния человека, и описание городского пейзажа, и окружающей обстановки. Все языковые средства в таких абзацах объединены стремлением автора вызвать у читателя определенное настроение, определенное впечатление от этого капиталистического города, города-спрута. Сам абзац, языковые средства четко передают и субъективность восприятия (это эмоциональные оценки в виде различного рода тропов: скребницы неба, двуногое существо, пляска материи, лихорадочная жизнь, точно крупинки в бульоне, как щепки в море, город ревет, ненасытная пасть и др.; в виде разговорно-бытовой лексики: задерганное двуногое существо, лицо замазано, ненасытная пасть) и вносят в такие абзацы публицистическое звучание.

Все описательные абзацы в очерке можно назвать абзацами «социального пейзажа» (описание городского пейзажа, человека, его внутреннего состояния). Преобладание описательных элементов, видимо, объясняется художественным своеобразием очерка, идейным замыслом писателя. Части, рассказывающие о Нью-Йоркском порте, о квартале бедняков Ист-Сайде, состоят почти исключительно из описательных абзацев, каждый из которых вносит дополнительную деталь в общую картину. Описание у Горького носит чрезвычайно динамический характер. Картины быстро сменяют друг друга, подобно кадрам кинофильма. Соответственно сменяют друг друга и абзацы, рисующие «социальный пейзаж» Америки. Раскрывая главные особенности «классической» капиталистической страны, Горький показывает ее социальный и моральный облик.

Абзацы субъективного плана мы разделили на абзацы-размышления, абзацы-оценки и абзацы-выводы. Они здесь не случайны. Образная картина с элементами обобщения, которую рисуют описательные абзацы, становится объектом оценки, рассуждений автора. Такие абзацы служат одним из ярких приемов «авторского самовыражения» и усиливают социально-оценочный момент.

Я очень много видел нищеты, мне хорошо знакомо ее зеленое, бескровное, костлявое лицо. Ее глаза, тупые от голода и горящие жадностью, хитрые и мстительные или рабски покорные и всегда нечеловеческие, я всюду видел, но ужас нищеты Ист-Сайда — мрачнее всего, что я знаю (с. 56).

Особое место в «Городе Желтого Дьявола» занимают абзацы смешанного плана, в которых совмещаются две линии — основная сюжетная и линия авторских размышлений, комментариев, оценок. Очерк, как и любое другое произведение, представляет собой цепь звеньев-мыслей, объединенных общим содержанием. Цель автора не только в том, чтобы донести до читателя свои мысли, но и вызвать у него нужное восприятие содержания произведения.

Внешние средства связи между абзацами являются очень важным элементом организации очерка, его композиции. Способ сцепления абзацев отражает характер развертывания мысли, степени связанности отдельных композиционных элементов. С точки зрения связей выделяются, как известно, автосемантические и синсемантические типы абзацев⁴.

В «Городе Желтого Дьявола» если и встречаются автосемантические абзацы, то чаще всего это абзацы-предложения, в которых как бы называется тема, ими начинается глава, ее фрагмент, а затем идет конкретное раскрытие содержания. Приближаясь по своей функции к заголовку,

такой абзац служит композиционной завязкой, определяющей развитие мысли и логическое расположение материала.

О людях — страшно и больно говорить (с. 54) — вот абзац-тема. А далее следуют абзацы, чаще всего, описательные, которые напоминают детали единой картины (Вот промелькнуло темное лицо старухи... (с. 54), // Лысый череп тускло блеснул за стеклом, покрытым слоем пыли... (с. 55). И, наконец, автосемантический абзац-предложение (Люди в домах города Желтого Дьявола спокойно переносят все, что убивает человека (с. 55) содержит вывод из сказанного.

Но более характерны для очерка Горького абзацы синсемантические, или зависимые. Они представляют большой интерес именно с точки зрения связей между собой, так как разнообразные средства языка помогают уловить логическую последовательность мысли автора.

В очерке встречаются сочетания лексического повтора с местоимением, чаще всего указательным (этот город, эти бронзовые люди, эти дети, в этих улицах), что дает возможность на большом отрезке осуществлять движение темы. Когда центр тяжести переносится с предмета на его характеристику, тогда связующим звеном между абзацами выступают личные местоимения.

Издали город кажется огромной челюстью, с неровными, черными зубами. Он дышит в небо тучами дыма и сопит, как обжора, страдающий ожирением.

Войдя в него, чувствуешь, что ты попал в желудок из камня и железа, в желудок, который проглотил несколько миллионов людей и растирает, переваривает их (с. 52).

Местоименная связь более тесно объединяет абзацы, чем лексический повтор. Высказывание в таком случае представляет собой цепочку; мысль, выраженная в каждом отдельном звене такой цепочки, тесно связана с предшествующими или последующими высказываниями.

В организации абзацев принимает участие и указательное местоимение *такой*. Местоимение *такой* может относиться, как и местоимение *это*, к одному или группе абзацев.

Я впервые вижу *такой* чудовищный город, и никогда еще люди не казались мне так ничтожны, так поработены. И в то же время я нигде не встречал их *такими* трагикомически довольными собой, каковы они в этом жадном и грязном желудке обжоры, который впал от жадности в идиотизм и с диким ревом скота пожирал мозги и нервы... (с. 54).

В последнем абзаце, присоединяющемся к предыдущим при помощи сочетания с указательным местоимением (*такой* чудовищный город) как бы подводятся итог, обобщается смысл предыдущих абзацев. Широкое распространение как связующее средство получило местоимение *это*.

А в нем (в тумане — А. Р.) рождается, растет нечто непостижимо огромное, полное гулко-го ропота, оно дышит навстречу людям тяжелым, пахучим дыханием, и в шуме его слышно что-то грозное, жадное.

Это — город, это — Нью-Йорк. На берегу стоят двадцатизэтажные дома, безмолвные и темные «скребницы неба». Квадратные, лишённые желаний быть красивыми, тупые, тяжелые здания поднимаются вверх угрюмо и скучно. В каждом доме чувствуется надменная кичливость своею высотой, своим уродством. В окнах нет цветов и не видно детей (с. 51).

Местоимение *это* помогает лаконично, сжато переходить от одной мысли к другой, соединять абзацы. Наряду с местоименной связью и лексическим повтором широкое распространение получила синонимическая связь. В роли связующих средств выступают как прямые синонимы, так и контекстуальные. Использование синонимической лексики служит не только средством связи, но и позволяет выражать разнообразные смысловые отношения между абзацами, частями очерка, большими, чем абзац, а также дает возможность автору широко и открыто выразить свою точку зрения, оценить тот или иной факт, прокомментировать его.

Синонимические повторы, выполняющие соединительные функции, мы находим при описании Нью-Йоркского порта, статуи Свободы: статуя Свободы — американский бог — массивная фигура бронзовой женщины. Чаще всего в роли соотносящихся частей абзацев выступают кон-

текстуальные, образно-семантические синонимы, которые, наряду со своей формальной (соединительной) функцией, выражают разнообразные смысловые отношения, выполняют функцию характеристики предметов. Речь писателя становится гибкой, позволяющей ярче выразить свою мысль, дать оценку увиденному.

...Ком Золота — сердце города. В его биении — вся жизнь, в росте его объема — весь смысл ее.

Это скверное волшебство усыпляет их души, оно делает людей гибкими орудиями в руке Желтого Дьявола, рудой, из которой Он неустанно плавит Золото, свою плоть и кровь (с. 60).

Говоря о лексических способах связи, следует отметить и антонимические средства, используемые М. Горьким для цементирования абзацев и как изобразительные средства контраста. Чаще всего эту роль играют контекстуальные антонимические обороты. Рисуя символ американской свободы, Горький пишет:

Массивная фигура бронзовой женщины покрыта с ног до головы зеленой окисью. Холодное лицо слепо смотрит сквозь туман в пустыню океана, пьедестал ее — как застывшие волны...

А кругом *ничтожного куска* земли, на котором она стоит, скользят по воде океана, как допотопные чудовища, огромные железные суда, мелькают, точно голодные хищники, маленькие катера... (с. 50).

Все больше и больше *вспыхивает желтых огней* — целые стены сверкают пламенными словами о пиве, о виски, о мыле, новой бритве, шляпах, сигаретах, о театрах.

Со стен домов, с вывесок, из окон ресторанов — льется ослепляющий свет расплавленного Золота (с. 59).

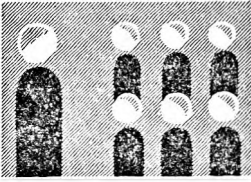
Выбор антонимов и синонимов, их композиционное следование подчеркивают отношение автора к описываемым событиям, придают очерку яркую экспрессию, публицистическую значимость. Таким образом, абзац в очерке М. Горького выступает как особая композиционно-стилистическая единица, в которой проявилась индивидуальность писателя.

¹ См.: Ряднова Т. С. Анализ абзаца как композиционно-синтаксического элемента языка художественной литературы.— Уч. зап. МГПИ, 1961, т. 165, ч. 1.

² См.: Рогова К. А. Образность публицистической речи.— Проблемы журналистики. Л., 1973, вып. 2, с. 38.

³ Горький М. Статьи и памфлеты.— Л., 1948. Далее в тексте статьи в скобках после цитат указываются страницы этого издания.

⁴ См.: Сильман Т. И. Проблемы синтаксической стилистики.— Л., 1967.

Педагогіка, психологія

В. П. МЕЩЕРЯКОВ

А. С. МАКАРЕНКО О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ

Основы всестороннего развития человека закладываются в семье. Поэтому в нашей стране создаются необходимые условия для успешного семейного воспитания детей, ему уделяют повседневное внимание Коммунистическая партия и Советское правительство; комплекс мер по улучшению воспитания детей предложил XXVI съезд КПСС. Усиление роли общественного воспитания в нашей стране не только не снимает, а, наоборот, усиливает значение и ответственность семьи за воспитание детей. Совершенствование форм и методов общественного воспитания обязательно влечет совершенствование взаимосвязанного с ним процесса воспитания детей в семье.

Выдающийся советский педагог А. С. Макаренко является крупнейшим теоретиком воспитания детей в семье. Несмотря на то, что его взгляды на семейное воспитание были высказаны более 40 лет назад, они не утратили своей значимости, актуальности. По проблеме семейного воспитания А. С. Макаренко написал в 1936—1937 годах I том «Книги для родителей» и «Лекции о воспитании детей» (8 лекций, прочитанных по радио в 1937 году). Воспитание детей—первейшая и важнейшая обязанность каждого человека. В «Лекциях о воспитании детей» А. С. Макаренко утверждает, что «... наши дети — это наша старость. Правильное воспитание детей—это счастливая старость, плохое воспитание—это наше будущее горе, это наши слезы, это наша вина перед другими людьми, перед всей страной»¹. Ничто так не убеждает детей, как личный пример родителей. Их поведение дома, на улице, на производстве—неиссякаемый источник нравственного влияния на детей. Чем больше дети будут видеть положительных примеров в поведении своих родителей, тем больше они будут проникаться к ним уважением, тем больше будут стараться во всем походить на них. Личный пример родителей связан с их авторитетом, который, в первую очередь, проявляется в уважении к детям. Это способствует добровольному выполнению детьми тех или иных требований отца и матери. Родительский авторитет, созданный на правильной нравственной основе, является для детей источником уверенности, принципиальности и идейности. Он не должен унижать ребенка, угнетать его волю и сознание. Родительский авторитет, построенный на ложных нравственных положениях и фальшивой основе, быстро разрушается и негативно влияет на воспитание детей.

А. С. Макаренко выделяет ряд ложных родительских авторитетов. Например, «авторитет подавления», который требует слепого бессознательно подчинения. Дети запуганы, они боятся родителей и, в то же время, растут лживыми и жестокими. «Авторитет расстояния», когда родители, чаще всего отец, стараются быть подальше от детей, реже встречаются с ними, а разговаривать только холодным, начальствующим тоном. «Авторитет чванства», когда родители всячески превозносят свои «исключительные» способности, одновременно не скупясь на отрицательные характеристики своих коллег и соседей. «Авторитет педантизма», когда родители оказывают повседневное, бюрократическое внимание детям, фиксируют их каждый «чих» и за малейшую провинность обязательно наказывают. «Ав-

торитет резонерства» характеризуется тем, что родители или бабушка с дедушкой читают детям бесконечные назидания и поучения, которые надоедают и на которые дети перестают в конце концов реагировать. «Авторитет любви», когда родители, особенно матери и бабушки, беспрестанно говорят детям нежные слова, обрушивают на них град поцелуев и ласк. Все это способствует развитию лживости и эгоизма у детей. «Авторитет доброты», когда родители уступчивы, добры, мягки к детям, во всем стараются соглашаться с ними и все прощать. «Авторитет дружбы», конечно, ложной, когда устанавливается между родителями и детьми дружба крайних пределов. Дети в подобных случаях начинают относиться к родителям, как к своим сверстникам-товарищам, и даже могут называть их только по именам. «Авторитет подкупа», когда родители стараются за все хорошее, что делают дети, преподносить им подарки или даже давать деньги. Постепенно дети приучаются все делать только за плату. Этот вид авторитета А. С. Макаренко назвал самым безнравственным. Можно назвать и другие виды ложных авторитетов, но они, как правило, не встречаются в чистом виде. Искоренение ложных родительских авторитетов является обязательным условием успеха в семейном воспитании детей.

Очень сложная проблема—это воспитание брошенных детей. Обычно-венно детей оставляют отцы и очень редко матери. Ребенок, зная, что отец имеет другую семью и живет где-то далеко, глубоко переживает это, ему трудно смириться с тем, что у него нет отца. Из таких детей нередко вырастают замкнутые, подозрительные и лицемерные люди. По мнению А. С. Макаренко, брошенных детей воспитывать труднее, нежели круглых сирот. Никто и ничто не может полноценно заменить благородное влияние отца или матери на детей. Проблема брошенных детей актуальна и сегодня. Трудно давать какие-либо рецепты по данному вопросу. Однако всегда взаимоотношения супругов должны учитывать интересы детей, условия их воспитания.

Трудовое воспитание детей—главное, неперемное условие их всестороннего развития. Каждый ребенок должен готовиться к жизни в трудовом коллективе. Степень активности и участия в общественно полезном труде—главное мерило его достоинства и полезности. «Первое, о чем в особенности должны помнить родители,—говорил А. С. Макаренко,—это следующее. Ваш ребенок будет членом трудового общества, следовательно, его значение в этом обществе, ценность его как гражданина будут зависеть исключительно от того, насколько он в состоянии будет принимать участие в общественном труде, насколько он к этому труду будет подготовлен»².

Успех семейного воспитания во многом зависит от воспитания у детей трудолюбия, навыков самообслуживания и готовности трудиться на пользу народа и государства. Труд детей в семье самый разнообразный: учебный, по самообслуживанию, бытовой. Без труда нельзя воспитать всесторонне развитого человека, развить его умственные и физические способности, нравственные и эстетические качества. С 2—3 лет дети в семье принимают определенное участие в самообслуживании. В школьном возрасте дети могут поддерживать порядок в квартире, около дома, во дворе. А. С. Макаренко рекомендует давать детям постоянные трудовые поручения. Это больше приучает их к аккуратности, ответственности. Само собой разумеется, что поддержание обуви и одежды в чистоте и опрятности—повседневная обязанность всех детей. В среднем и старшем возрасте детей следует привлекать к производительному труду в промышленности или сельском хозяйстве. При этом семья не должна самостоятельно решать этот вопрос, а только совместно со школой и общественностью. К сожалению, в некоторых семьях стараются освободить детей от трудовых обязанностей, считая что они успеют еще поработать, став взрослыми. А становясь взрослыми, они часто с пренебрежением относятся к своим трудовым обязанностям. А. С. Макаренко считал, что лучшее в семье должно предоставляться, в первую очередь, родителям. Здесь не идет речь о том, чтобы лишить детей последнего куска хлеба. Речь идет об одежде, удовольствиях и даже сладостях, от которых, к сожалению, больше вреда, чем пользы.

Половое воспитание детей—сложная проблема семейного воспитания. Она заслуживает отдельного и специального рассмотрения. И поэтому мы приведем только некоторые мысли А. С. Макаренко, который тесно увязывал половое воспитание с формированием нравственности, культуры человека. «Половое воспитание—это прежде всего воспитание культуры социальной личности»³. Половую жизнь А. С. Макаренко рассматривает

через призму рождения и воспитания детей. «Отсюда ясны и цели полового воспитания. Мы должны так воспитать наших детей, чтобы они только по любви могли наслаждаться половой жизнью и чтобы свое наслаждение, свою любовь и свое счастье они реализовали в семье»⁴. Детей в первую очередь начинает интересовать тайна деторождения. И на их вопросы часто отвечают, что братика или сестренку нашли в капусте, купили в магазине или их принес аист. В 5—6-летнем возрасте дети перестают верить подобным объяснениям. Тайну деторождения они чаще всего узнают от своих товарищей. Опасность заключается в том, что тайна деторождения может быть раскрыта в грубом, циничном виде. Было бы хорошо, если бы это можно было предотвратить. А. С. Макаренко был противником натурализма и снятия «покровов» с тайны деторождения. «Никакие разговоры о «половом» вопросе с детьми не могут что-либо прибавить к тем знаниям, которые и без того придут в свое время. Но они опешлят проблеме любви, они лишат ее той сдержанности, без которой любовь называется развратом. Раскрытие тайны, даже самое мудрое, усиливает физиологическую сторону любви, воспитывает не половое чувство, а половое любопытство, делая его простым и доступным»⁵.

Большой вред детям, коммунистическому воспитанию приносит привычка употреблять некоторыми людьми нецензурные выражения, или, как говорил А. С. Макаренко, «матерную ругань». Эту привычку он считал глупой и дикой традицией и предлагал повести с ней повседневную, бескомпромиссную борьбу. «Каждый мужчина, — писал он, — отказавшийся... от матерного слова, побудивший к этому товарища, потребовавший сдержанности от каждого встречного... «героя», принесет огромную пользу и нашим детям, и всему нашему обществу»⁶. На фоне огромных достижений в области культуры, науки, техники и просвещения обычай употреблять нецензурные выражения выглядит анахронизмом. Ликвидировать этот анахронизм окончательно и навсегда — задача ближайшего времени. Эта задача решается, в первую очередь, общественностью, школой и семьей.

Нередко можно слышать претензии школы к родителям и одновременно родителей к школе за неудачи в воспитании детей. Это говорит о том, что между школой и семьей нет необходимого контакта и единства. А. С. Макаренко полагал, что главенствующая роль в воспитании детей принадлежит школе, которая должна влиять на семью как представитель государства. В «Лекциях о воспитании детей в семье» он писал: «Нужно детей в школе так воспитывать, чтобы они вносили в семью какую-то дополнительную здоровую струю, не то, чтобы перевоспитывали семью, а чтобы они шли в семью как представители государственной школы и несли эти идеи в жизнь»⁷. Пожалуй, не столь важен вопрос, кто кем должен руководить: школа семьей или семья школой. Самое главное — это совместная деятельность семьи, школы и общественности в воспитании детей. Мысли А. С. Макаренко помогают учителям, родителям добиваться настоящего единства школы, семьи и общественности, единства, которое позволяет решать самые сложные вопросы коммунистического воспитания подрастающего поколения.

¹ Макаренко А. С. Сочинения. — М., 1950, т. 4, с. 341.

² Макаренко А. С. О воспитании в семье. — М., 1955, с. 102.

³ Макаренко А. С. Книга для родителей. — Минск, 1976, с. 213.

⁴ Макаренко А. С. О воспитании в семье, с. 115.

⁵ Макаренко А. С. Книга для родителей, с. 239.

⁶ Там же, с. 249.

⁷ Макаренко А. С. О воспитании в семье, с. 163.

Н. А. ГОНЧАРОВА

О КРИТЕРИЯХ ОТБОРА ЛЕКСИЧЕСКОГО МИНИМУМА ПО ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ

Проблема отбора лексического минимума в настоящее время является одной из основных для методики обучения иностранным языкам вообще и латинскому в частности, для создания учебников и учебных пособий. Настоятельная потребность в этом вызвана и ограниченным количеством учебных часов, отводимых на латинский язык (100—110), а также необходимостью профессиональной ориентации и дифференциации курса.

Программой по латинскому языку предусмотрено для репродуктивного усвоения 500—600 слов. Однако нигде не оговорено, какие именно слова следует включать в лексический минимум и какими принципами руководствоваться при его отборе. Вместе с тем накоплен богатый опыт составления лексических минимумов по иностранным языкам для неязыковых вузов. Изучение этого опыта позволяет выделить следующие три критерия отбора активного лексического минимума по латинскому языку для студентов филологического факультета; 1) частотности, 2) лексической связи с профессиональной терминологией, 3) генетической общности со славянскими языками.

За основной был принят принцип частотности. Он, как известно, обеспечивает наибольшую объективность отбора единиц и, главное, способствует необходимой подготовке студентов к чтению оригинальной литературы и расширению их общего лингвистического кругозора.

Частотность слов определялась путем использования лингвостатистических приемов. Для отбора лексических единиц использовались произведения Цезаря, Цицерона, Саллюстия, Ливия. За величину выборки было принято 3 тыс. словоупотреблений. Число выборок равнялось 10. В лексический минимум вошли слова, нижняя достоверная величина которых была не менее 10. Как подтвердили лексиконы речей и философских сочинений Г. Мерге, отобранные подобным образом слова соответствуют таким научно разработанным принципам, как высокая сочетаемость, словообразовательная активность, семантическая ценность, многозначность, функциональная значимость и строевая способность. Методика и практика преподавания латинского языка требовали также учета двух дополнительных факторов: 1) какое количество слов частотного списка употребляется в типовых учебниках по латинскому языку; 2) соотносятся ли слова частотного списка с теми, которые традиционно используются для введения и закрепления грамматического минимума (примеры по части речи, грамматические разряды слов и категории).

Подсчет употребляемости слов активного словаря по учебнику латинского языка под редакцией В. Н. Ярхо и В. И. Лободы показал, что в учебных текстах они встречаются не менее четырех раз, т. е. достаточно часто. Как показал сравнительный анализ предварительно отобранного списка слов, иллюстрирующих грамматические явления и правила, с частотным списком в целом, последний отвечает требованиям: из него можно извлечь примеры на все основные грамматические правила. Те грамматически важные слова, которые отсутствуют в частотном списке, включены в него дополнительно.

Практика преподавания подсказала целесообразным включать в активный минимум слова, важные с точки зрения профессиональной направленности курса. Вопрос об отборе единиц, имеющих отношение к терминологии, связан и ограничен специальностью. В этот раздел словаря-минимума вошла лексика, связанная с терминами основных лингвистических дисциплин: фонетики, морфологии, синтаксиса, фразеологии, общего языкознания, стилистики, стихосложения, а также общего литературоведения. Являясь основой международной научной терминологии, латинский язык тем самым предоставляет великолепную возможность для межпредметных контактов, способствует осуществлению на практике важного методологического принципа «все имеющее связь, преподавать в связи». Учет межпредметных связей в преподавании позволяет применять знания, получаемые студентами в процессе изучения одной науки, при решении задач другой и, в конечном счете, синкретически использовать их в педагогической деятельности.

При отборе лексики, связанной путем заимствований со специальной терминологией, мы пользовались комбинацией следующих приемов: 1) списками терминов, отобранных специалистами-филологами; 2) анализом основополагающих лингвистических трудов (учебники, монографии); 3) анализом лингвистических и литературоведческих терминологических словарей. В результате были отобраны специфические, харак-

терные для филологического факультета литературоведческие термины латинского происхождения: *октава, пастораль, реализм, ретардация, урбанический, сонет*; лингвистические: *оппозиция, палатализация, ней-оративный, субъект, предикат, редукция, сингулятивы, субституция, во-кализм*. Затем с помощью справочной литературы были установлены латинские слова, к которым восходят термины. Например: *аккомодация* < *accommodatio, onis. f* — приспособление < *ad+commodare* (приспособ-лять) < *commodus, a, um* (удобный); *транзитивный* < *transitivus, a, um* — переходный < *trans* пере+*eo, ii, itum, ire* (идти, ходить). В сло-варь включались непроизводные слова, как-то: *commodus, a, um; eo, ii, itum, ire* и т. д.

Непроизводных латинских слов подобного типа оказалось 170. При этом обнаружилось, что большинство терминов восходит к высокоча-стотным латинским лексемам. Таким образом, данная выборка в зна-чительной степени накладывалась на список слов, выделенных лгво-статистическим способом. Общими оказались слова *ago, alter, causa, classis, communis, dico, divido, ducio, eo, facio, fero, frater, hostis, impero, jacio, lego, lingua, littera, mater, minor, mos, nomen, novus, paro, pater, peior, pono, res, scribo, sto, struo, statuo, tempus, urbs, verbum, voco* и др.

Слова типа *alveolus, amplius, area, compito, contamino, derivo, facti- to, figo, flecto, fungor, frico, guttur, hiatus, meditor, paltum, plangium, proto* и т. п. встречаются редко. Тем не менее они были включены в словарь-минимум по принципу их профессиональной значимости, так как связаны с важными для филологов терминами (альвеолярный, ам-плификация, ареал, компиляция, контаминация, деривация, фактитив-ный, аффикс, флексия, аффриката, гуттуральный, гиатус, медитативный, палатализация, плагиат, экспромт).

Слова, иллюстрирующие генетическую общность латинского и сла-вянских языков, были извлечены из работ по сравнительному языкозна-нию (Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков.— М., 1974; Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индо-европейских языков.— М., 1974). Использовался также этимологиче-ский словарь русского языка М. Фасмера.

В результате в словарь-минимум были включены слова типа *agnus, angulus, auris, axis, centum, decem, domus, frater, fumus, hostis, hiems, mater, mare, oculus, ovis, sal, semen, soror* и другие, что обусловлено требованиями научного подхода к изучаемому языку. В лексическом минимуме преобладают высокоупотребительные слова. В целом же сло-варь-минимум рассчитан на то, чтобы дать возможность студентам ори-ентироваться в незнакомом латинском тексте, подкреплять свои знания по грамматике примерами, актуализировать знания по смежным пред-метам.

А. М. КУХАРЧУК

ВЛИЯНИЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ОЦЕНОЧНЫЕ СУЖДЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ И ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НАМЕРЕНИЯ

Оценочные суждения о себе и о других людях представляют собой сложный продукт сознательной деятельности человека, формирующийся в процессе общения. Источником понимания образа «Я» является са-мооценка, которая становится одним из важнейших факторов формиро-вания личности. Особенности самооценки оказывают влияние на область чувств человека, его поведение и уровень притязаний, а также на про-фессиональную направленность. Самооценка способностей как основа оценки профессиональной пригодности, в конечном итоге, профессиональ-ных намерений, формируется в процессе становления личности в коллек-тиве и испытывает на себе влияние межличностных отношений.

Мы изучали влияние взаимоотношений в классном коллективе на

оценки и самооценки способностей и профессиональные намерения учащихся путем сопоставления: 1) самооценок способностей учащихся и оценок их способностей классным коллективом; 2) оценок способностей учащихся классным коллективом и оценок способностей, которые дают им друзья или симпатизирующие; 3) уровней оценок способностей учащихся классным коллективом и уровней их социометрического статуса; 4) профессиональных намерений учащихся и данных социометрического анализа.

В исследовании, проведенном в 10-х классах некоторых школ Минска, были использованы следующие методы: анкетный опрос, рейтинг, ранжирование, социометрический анализ. Испытуемым (всего 200 человек) предлагалось оценить по пятибалльной системе свои способности и способности одноклассников к учению как одному из наиболее значимых для учащихся видов деятельности. Исследование показало, что оценка своих способностей представляет определенные трудности для некоторых учащихся. 11,7% опрошенных отказались оценить себя, в то время как способности одноклассников оценили все участники эксперимента.

Для установления уровня оценок способностей учащихся нами был применен прием ранжирования. Самооценки и оценки от 5 до 4,4 балла были отнесены к первому (I) ранговому уровню, от 4,4 до 4 баллов — ко второму (II), от 3,9 до 3 баллов — к третьему (III) и ниже 3 баллов — к четвертому (IV) ранговому уровню.

Полученные нами результаты показали, что распределение учащихся по уровням согласно самооценкам и оценкам со стороны товарищей не совпадает. Так, 12,8% опрошенных отнесли свои способности к I, 46,1 — ко II и 41,1% — к III уровню. Никто из учащихся не отнес себя к самому низкому, IV уровню, в то время как по оценкам одноклассников способности такого уровня имеют 9% их товарищей. Эти данные свидетельствуют о том, что многие учащиеся проявляют склонность оценивать свои способности к овладению знаниями несколько выше, чем способности одноклассников. Для более полной характеристики оценочных суждений старшихклассников мы соотнесли все полученные самооценки и оценки с данными социометрического анализа. Сопоставление оценки способностей каждого учащегося, полученной им от друзей или симпатизирующих, со средней арифметической оценкой всего класса показало, что они совпали у 46% опрошенных, 44% испытуемых более благосклонно оценили своих друзей и тех, кому они симпатизируют, 10% оказались более строгими судьями, чем остальные одноклассники.

Нас интересовал также вопрос, как способности регулируют положение учащегося в системе межличностных отношений. Для этого оценочные суждения учащихся о способностях одноклассников были сопоставлены с социометрическим статусом последних, т. е. с их положением в системе межличностных отношений в классном коллективе. Нами было выделено 4 уровня социометрического статуса. Учащиеся, получившие 7—5 выборов в социометрическом эксперименте, были отнесены к I уровню, 4—3 выбора — ко II, 2—1 — к III и 0 выборов — к IV уровню. Среди всех учащихся оказалось 6,9% с I уровнем социометрического статуса, 22,8 — со II, 59,4 — с III и 10,9% — с IV.

Исследование показало, что 14,3% учащихся, находящихся на I уровне социометрического статуса, имеют, по мнению своих одноклассников, способности I уровня и 85,7 — II уровня. Никого из них не отнесли к III и IV уровням способностей. Учащиеся, находящиеся на II уровне социометрического статуса, относятся своими одноклассниками чаще всего ко II (56,5%) и к III уровню способностей (39,1%). Значительно реже их относят к I уровню способностей (4,4%). Учащиеся с IV уровнем способностей не попадают ни на I, ни на II уровень социометрического статуса. Они начинают появляться только на III уровне (1,7%). К этому уровню социометрического статуса чаще всего относятся учащиеся с III уровнем способностей (56,5%) и реже — со II уровнем (38,3%). Способности I уровня имеют только 3,5% учащихся, находящихся на III уровне со-

циометрического статуса. Абсолютное большинство учащихся, занимающих самое низкое положение в системе межличностных отношений, отнесены к III уровню способностей (90,9). IV уровень способностей, с точки зрения одноклассников, наблюдается у 9,1% учащихся, находящихся на IV уровне социометрического статуса. Никто из этих учащихся не отнесен по своим способностям ни к I, ни ко II уровню. И хотя наличие способностей I уровня не всегда совпадает с I уровнем социометрического статуса, из приведенных данных видно, что между уровнем оценки способностей старшеклассников, которые они дают своим товарищам, и положением последних в системе межличностных отношений в классном коллективе имеется определенная связь.

Если рассмотреть распределение учащихся по уровням способностей суммарно на каждом из уровней социометрического статуса, можно получить дополнительные количественные характеристики, подтверждающие эту связь. Исходя из наибольшей частотности распределения, рассмотрим суммарно I и II уровни способностей на I уровне социометрического статуса, II и III уровни способностей на II и III уровнях социометрического статуса (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение оценок способностей учащихся с их социометрическим статусом (в %)

Уровни социометрического статуса	Уровни способностей			
	I	II	III	IV
I	100	100	0	0
II	4,4		95,6	0
III	3,4		94,9	1,7
IV	0	0		100

Таблица 2

Суммарные самооценки способностей и социометрический статус (в %)

Уровни социометрического статуса	Уровни самооценок способностей	
	I—II	III—IV
I	90	10
II	75	25
III	66	34
IV	80	20

Из таблицы видно, что уровень ранговой оценки способностей, данной классом, совпадает с уровнем социометрического статуса подавляющего большинства учащихся при общей закономерности: чем выше уровень способностей, тем выше уровень социометрического статуса. Такое совпадение позволяет считать способности к учебной деятельности одним из регуляторов положения учащихся в системе межличностных отношений в классном коллективе.

Нас интересовал также вопрос, имеется ли зависимость между положением учащихся в системе межличностных отношений и уровнем их оценочных суждений о своих способностях. Для этого мы сопоставили самооценки способностей учащихся с их социометрическим статусом. Никто из учащихся не отнес свои способности к IV уровню. Учащиеся, находящиеся на I уровне социометрического статуса, склонны давать высокие оценки своим способностям. 30% из них имеют самооценку способностей I уровня, 60 — II и только 10% — III уровня. Учащиеся, находящиеся на II уровне социометрического статуса, оценивают свои способности более скромно: 22% из них считают, что их способности I уровня, 53 — II уровня и 25% — III уровня. Возрастает количество самооценок способностей II и III уровней у старшеклассников, имеющих III уровень социометрического статуса. Учащиеся IV уровня социометрического статуса не относят свои способности к I уровню. Но подавляющее большинство из них (80%) считает, что их способности относятся ко II уровню.

Совпадение самооценки способностей с социометрическим статусом учащихся происходит на всех его уровнях. Чаще всего оно наблюдается на II уровне социометрического статуса (53%). Уровень самооценки

совпадает с уровнем социометрического статуса у 30% тех, кто относит себя к I уровню способностей, и у 34% тех, кто относит свои способности к III уровню. Большинство старшеклассников, независимо от своего социометрического статуса, относят свои способности ко II уровню. Особенно часто такие самооценки способностей наблюдаются у учащихся, находящихся на IV уровне социометрического статуса. Склонность таких учащихся высоко оценивать свои способности, на наш взгляд, объяснима механизмом компенсации. Свое неблагоприятное положение в системе межличностных отношений в классном коллективе они пытаются компенсировать высокими самооценками способностей. Может существовать и обратная зависимость: высокая оценка своих способностей, особенно если она не совпадает с мнением окружающих и расценивается как сомнение, зазнайство, ведет к понижению социометрического статуса.

Для получения дополнительных количественных характеристик рассмотрим самооценки I и II, а также III и IV уровней суммарно (табл. 2).

Из таблицы видно, что между уровнем оценки своих способностей и уровнем социометрического статуса имеется определенная зависимость: чем выше положение учащегося в системе межличностных отношений, тем чаще они склонны высоко оценивать свои способности.

Взаимоотношения в классе влияют не только на формирование оценочных суждений старшеклассников, но и на их профессиональные намерения. Для изучения связи дружеских взаимоотношений и профессиональных намерений учащихся последним был предложен вопрос: «С кем из товарищей по классу Вы хотели бы учиться или работать по окончании школы?» Выявленные профессиональные намерения были сопоставлены с данными социометрического анализа. Согласно полученным данным, у 70% учащихся профессиональные намерения совпадают с намерениями тех, кто пользуется их симпатией, и расходятся у 30% учащихся. Данные сопоставления профессиональных намерений учащихся по взаимному выбору показали, что совпадение профессиональных намерений наблюдается почти у половины опрошенных (49,3%). Высокий процент совпадений профессиональных намерений во взаимных выборах и особенно в выборах по симпатии можно объяснить как влиянием друзей, товарищей, так и узостью диапазона выбираемых профессий, представленных в основном профессиями, требующими продолжения образования.

Полученные данные дают возможность сделать следующие выводы: оценочные суждения старшеклассников о своих способностях и способностях товарищей по классу, а также их социометрический статус являются взаимозависимыми величинами. Наличие способностей определенного уровня является одним из важнейших факторов, влияющих на положение учащегося в системе межличностных отношений, которое, в свою очередь, оказывает влияние на самооценку способностей. Межличностные отношения в коллективе оказывают заметное влияние на профессиональные намерения учащихся.

Из сказанного следует, что классному руководителю и учителям-предметникам при проведении учебной и воспитательной работы необходимо знать оценочные суждения учащихся о своих способностях и способностях одноклассников, а также их положение в системе межличностных отношений, сложившихся в классе. Высокие оценки и самооценки способностей, а также высокий социометрический статус вызывают у личности положительные эмоции, уверенность в своих силах. Однако оценочные суждения старшеклассников о способностях не всегда адекватны. Необоснованно завышенные самооценки способностей, формирующие высокий уровень притязаний при выборе профессии, требуют тактичной коррекции со стороны учителя. В особом внимании нуждаются учащиеся с низким социометрическим статусом, с низкими самооценками, о способностях которых одноклассники невысокого мнения. У них могут наблюдаться отрицательные эмоции, замкнутость, неуверенность

в своих силах. Учитель должен выявлять в каждом из таких учащихся определенные склонности к предметам школьной программы, техническому творчеству, спорту, практической и общественно-полезной деятельности. Акцентируя внимание класса на проявлении способностей учащихся, находящихся в неблагоприятном положении в системе межличностных отношений, можно улучшить их социометрический статус, повысить их самооценки.

Данные изучения оценочных суждений старшеклассников о своих способностях и способностях одноклассников, а также их взаимоотношений в классном коллективе могут быть полезными и для профориентации. Недостаточная воспитательная и профориентационная работа в школе приводит к тому, что многие учащиеся склонны выбирать профессию под влиянием товарищей, без учета данных своей личности и потребностей государства в кадрах.

Хроніка

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СТУДЕНТАМ ГДР

С 19 по 23 мая в БГУ проходила научно-методическая конференция преподавателей вузов СССР и ГДР «Теория и практика преподавания русской и советской литературы студентам из ГДР, проходящим частичное обучение в советских вузах».

В организации и работе конференции приняли участие представители министерств высшего и среднего специального образования СССР, ГДР и БССР, представители министерства народного образования ГДР, административные работники и преподаватели вузов СССР и ГДР. На пленарном заседании были заслушаны доклады профессоров Х. Шмидта (Галле), К. -Х. Каспера, К. Буттке (Лейпциг), С. Асадуллаева (Баку), доцентов Ю. Д. Аникина (ИРЯ им. А. С. Пушкина), И. П. Кохно и Д. В. Федорова (Белгосуниверситет), декана филологического факультета Белгосуниверситета А. А. Волка, в которых для последующего обсуждения на заседаниях секций и круглого стола были выдвинуты следующие проблемы: цели и задачи преподавания русского языка и советской литературы в связи с переходом вузов ГДР на 9-ти летнее обучение по новым программам и планам; методологические и методические проблемы преподавания русской и советской литературы студентам ГДР; принципы разработки новых программ и учебных пособий для курсов русской и советской литературы; о характере и содержании разных типов занятий для студентов ГДР (лекции, семинары, практические занятия, курсовые работы и другие); о межпредметных связях литературы и общих лингвистических дисциплин и вопросах координации учебных планов и программ.

Всего на конференции было заслушано и обсуждено 70 докладов и сообщений. В выступлениях участников конференции на заседаниях секций круглого стола и в ходе дискуссий отмечалась необходимость более тщательного соблюдения преемственности в обучении студентов-русистов из ГДР, более последовательной координации учебной работы лингвистических и литературных кафедр, укрепления связей между общественными, лингвистическими и литературоведческими дисциплинами. Особенно остро был поставлен вопрос о создании учебников и учебных пособий по русской и советской литературе, русскому языку, научному коммунизму и другим дисциплинам, предусмотренным учебными планами для студентов из ГДР, которые учитывали бы специфику данного типа обучения.

На заключительном заседании подведены итоги конференции и намечены перспективы будущей работы преподавателей вузов СССР и ГДР в области русского языка и литературы, приняты рекомендации.

С. А. Лысенко, Д. В. Федоров

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИН КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С 29 июня по 2 июля в Белорусском государственном университете им. В. И. Ленина проходил Всесоюзный семинар-совещание «Актуальные проблемы методики преподавания дисциплин классической филологии и зарубежной литературы». В работе семинара-совещания приняло участие 197 представителей вузов десяти союзных, ряда автономных республик и областей. Среди них 18 профессоров, 85 доцентов и 90 преподавателей вузов, заведующие кафедрами, деканы, члены Союза журналистов, сотрудник научно-исследовательского института США и Канады.

В докладах и сообщениях, обсуждались проблемы межпредметных связей, формы и методы организации лекционных курсов, семинарских и практических

занятий по зарубежной литературе и древним языкам. Работа семинара была организована по двум секциям: классических языков, античной и зарубежных литератур. На двух пленарных заседаниях и шести заседаниях секций было прочитано 30 докладов и 47 сообщений. Председатель секции классической филологии Научно-методического совета по высшему филологическому образованию Министерства высшего и среднего специального образования СССР профессор А. А. Белецкий в своем докладе «Задачи филологов-классиков в свете решений XXVI съезда КПСС» наметил основные направления, по которым должна вестись учебная, научная и идейно-воспитательная работа. Докладчик подчеркнул важность использования новейших достижений описательного, типологического и сравнительного языкознания в области классических языков, необходимость развития методологических основ исследований в области античной культуры языков и литературы. Декан факультета журналистики МГУ, зав. кафедрой зарубежной литературы, профессор Я. Н. Засурский в докладе «Структура курса лекций по истории зарубежной литературы» заострил внимание на различных типах лекций. Доцент кафедры истории зарубежной литературы Н. И. Лапидус осветил некоторые вопросы теории и практики изучения античной и зарубежной литератур в Белорусском государственном университете. Профессор Ленинградского университета Н. А. Чистякова посвятила свой доклад определению места античной литературы в художественном творчестве античного мира, роли и значения античной литературы в истории мировой культуры. Е. В. Федорова (Москва) в докладе «Взаимосвязь общего курса латинского языка с курсом истории Древнего Рима» отметила, что овладение принципами научного перевода исторических источников требует согласованного изучения курсов латинского языка и истории.

Секционное заседание по классическим языкам открыл зав. кафедрой общего и славянского языкознания БГУ им. В. И. Ленина профессор А. Е. Супрун, который, подчеркнув значение латинского языка в системе филологического образования, отметил важность изучения его для получения студентами необходимых сведений по специальности.

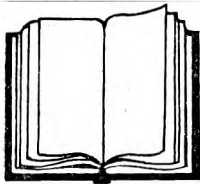
На секции преподавателей античной и зарубежной литератур речь шла об использовании самого широкого арсенала средств для совершенствования учебного процесса. О проблематизации обучения, активизации учебного процесса говорили зав. кафедрой зарубежной литературы Горьковского университета, проф. И. В. Киреева, декан факультета романо-германской филологии Ивановского университета, проф. В. Н. Шейнгер, зав. кафедрой БГУ им. В. И. Ленина, доц. И. В. Шабловская.

На заключительном пленарном заседании с докладом «Учебники по истории зарубежной литературы и латинскому языку в системе учебных пособий по гуманитарным дисциплинам» выступала зам. главного редактора издательства «Высшая школа» А. Б. Гуськова.

Совещание приняло рекомендации, в которых предлагается усилить координационную работу среди специалистов вузов страны, регулярно проводить методические совещания, позволяющие сделать богатый опыт методической работы отдельных кафедр достоянием вузов страны.

Н. А. Гончарова, И. В. Шабловская

Рецензии

А. М. Булыка. **Лексічныя запазычаны ў беларускай мове XIV—XVIII стагоддзяў.**—Мінск: Навука і тэхніка, 1980.—256 с.

Разглядаючы запазычванне як прагрэсіўную з'яву, А. М. Булыка з улікам розных унутрымоўных і экстралінгвістычных фактараў спыняецца на вызначэнні семантыкі і этымалогіі кожнага запазычанага слова, часе, шляхах і спосабах пранікнення, фанетычнай, марфалагічнай, семантычнай адаптацыі і словаўтваральнай актыўнасці яго ў беларускай мове. Назіранні над багатым фактычным матэрыялам, узятым з найбольш важных і разнастайных у жанравых і стылявых адносінах помнікаў старабеларускай пісьменнасці XIV—XVIII стагоддзяў (усяго разглядаецца 3635 запазычанняў), на думку аўтара, пераканаўча сведчаць аб тым, што шырокаму пранікненню іншамоўных слоў, акрамя геаграфічнага становішча, садзейнічала развіццё камерцыяльнай справы, гандлёвых, ваенных і дыпламатычных кантактаў беларусаў з рознымі іншымі народамі, паланізацыя (асабліва пасля Люблінскай уніі 1569 года) грамадскага і культурнага жыцця, распаўсюджанне ідэй рэфармацыі і арганізацыя брацкіх школ, а таксама імкненне часткі беларускай моладзі да набыцця вышэйшай адукацыі. Аднак паколькі ўніверсітэцкая адукацыя ва ўмовах феадальнага сярэдневечча не была і не магла быць масавай з'явай, значэнне гэтага фактара нельга перабольшваць.

Як устаноўлена ў працэсе даследавання, у колькасных адносінах сярод лексічных запазычанняў найбольшую ўдзельную вагу маюць паланізмы, за імі, па ўзбываючай ступені, ідуць словы лацінскага, нямецкага, грэчаскага, раманскага, літоўскага, венгерскага і чэшскага паходжання. Храналогія ўваходжання ў склад лексікі старабеларускай мовы запазычанняў розных лексіка-этымалагічных разрадаў цесна стасуецца з гісторыяй беларускага народа і яго бліжэйшых суседзяў. А таму найбольш

старажытнымі ў гэтых адносінах з'яўляюцца грэцызмы (пераважная большасць іх была запазычана і асвоена яшчэ старажытнарускай мовай у сувязі з прыняццем хрысціянства), цюркізмы, пранікненне якіх пачалося яшчэ да татара-мангольскага нашэсця і працягвалася ў сувязі з павелічэннем на тэрыторыі Беларусі татарскага насельніцтва, і літуанізмы — вынік шматвяковага моўнага ўзаемадзеяння літоўцаў і беларусаў. Гэтымі і некаторымі іншымі абставінамі абумоўлена і асабліва інтэнсіўнае ўздзеянне на старабеларускую літаратурную мову польскай, у выніку чаго склалася так званае беларуска-польскае двухмоўе. Акрамя таго, і з гэтым таксама нельга не згадзіцца, большасць запазычанняў з лацінскай, нямецкай і некаторых іншых заходнееўрапейскіх моў праніклі ў старабеларускую праз пасрэдніцтва польскай. Што датычыць старабеларускай мовы, то, сапраўды, праз яе трапілі толькі некаторыя грэцызмы і цюркізмы. Рускі лексічны ўплыў на беларускую мову, што вызначае характар і напрамак моўных кантактаў у нашы дні, у асноўным распачаўся пасля далучэння Беларусі да Расійскай імперыі.

Прынятую аўтарам класіфікацыю лексічных запазычанняў наўрад ці можна прызнаць бездакорнай. На с. 18—209, дзе разглядаецца семантыка, храналогія і шляхі пранікнення запазычанняў, акрамя агульнай характарыстыкі таго ці іншага лексіка-семантычнага разраду, умоў і шляхоў яго складвання ў дастаўванні да кожнага асобна ўзятага слова высвятляецца, калі, з якой мовы і ў якім значэнні яно было запазычана. Пры гэтым паслядоўна прыводзяцца ўсе выяўленыя фанетыка-марфалагічныя і графічныя варыянты разглядаемага слова, што ў сваю чаргу дае каштоўны матэрыял для ўсведамлення таго, якія фактары ўплывалі на станаўленне літаратурнай лексічнай нормы. На жаль, некаторыя з запазычаных слоў, як, напрыклад, дзеясловы *тлумачыць*, *трымаць*, шырока вядомыя сучаснай беларускай

літаратурнай мове, у кнізе або адсутнічаюць зусім, або прыводзяцца толькі ў другім яе раздзеле, дзе гаворыцца аб асабным запазычэнні ў беларускай мовы.

Найбольш важным у тэарэтычных адносінах з'яўляецца другі раздзел манаграфіі (с. 210—249) «Асабнае запазычэнні на беларускай глебе» (лепей і дакладней было б «...беларускай мовы»). Аўтар падрабязна спыняецца на фанетычнай, марфалагічнай і семантычнай адаптацыі запазычэнняў, што з'яўлялася неабходнай умовай іх трывалага замацавання ў лексічнай сістэме старабеларускай мовы, вызначае словаўтваральную актыўнасць запазычэнняў, чым (у адрозненне ад цюркізмаў і літуанізмаў з канкрэтным, прадметна-тэматычным значэннем) істотна выдзяляюцца лексемы абстрактнага зместу польскага, лацінскага і нямецкага паходжання. З даследавання відаць, што старабеларуская літаратурная мова таксама садзейнічала пранікненню пэўнай часткі лексічных запазычэнняў з славянскіх і неславянскіх заходнеўрапейскіх моў у старарускую мову пераважна дапятроўскай пары.

Гаворачы аб прыстасаванні чужога моўнага матэрыялу да заканамернасцей беларускай мовы, аўтар (с. 211) сцвярджае, што гук «ф», як нехарактэрны ёй на раннім этапе развіцця, замяняўся гукамі, блізкімі да яго ў акустычных адносінах. Трэба, аднак, мець на ўвазе, што ўзнікненне новых гукаў, як і дыферэнцыяцыя іх (у тым ліку і губных), абумоўлена станаўленнем і развіццём артыкуляцыйнай базы мовы. Таму пры тлумачэнні гэтай з'явы перавагу трэба аддаваць не акустыцы, а артыкуляцыі, пад якой разумеецца работа органаў мовы, накіраваная на вымаўленне гука, а таксама становішча іх пры вымаўленні яго. У кнізе, на жаль, адсутнічае агульны індэкс даследаванай лексікі, які неабходны для хуткага адшуквання ў тэксце патрэбнага слова.

Увогуле ж манаграфія А. М. Булькі «Лексічныя запазычэнні ў беларускай мове XIV—XVIII стагоддзяў» з'яўляецца глыбокім самастойным даследаваннем, якое істотным чынам абагачае беларускае мовазнаўства (адзначаныя недахопы носяць у асноўным прыватны характар) ведамі аб лексічных запазычэннях старэйшай пары, іх фанетычнай, марфалагічнай, семантычнай адаптацыі і словаўтваральнай актыўнасці.

А. П. Груца.

Сучасная беларуская літаратурная мова. Марфалогія. Выданне 2-е, дапрацаванае. Пад рэдакцыяй Ф. М. Янкоўскага. — Мінск: Вышэйшая школа, 1980, — 237 с.

Упершыню дапаможнік «Сучасная беларуская літаратурная мова. Марфалогія» выйшаў у свет у 1975 годзе і атрымаў станоўчую ацэнку ў друку. Пяць гадоў «Марфалогія» праходзіла грунтоўную апрацаваную на лекцыях і практыч-

ных занятках у ВНУ рэспублікі. Пацвердзілася правільнасць адбору і сістэматызацыі тэарэтычнага матэрыялу, бяспрэчнасць метадыкі яго падачы, пабудовы і размяшчэння раздзелаў. У той жа час практыка паказала, што асобныя параграфы і раздзелы кнігі патрабуюць удакладнення, канкрэтызацыі, паправак. Асноўныя патрабаванні да падручніка — навуковасць, даступнасць, пераемнасць у выкладзе матэрыялу. Гэтымі патрабаваннямі кіраваліся аўтары, удасканалваючы «Марфалогію». Былі ўлічаны апошнія дасягненні лінгвістыкі і заўвагі калег і рэцэнзентаў. Нягледзячы на тое, што над стварэннем дапаможніка працаваў вялікі аўтарскі калектыў, у кнізе захоўваецца паслядоўнасць і пераемнасць у выкладзе матэрыялу. У гэтым, безумоўна, заслуга рэдактара, прафесара Ф. М. Янкоўскага, які змог арганізаваць і аб'яднаць гэты працаздольны творчы калектыў.

Прыведзена ў адпаведнасць з апошнімі навуковымі патрабаваннямі тэрміналогія, якая ўдакладнена і часткова зменена. Так, замест марфалагічнай структуры слова ў новым выданні паслядоўна ўжываецца марфемная структура слова, замест поўныя і кароткія прыметнікі — поўныя і кароткія формы прыметнікаў, замест колькасныя лічэбнікі — уласна-колькасныя лічэбнікі, замест формы суб'ектыўнай ацэнкі прыслоўяў — формы прыслоўяў са значэннем ацэнкі і меры якасці і інш. Практыка падказала, што мэтазгодна аб'яднаць у адзін раздзел матэрыял пра марфемную структуру слова і словаўтварэнне, удакладніць назвы некаторых параграфіаў.

У другім выданні на трэць скарачаны раздзел «Прыметнік», у якім больш рацыянальна, з улікам складанасці той ці іншай тэмы размеркаваны матэрыял. У першым выданні ў § 43—45 асобна разглядаліся полісемантычныя прыметнікі — адносна-прыналежныя, адносна-якасныя і прыналежна-адносна-якасныя. Зараз падаецца традыцыйны падзел прыметнікаў на тры разрады і адначасова выдзелены яшчэ ўласнапрыналежныя і агульнапрыналежныя прыметнікі. Такая класіфікацыя прыметнікаў адпавядае практыцы школы, дзе традыцыйна вылучаюцца толькі тры разрады. Параграф «Скланенне прыметнікаў» аб'яднаў ранейшыя чатыры параграфы, пазбавіўся празмернай дэталізацыі, стаў больш кампактным і лаканічным. Раней утварэнне прыметнікаў разглядалася ў шасці параграфіах, цяпер — у адным (§ 45). Змест параграфа прыведзены ў адпаведнасць з праграмай па сучаснай беларускай мове для ВНУ, апущаны неабавязковы, другарадны матэрыял. Зроблена неабходная карэкцыя раздзела «Займеннік». У адпаведнасці з апошнімі дасягненнямі лінгвістыкі сярод асабовых займеннікаў адрозніваюцца асабовыя і асабова-ўказальныя. Дзеяслоў — адна з найбольш складаных часцін мовы, якая мае надзвычай разгалінаваную сістэму граматычных катэгорый і адносна якой няма адзінага погляду мовазнаўцаў. Натуральна, перад аўтарамі раз-

дзела «Дзеяслоў» паўстаў шэраг спрэч-ных пытанняў. У другім выданні гэты аб'ёмны раздзел перапрацаваны ў цэ-лым, а некаторыя яго параграфы — да-волі істотна. «Пераход дзееспрыметнікаў у прыметнікі» — матэрыял, якога не бы-ло ў першым выданні. Неабходнасць яго ўвядзення выклікана тым, што ад'ектывацыя — жывая і прадуктыўная з'ява ў сучаснай беларускай мове. Дзе-еспрыметнікі цяперашняга часу з суфікса-мі -уч-(-юч-), -ач-(-яч-), -ем-, -ім- сёння ўжываюцца пераважна як прыметнікі. З'ява ад'ектывацыі назіраецца і ў іншых дзееспрыметніках. Унесены псабходныя ўдакладненні і папраўкі і ў іншыя раз-дзелы.

Кожны вучэбны дапаможнік павінен не толькі вучыць, але і выходзіць. Пры дапрацоўцы дапаможніка аўтары пакла-паціліся пра паляпшэнне і ўзбагачэнне ілюстрацыйнага матэрыялу, пра яго вы-хаваўчую вартасць. Рупліва падабра-ныя сказы не толькі раскрываюць зна-чэнне граматычных катэгорый, але і са-дзейнічаюць (што не менш важна) вы-хаванню ў студэнтаў эстэтычнага густу да мастацкага слова.

Кнігай будучы карыстацца не толькі студэнты, але і настаўнікі, журналісты, яна будзе карыснай усім, хто вывучае беларускую мову.

Т. М. Трыпуціна,

І. М. Шчарбакова

Лірыка беларускага вяселля. (Укладанне і рэдакцыя Н. С. Гілевіча.— Мінск: Вы-шэйшая школа, 1979,—655 с.

У зборніку «Лірыка беларускага вя-селля» укладальнік Н. С. Гілевіч змяс-ціў звыш 1750 тэкстаў, запісаных сту-дэнтамі філалагічнага факультэта БДУ імя У. І. Леніна за апошнія 17 гадоў. У свой час Е. Р. Раманаў адзначаў, што «кожнае народнае вяселле ёсць свое-асаблівае опера». У прадмове да збор-ніка Н. С. Гілевіч піша: «Калі б у бе-ларускім песенным фальклоры не было нічога іншага, апрача вясельных песень, і тады б былі ўсе падставы сказаць, што ён належыць да ліку самых ба-гатых у свеце».

Кніга адкрываецца цікавым уступным артыкулам укладальніка. Напісаны ён з вялікім запалам, шчыра, з душой. У ім даецца гісторыя збірання вясель-ных песень і іх месца ў беларускім фальклоры, паказваюцца прычыны рас-пада вясельнага абрада, маральна-вы-хаваўчае і эстэтычнае значэнне вясель-най лірыкі. Такім чынам, артыкул уяў-ляе сабой невялікае даследаванне вя-сельнай песні. Паэт і вучоны Н. С. Гі-левіч паставіў мэтай «паказаць змяс-тоўнасць і пэтычнае характэра беларус-кай вясельнай лірыкі»; дакладней, па-знаёміць чытача з вясельнай класікай. Менавіта гэты прынцып і вытрыманы на працягу ўсяго зборніка. У той жа час тэксты песень не пазбаўлены прыклад-нога значэння для вясельнага рытуалу і гістарычнай і рэгіянальнай «прапіс-кі», а таму не толькі літаратары, фаль-

кларысты, але і мовазнаўцы і этнографы могуць шырока выкарыстоўваць гэтыя фальклорныя творы ў сваёй навуковай дзейнасці. Тлумачэнне незразумелых слоў можна знайсці ў канцы кнігі ў слоўніку, які склала кандыдат філала-гічных навук Н. І. Гілевіч. Змест пака-зальнік з'яўляецца сапраўдным навуко-вым пашпартам кожнай песні: на якім этапе вяселля выконваецца твор, хто запісаў і ад каго, узрост спявачкі і мес-ца бытвання (вёска, раён або горад). Прагляд зместа-паказальніка дае магчы-масць сцвярджаць, што вясельныя пес-ні трапілі ў зборнік пераважна з Мін-шчыны і Віцебшчыны, а другія воблас-ці рэспублікі прадстаўлены менш.

Зборнік складзены па этнаграфічна-тэматычнаму прынцыпу класіфікацыі, што найбольш адпавядае пастаўленай задачы. Спачатку размеркаванне песень ідзе па вясельнаму этапу (у які час вя-селяюць спяваюць), а затым — каму спя-ваюць. У парушэнне прынцыпу класі-фікацыі абасоблена падгрупа «Насмеш-лівыя песні», але гэта нікольні не зні-жае вартасці кнігі, а хутчэй наадварот. На нашу думку, тыя нешматлікія гала-шэнні, якія трапілі ў кнігу разам з пес-нямі без аніякіх паметак і адзнак — адзіны пралікаў складальніка, бо іх мо-жа вызначыць толькі вопытны фаль-кларыст.

Кніга ў многім адлюстроўвае сучас-ны стан беларускай вясельнай паэзіі. Амаль усе сюжэты вясельных песень, што былі надрукаваны этнографамі ў XIX і пачатку XX стагоддзяў, захавалі-ся, але тэкст некаторых песень спра-сціўся, скараціўся, забыўся, шмат чаго ўжо страчана. Так, песня «Наехаў су-жацька сам-дзесят» (с. 315) нам зда-ецца «падчасаным абломкам» песні «Зві-нела камора, звінела», што занатавана ў пачатку XIX стагоддзя ў Гаенскай па-рафіі Барысаўскага павета. Песні адно-сяцца да ўсіх момантаў вяселля, нават да «калінак», якія складальнік не вылу-чае, якія далёка не ўсюды памятаюць нават старажылы. Новым у зборніку з'яўляецца тое, што сюды ўключаны песні «Да сватання», гэта значыць, тыя песні, што папярэднічалі самаму сва-танню, але сваім зместам садзейнічалі яму. Раней фалькларысты не адносілі іх да вясельных, а да іншых цыклаў. Н. С. Гілевіч аб'ядноўвае іх з другімі групамі перадвясельных песень у адзін аддзел: «Да сватання. Сватанне. Зару-чыны».

Афармленне гэтага выдання вясель-най класікі (мастак В. М. Валянтовіч) магло быць больш жывым і радасным: чорныя вэлом і вянок, чорныя кветкі і вясельныя атрыбуты — усё гэта робіць кнігу маркотна-жалобнай. Ранейшыя кнігі Н. С. Гілевіча «Песні народных свят і абрадаў», «Лірычныя песні» вы-дадзены ў больш жывых і радасных ко-лерах.

Кожны новы зборнік, складзены Н. С. Гілевічам,— важная падзея ў культур-ным жыцці беларускага народа. Трэба мець добры густ і высокае пэтычнае пачуццё, каб сярод незлічонага мора

паэзіі выбраць самыя мастацкія, я ска-
заў бы, класічныя ўзоры, якія безу-
моўна будуць хваляваць людзей.

С. В. Барыс

И. Г. Милославский. **Вопросы словообразовательного синтеза.**— М: Изд-во МГУ, 1980.—296 с.

Главная цель автора монографии — изложить основные идеи и методы словообразовательного синтеза, суть которого сводится к тому, чтобы, имея, например, индекс морфем русского языка с указанием их значений и возможных формальных преобразований, установить те правила, которые дадут возможность «во-первых, понимать членимые русские слова и, во-вторых, образовывать новые слова от данных по заданному семантическому различию» (с. 4). В русле реализации основного замысла рассмотрен также целый комплекс других, не менее важных, вопросов русской дериватологии (значимость морфем, проблема морфемного шва, типы отношений между означаемым и означающим, омонимия и синонимия в словообразовании, взаимоотношение словообразовательного синтеза и анализа и многое другое). Задачи исследования, несомненно, масштабны. Решаются они на базе обширного и разнообразного фактического материала русского языка, что дает возможность автору убедительно обосновать свою концепцию и усилить степень достоверности выводов, изложенных в поглавных обобщениях и в заключении. Теоретические рассуждения исследователя опираются на обширную специальную литературу с учетом существующих концепций в советском и зарубежном языкознании.

В качестве практического следствия рецензируемой работы автор выдвигает необходимость составления толкового словаря морфем русского языка. По его мнению, для того чтобы осуществлять словообразовательный синтез морфем, т. е. получать значение слова из значений составляющих его морфем, необходимы словари двух типов: во-первых, морфемные словари, где бы помещенные слова были расчленены на морфемы, и, во-вторых, словари, представляющие собой индексы морфем с указанием их значений и формальных вариантов. Поскольку же слово в целом, как правило, означает больше, чем простая сумма значений составляющих его морфем, для осуществления словообразовательного синтеза «необходимы еще индекс дополнительных «приращенных» значений и правила извлечения из этого индекса в каждом конкретном случае именно того элемента, который в этом случае необходим» (с. 8). Иначе говоря, толковый словарь морфем мог бы оказаться практически полезным, если бы в нем указывались не только словообразовательные значения представленных морфем, но также помещался бы для каждой морфемы полный набор возможных дополнительных значений, вносимых ею в слово, и приводились бы

правила появления этих значений в каждом конкретном случае, а также имелось бы указание на дистрибутивные возможности той или иной морфемы. Составление же такого словаря, необходимость в котором вряд ли подлежит сомнению, связано с предварительным решением ряда весьма сложных вопросов русской дериватологии (сложность определения круга возможных смысловых приращений, вносимых морфемой в слово, необходимость выявления типов взаимоотношения собственно словообразовательного значения с «приращенным», установление статуса разного рода структурных добавлений, обычно называемых интерфиксами, и т. д.). В монографии рассматриваются лишь возможности принципиального решения указанных вопросов и, следовательно, возможности составления толкового словаря морфем безотносительно к техническому приложению этих решений в каждом конкретном случае. Но и это имеет немаловажное значение для русской дериватологии, ибо без теоретического обоснования идей составления толкового словаря морфем вряд ли осуществима практическая реализация задуманного.

Монография И. Г. Милославского состоит из введения, трех глав и заключения. В первой главе (с. 23—126) раскрывается сущность определения значения слов по значению составляющих его морфем. Исходным здесь является положение автора о том, что вопросы словообразовательного синтеза могут решаться успешно лишь тогда, когда будут ясны результаты морфемного и словообразовательного анализа. А поэтому недвусмысленными должны быть принципы членения слов на морфемы. Как справедливо отмечает и автор, морфемный анализ является процедурой более сложной, чем словообразовательный анализ, так как предполагает не только установление связи между производным и производящим словом, а и выявление всех значимых элементов во всех имеющихся в языке словах. Осуществление же этого на практике является занятием весьма сложным и не всегда успешным. Исследователю встречается здесь со многими нерешенными вопросами морфемки, среди которых вопрос о статусе так называемых интерфиксов является, пожалуй, центральным. И. Г. Милославский излагает свое понимание интерфиксов, видя в них такие «значимые элементы структуры слова, которые избыточны, т. е. уже выражены другими значимыми элементами структуры слова» (с. 28). В связи с этим «в словаре, представляющем собой морфемное членение слов русского языка, целесообразно выделять только значимые элементы, полагая, однако, что морф — это кратчайшая по форме, вариативная значимая единица, способная не один раз в пределах слова выражать одно и то же номинативное содержание» (с. 28). Иначе говоря, представленные в морфемном словаре слова должны члениться на значи-

мые части без остатка. Все это убедительно обосновывается в рецензируемой монографии. Этому подчинено и рассмотрение в данной главе всех других вопросов (определение значений выделенных морфов, установление границы между словами, значение которых равно сумме значений частей, и словами, значение которых больше суммы значений частей, правила получения значения слова по значению составляющих его морфов и т. д.). Вторая глава (с. 127—214) посвящена анализу проблем образования новых слов от имеющихся по заданному семантическому различию. В этой главе автор ставит, казалось бы, простую задачу — установить, какое именно содержание может реализоваться в дериватах и какими именно словообразовательными средствами оно может быть выражено. На самом же деле, установление этого связано с предварительным решением целого ряда других не менее сложных вопросов (определение индекса значений, способных передаваться словообразовательными средствами, выявление потенций лексической деривации у слов, принадлежащих к разным частям речи, установление правил выбора формальных средств в процессе словообразовательного синтеза, морфонологические изменения и т. д.). Указанные вопросы исследуются в монографии последовательно, в свете авторской концепции. Обобщения и выводы убедительно аргументируются. Приложение к I и II главам (с. 214—224) призвано продемонстрировать операции словообразовательного синтеза на конкретных типах текстов. В третьей главе (с. 225—291) рассматривается значение идей и методов словообразовательного анализа для соответствующих операций над словоформами и словосочетаниями, что также немаловажно для уяснения общей концепции автора и преломления ее положений на практике.

Монография И. Г. Милославского — серьезное исследование одной из фундаментальных проблем современной русской дериватологии. Книга вызовет несомненный интерес дериватологов и тех, кого интересует русское слово вообще.

Н. А. Павленко

Русское и славянское языкознание в России середины XVIII—XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников). Учебное пособие / Составители: С. В. Смирнов, Г. И. Сафонов, П. А. Дмитриев; отв. редактор П. А. Дмитриев. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.—212 с.

Эту книгу можно считать удачей как для ее составителей, так и для издательства Ленинградского университета. Русская языковедческая наука представлена в ней в живых портретах и картинах, написанных и нашими современниками, авторами пособия, и современниками тех ученых-лингвистов, которым посвящена книга. Воспоминания совре-

менников воскрешают перед читателем образы живых ученых, имена которых определили успехи русского языкознания прошлого века, вывели нашу науку на передовые позиции европейской лингвистики. Очерки жизни и деятельности М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, О. М. Бодянского, М. И. Прейса, И. И. Срезневского, В. И. Григоровича, Ф. И. Буслаева, А. А. Потехина, открывающие посвященные им разделы, достаточно информативны. В них говорится о важнейших научных результатах, полученных учеными. Выбор именно этих ученых представляется оправданным, хотя в пособие могли бы попасть и другие крупные русские языковеды прошлого, например, А. А. Барсов, И. И. Давыдов.

Книга предназначена для студентов. И биографические материалы, приводимые в ней, не просто живо рисуют ученых прошлого, но и имеют немалое воспитательное значение: ведь в них предстает и трудовая жизнь, и гуманизм, и демократизм людей русской науки прошлого. А прочтение книги в целом снабжает студентов хорошим зарядом патристического отношения к истории русской науки о языке, внушая им мысль о человечности нашей специальности и о том, что величественное здание науки строится обычными людьми, а значит, путь в науку открыт для тех, кто готов отдать ей свою жизнь и помыслы.

Книга в целом удалась. Думается, правда, что библиографические справки в конце разделов должны были бы включать наиболее важные издания трудов ученых, а подчас и некоторые специальные работы о них, опущенные составителями, такие, например, как брошюра Л. А. Булаховского «Александр Афанасьевич Потехин» (Киев: Изд-во Киевск. ун-та, 1952). Рекомендательная библиография была бы излишней и в конце введения, которое стоило бы, пожалуй, расширить для более полного представления развития русской науки о языке в рассматриваемый период. Мне показалось, что авторы слишком кратко представили О. М. Бодянского, интересного ученого и человека. Книга, конечно, выиграла бы, если бы удалось включить в нее иконографию, хотя бы по одному портрету видных русистов прошлого. Если книга дождется переиздания, а она заслуживает того, то, возможно, ее составители в какой-то мере учтут эти пожелания. А пока остается лишь пожалеть, что этот интересный опыт воспоминаний о лингвистах издан очень маленьким тиражом.

А. Е. Супрун

Н. В. Головки. Русская критика в борьбе за реализм. (А. Н. Плещеев, М. Л. Михайлов). — Минск: Изд-во БГУ, 1980—167 с.

В названии книги «Русская критика в борьбе за реализм» акцентирован научно и практически значимый аспект исследования. Настоятельная необходимость в таких изданиях возникает в

свете Постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» и в связи с введением на филологических факультетах высших учебных заведений страны курса «История русской литературной критики».

Автор монографии прослеживает сложный и противоречивый процесс развития демократической критики, вычленив для более детального и углубленного анализа наследие Алексея Николаевича Плещеева и Михаила Ларионовича Михайлова. Исследование их литературно-критического наследия дает возможность акцентировать мысль о непрерывности развития демократической критики: еще при жизни Белинского на страницах «Русского инвалида» начинает систематически печататься Плещеев, а несколько позже в журналах появляются статьи Михайлова. Отсюда правомерно и вывод о том, что в наиболее благоприятный и сложный для демократической критики период, наступивший после смерти Белинского и длившийся до появления в литературе Чернышевского, Плещеев и Михайлов одновременно с Некрасовым и Герценом представляли передовую критику. Изучение литературно-критических работ Плещеева и Михайлова помогает установить, сколь активны были поэты некрасовской школы в пропаганде идей Белинского, Добролюбова, Чернышевского, какова их роль в развитии теории реализма.

Композиция работы отличается четкостью и логической последовательностью. В ней прослеживается эволюция взглядов Плещеева на реализм. Признавая исключительную роль «натуральной школы» в истории русской литературы, он (а также Михайлов, их соратники) считал ее лишь определенным этапом в развитии реализма, требовал от писателя расширения сферы творческого изображения, глубины проникновения во внутренний мир героя, умения распознать подлинные импульсы его поведения. «Истинный путь» — так определил Плещеев новый этап в развитии реализма, наступивший в середине века.

Н. В. Головки стремится быть строго объективной, она не забывает сказать о заблуждениях Плещеева в оценке отдельных произведений Некрасова, Гл. Успенского, Л. Толстого. Резюмируя свои наблюдения и изыскания, исследовательница выделяет главное в идейно-эстетической позиции критика: в оценке произведений литературы и искусства он руководствовался требованиями реалистической эстетики и, начиная с 40-х и вплоть до 90-х годов, выступал поборником передового искусства, в период реакции продолжал активно отстаивать реализм, резко критиковать любые проявления натурализма и декаданса.

В следующем разделе книги («М. Л. Михайлов о романтизме и реализме») Н. В. Головки прослеживает формирование и становление литературно-критических и эстетических взглядов Михайлова. Если Плещеев в первые годы своей литературно-критической деятельности сосредоточил внимание на защите ос-

новных принципов «натуральной школы», то Михайлов, отмечает исследовательница, в начале 50-х годов, когда значительно усиливаются демократические и реалистические тенденции в его собственном творчестве, пытается в большей степени определить роль и место романтизма, которому он отдал дань в ранних произведениях.

Библиографические разыскания, архивные источники, новое прочтение журнальных текстов, включение дополнительных фактов в «контекст эпохи» позволяют Н. В. Головки раскрыть яркое и самобытное дарование критика-революционера: «В сложной обстановке литературной жизни 40—50-х годов Михайлов, не утратив объективного критерия в оценке произведений романтизма, в то же время выступил продолжателем теории реализма Белинского. Критика эпигонского романтизма, пропаганда произведений «натуральной школы» в первой половине 50-х годов перешли в его работах более позднего времени в исследование самых существенных проблем поэтики реализма и романтизма».

Монография Н. В. Головки будет полезной студентам-филологам, учителям-словесникам, всем, кого интересует история развития отечественной литературы.

В. В. Шахов

С. Асадуллаев. В русле социалистического реализма. — Баку: Язычы, 1979. — 192 с.

Имя С. Асадуллаева хорошо известно в советском литературоведении. Он автор семи книг: «Историзм, теория и типология социалистического реализма», «Становление социалистического реализма в ранней советской литературе», исследования «Заметки о романе», «История, художник, современность», «Лев Толстой и азербайджанская советская литература». Последняя книга «В русле социалистического реализма» вобрала статьи, в которых рассматриваются такие актуальные вопросы современной литературной жизни, как проблема традиций и новаторства, тенденции развития современной прозы, исторического и историко-революционного жанра, единство идейно-эстетических принципов социалистического реализма, основные его черты — партийность, народность, эстетическая монолитность. Одна из статей посвящена роману родоначальника азербайджанской реалистической прозы, писателя и философа-материалиста Мирзы Фатали Ахундова «Обманутые звезды». «Борьба с деспотическим шахским режимом, с феодально-крепостническими порядками, освобождение народных масс не через приход к власти просвещенного монарха и не путем революционного переворота, до понимания необходимости которого в силу социально-исторических условий не поднялся М. Ф. Ахундов, а путем преодоления религиозного фанатизма, путем всеобщего развития и просвещения» — такова, по

убеждению исследователя, главная идея произведения. Он обращает внимание не только на то, что писатель обогатил азербайджанскую прозу новым содержанием, но и широко раздвинул рамки художественной формы, утвердил в азербайджанской литературе жанр романа.

В статьях раздела «История — художник — современность» рассмотрено художественное воплощение бессмертного ленинского образа в поэзии (И. Моджус, С. Джавадзаде, С. Вургун, Р. Рза, З. Халил), драматургии (М. Ибрагимов), а также изображение героической борьбы бакинского пролетариата за установление Советской власти в Азербайджане в прозе республики. Значительный интерес в свете современных событий представляет анализ романа Панахи Макулу «Саттар-хан». Исследователь отмечает, что «Европа экспортировала в Иран не революцию, а оружие для ее подавления, банковские чеки для оплаты за услуги в шпионаже и убийствах». И только революция 1905 года, революционные события на Кавказе и в Баку питали иранскую революцию 1905—1911 годов, которая явилась живым воплощением пролетарского интернационализма в борьбе за независимость.

Специальный раздел книги посвящен азербайджанской исторической романтике 60-х годов, тематическому и жанровому многообразию произведений И. Эфендиева.

Третья глава (на наш взгляд, наиболее содержательная) целиком посвящена проблемам социалистического реализма. В ней очень ценны мысли о том, что социалистический реализм, вступая во взаимоотношения с разными художественными методами и течениями нашего века, оказывает весьма благотворное воздействие на формирование здорового идейно-эстетического климата, что вза-

имоотношения эти протекают на разных уровнях и носят различный характер. «Возникнув на главной магистрали художественного развития человечества, социалистический реализм,— утверждает Асадуллаев,— как целостная эстетическая система эпохи социализма выступает в роли наследника великих художественных открытий, прогрессивных традиций литературы и искусства всех времен и народов, развивая и обогащая их на основе принципов марксистско-ленинской материалистической эстетики, социалистического, революционного идеала». Находясь в постоянном контакте с другими методами и течениями, социалистический реализм, во-первых, оказывает положительное влияние на творчество прогрессивных зарубежных писателей не только критического реализма, но и отдельных модернистских течений, помогая их переходу на позиции социализма. А во-вторых, использует прогрессивные традиции зарубежного критического реализма или отдельные художественно-изобразительные средства и приемы модернизма, включая их в собственную идейно-эстетическую систему и подчиняя их своей основной цели — утверждению социалистического идеала. «Но сказанное,— напоминает автор,— не дает основания для утверждения о якобы разрушении идейно-эстетических основ социалистического реализма и образовании внутри него каких-то иных эстетических систем, самостоятельных творческих методов».

В работе Асадуллаева отстаивается единство идейно-эстетических принципов социалистического реализма. За каждой строкой литературоведа — основательное знание фактов, большой исследовательский труд.

С. А. Лысенко.

МІХАСЬ РЫГОРАВІЧ ЛАРЧАНКА

31 ліпеня 1981 года на 74-м годзе жыцця памёр вядомы беларускі вучоны, доктар філалагічных навук, прафесар кафедры беларускай літаратуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Міхась Рыгоравіч Ларчанка. Перастала біцца сэрца сапраўднага камуніста, выдатнага даследчыка і прапагандыста роднай літаратуры, чулага выхавачеля моладзі.

Імя Міхася Рыгоравіча назаўсёды ўвайшло ў гісторыю Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Тут ён вучыўся на літаратурна-лінгвістычным аддзяленні педагагічнага факультэта, калі толькі адбывалася станаўленне беларускай савецкай філалогіі. Тут ён працаваў, аддаючы сваю творчую энергію і арганізатарскі талент дзеля росквіту роднай культуры і навукі, згуртоўваючы вакол сябе здольную навуковую моладзь. Яго добра памятаюць студэнты грозных 40-х гадоў і тыя, хто нядаўна паступіў на філалагічны факультэт. Шлях Міхася Рыгоравіча ў навуку быў няпросты, але мэтаймкнёны і вельмі характэрны для лёсаў тых юнакоў і дзяўчат, якім савецкая ўлада стварыла ўсе ўмовы для раскрыцця іх здольнасцей.

Нарадзіўся М. Р. Ларчанка 14 лістапада 1907 года ў вёсцы Хварасцяны Слаўгарадскага раёна Магілёўскай вобласці ў сялянскай сям'і. Вучыўся ў школе сялянскай моладзі, у Магілёўскім педагагічным тэхнікуме, у БДУ. У 1932 годзе скончыў Вышэйшы педагагічны інстытут у Мінску і паступіў у аспірантуру пры Акадэміі навук БССР. З 1935 да 1941 года працаваў у Інстытуце літаратуры і мастацтва.

З першых дзён Вялікай Айчыннай вайны Міхась Рыгоравіч Ларчанка знаходзіўся на фронце, быў цяжка паранены. Пасля лячэння ў шпіталі распараджэннем ЦК КП(б)Б М. Р. Ларчанка адкліканы ў Маскву. На чыгуначнай станцыі Сходня у 1943 годзе аднавіў работу Беларускай дзяржаўнага ўніверсітэта, і М. Р. Ларчанка ўзначаліў філалагічны факультэт.

Пасля вызвалення Мінска Міхась Рыгоравіч разам з выкладчыкамі і студэнтамі вяртаецца ў родную сталіцу. Пачынаецца новы этап яго жыццёвай і творчай біяграфіі. На працягу амаль 30-ці гадоў (да 1971) М. Р. Ларчанка загадваў кафедрай беларускай літаратуры і адначасова (да 1957) быў дэканам філфака. Гэта быў час вялікіх творчых здзяйсненняў. Паспяхова абаронена доктарская дысертацыя (1955). Вышлі манаграфіі «На шляхах да рэалізма» (1958), «Сувязі беларускай літаратуры з літаратурамі суседніх славянскіх народаў у другой палове XIX ст.» (1958), «Па шляху рэалізма» (1959), «Славянская супольнасць» (1963), падручнікі для вышэйшай школы па беларускаму фальклору і старажытнай беларускай літаратуры.

Да апошніх дзён жыцця М. Р. Ларчанка захаваў зайздросную творчую актыўнасць. У 70-я гады ён выдае манаграфіі «Яднанне братніх літаратур» (1974), «Жывая спадчына» (1977), з'яўляецца сааўтарам і навуковым рэдактарам вучэбнага дапаможніка «Беларуская народна-паэтычная творчасць» (1979), рыхтуе дапоўненае і перапрацаванае выданне кнігі «На шляхах да рэалізма». Усяго ў навуковым арсенале М. Р. Ларчанкі каля 180 навуковых прац. Міхась Рыгоравіч выхаваў вялікую плеяду беларускіх вучоных-філолагаў. Нямала яго выхаванцаў і сярод пісьменнікаў Беларусі.

Плэнную навуковую і педагагічную дзейнасць М. Р. Ларчанка спалучаў з вялікай грамадскай работай. У апошні час ён з'яўляўся старшынёй секцыі родных моў і літаратур навукова-метадычнага савета пры Міністэрстве вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі СССР, членам рэдкалегіі навукова-тэарэтычнага часопіса «Веснік БДУ».

За заслугі перад Радзімай М. Р. Ларчанка ўзнагароджаны ордэнам Айчыннай вайны II ступені і медалямі. Яму прысвоена ганаровае званне заслужанага дзеяча навукі БССР.

У памяці ўсіх, хто ведаў Міхася Рыгоравіча, меў шчасце працаваць разам з ім, слухаць яго лекцыі, ён назаўсёды застанецца чалавекам вялікай душы, увасабленнем шчырасці і добразычлівасці, незвычайнай абаяльнасці і жыццёвага аптымізму.

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Воран Д. Д.</i> Трагічнае ў сучаснай беларускай навеле	3
<i>Кохоло Л. И.</i> Проблема внеземных цивилизаций в русской фантастике начала XX века	6
<i>Синило Г. В.</i> Лирика Бехера периода изгнания и национальная классическая традиция	8
<i>Ильина Н. Г.</i> Нравственно-философское содержание повести В. Долгого «Порог»	13

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Янович Е. И.</i> Отыменные наречия и предлоги в их историческом соотношении и функционировании	15
<i>Круталевіч М. М.</i> Вытворчыя асабовыя назоўнікі ў «Допісах» Ф. Кміты-Чарнабыльскага	19
<i>Мечковская Н. Б.</i> Лингвистическое содержание классификаций в восточнославянских грамматиках XVI—XVII веков	22
<i>Наркевіч А. І.</i> Граматыкалізаваныя спалучэнні слоў	28
<i>Бурак Л. І.</i> Складанае сінтаксічнае цэлае ў паэме Я. Коласа «Новая зямля»	30
<i>Шевченко Г. И.</i> К вопросу о фразеологических кальках с латинского языка в русском	34
<i>Ивашко В. А.</i> К проблеме статистического анализа русского именина	37
<i>Мохамед эль-Фатих Махджуб.</i> Литературно-книжная фразеология в романе Ю. Бондарева «Горячий снег»	40
<i>Гюлюмянц К. М.</i> Русские фразеологические заимствования в польском языке	43
<i>Хведичня Л. В.</i> Лексическая сочетаемость прилагательных тајог и тајин	46

ЖУРНАЛІСТЫКА

<i>Горчакова И. В.</i> Роль партийных журналов Белоруссии в политическом образовании трудящихся (1926—1932)	51
<i>Мельников Э. Р.</i> Газета «Рабочий» в борьбе за коллективизацию (1927—1932)	54
<i>Руденко А. А.</i> О языковом мастерстве Горького-очеркиста (структура абзаца в очерке «Город Желтого Дьявола»)	57

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

<i>Мещеряков В. П. А. С.</i> Макаренко о воспитании детей в семье	62
<i>Гончарова Н. А.</i> О критериях отбора лексического минимума по латинскому языку	64
<i>Кухарчук А. М.</i> Влияние межличностных отношений на оценочные суждения старшеклассников и их профессиональные намерения	66

ХРОНІКА

Теория и практика преподавания русской и советской литературы студентам ГДР	71
Актуальные проблемы методики преподавания дисциплин классической филологии и зарубежной литературы	72

РЭЦЭНЗІІ

<i>Груца А. П. А. М.</i> Булыка. Лексічныя запазычаны ў беларускай мове XIV—XVII стагоддзяў	73
<i>Трыпуціна Т. М., Шчарбакова І. М.</i> Сучасная беларуская літаратурная мова	74
<i>Барыс С. В.</i> Лірыка беларускага вяселья	75
<i>Павленко Н. А. И. Г.</i> Милославский. Вопросы словообразовательного синтеза <i>Супрун А. Е.</i> Русское и славянское языкознание в России середины XVIII—XIX вв.	77
<i>Шахов В. В. Н. В.</i> Головки. Русская критика в борьбе за реализм	77
<i>Лысенко С. А. С. Асадуллаев.</i> В русле социалистического реализма	78

ПАМ'ЯЦІ ВУЧОНАГА

Міхась Рыгоравіч Ларчанка	80
--	----